

Pro et Contra

№ 3–4 (52), май — август 2011

Том 15

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Издается с августа 1996 г.

Выходит шесть раз в год

Главный редактор

Мария Липман

**Заместитель
главного редактора**

Александр Стариков

Редактор

Наталия Марголис

**Ответственный
секретарь**

Татьяна Барабанова

Дизайн

Лидия Левина

Верстка

Никита Очагов

Проверка и корректура

Ольга Иванова

Консультационный совет

Владимир Барановский

Борис Дубин

Фарид Закария

Томас Карозерс

Эндрю Качинс

Анатолий Ливен

Мари Мендрас

Вадим Радаев

Кирилл Рогов

Дмитрий Тренин

Лилия Шевцова

Константин фон Эггерт

Евгений Ясин

Учредитель

Фонд Карнеги
за Международный Мир
(Carnegie Endowment
for International Peace)

Издание осуществляется
при материальной
поддержке
Фонда Макартуров

Адрес редакции: 125009, Москва, ул. Тверская, 16/2, Московский Центр Карнеги

Телефон: (495) 935-8904. Факс: (495) 935-8906. E-mail: editor@carnegie.ru

Электронные версии: <http://www.carnegie.ru/proetcontra/>

ISSN 1560-8913. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28240 от 18 мая 2007 г.

Распространяется бесплатно. Подписано в печать 3 августа 2011 года. Формат 60x90¹/₈. Усл. печ. л. 11,5. Тираж 2 000 экз.

Издательство «ARTCODEX». Москва, ул. Андроньевская Б., д.25/33. Типография ОАО ИПО «Лев Толстой». Тула, ул. Ф. Энгельса, 70. Заказ № 2125

© Carnegie Endowment for International Peace, 2011

Сейчас уже трудно поверить, что когда-то от Эстонии до Туркмении тянулось единое, жестко централизованное пространство — с одной и той же Партией, столь бесспорно единственной, что она даже не нуждалась в названии; с одинаковыми обкомами, перед которыми — от Заполярья до субтропиков — стояли ряды неизменных серебристых елей и

почти неотличимые ильичи, разве что среднеазиатские чуть посуластее.

От Прибалтики до Приморья дети учились по одним и тем же учебникам и по единому учебному плану — и по единому пятилетнему трудились

рабочие. На просторе одиннадцати часовых поясов транслировалась одна и та же программа «Время», и доставлялись одни и те же централизованно цензурированные газеты, а кто интересовался неподцензурным, слушал Радио: как и Партия, Радио не требовало названия — и так было ясно, что речь о закордонных, западных «голосах». И по всем вузам всей страны, независимо от специальности, в обязательном порядке учили «философию» — тоже без названия, потому что никакой, кроме марксистско-ленинской, знать не полагалось.

Все это развалилось почти в одночасье и с поразительной легкостью — для сравнения можно вспомнить, какими страшными событиями — войнами, этническими чистками и массовыми убийствами — сопровождался распад Югославии, другого многонационального социалистического государства.

На развалинах Советского Союза образовались 15 стран, которые принялись строить новые нации, новые исторические нарративы и новую государственность. Все они удалялись от советского, но с разной скоростью, с разной целеустремленностью и в разных направлениях.

Наиболее решительно и быстро двигались три прибалтийские республики, в каком-то смысле

так и не признавшие себя «советскими» за четыре с лишним десятилетия в составе СССР. Они рвались вернуться в Европу, где, в каком-то смысле, их ждали все эти сорок с лишним лет, — и ушли не оглядываясь. Так что сегодня понятие «постсоветские», в общем, подразумевает бывшие республики СССР за вычетом балтийских стран.

В собственно постсоветских государствах преодоление советского прошлого происходит не так последовательно. Для некоторых республик независимость стала полной неожиданностью — к ней не стремились, о строительстве новой самостоятельной нации не думали. И тем не менее постепенно всюду нашлись культурные, исторические, религиозные основы, на которых удалось создать новую национальную идентичность и собственную государственность.

В политических режимах, сложившихся на территории бывшего СССР, заново сконструированная национальная государственность прихотливо переплетается с советским наследием, но новый национализм неуклонно «растаскивает» страны все дальше друг от друга и от общего прошлого. К примеру, центральноазиатские политические системы и отчасти Азербайджан имеют целый ряд черт — узаконенную несменяемость лидера, значительную роль его семьи в политике и передачу «трона» близким родственникам, исламский фактор, — которые роднят их между собой и отличают от стран, расположенных ближе к Европе. В Центральной, бывшей Средней, Азии площади и улицы украсились монументальными фигурами новых «отцов нации». В частности, в Узбекистане во множестве явились величественные Тимуры, а в центре Ташкента ему и его наследникам воздвигнуто грандиозное святилище.

На противоположном полюсе находится Молдова, чей режим больше остальных похож на европейский — с регулярной сменой партий у власти и коалиционной политикой.

Советский полицейский режим, подавлявший любые самостийные проявления граждан, сдерживал этническую вражду и региональные различия. С распадом СССР они вышли на поверх-

ность и в ряде случаев стали важным элементом национального строительства — консолидируя нацию или, напротив, препятствуя ее единству. Глубокий и давний этнический конфликт между Арменией и Азербайджаном вспыхнул войной, и хотя кровопролитие удалось прекратить, этот конфликт и сегодня во многом определяет политическую жизнь обеих стран.

Череда политических кризисов на Украине коренится в межрегиональных противоречиях, которые мощно дали о себе знать, как только страна обрела независимость. В украинской политике активно эксплуатируется тема Второй мировой войны, но если в одной части страны это происходит по советскому образцу, где главное — прославление победы над фашизмом, то в другой — подобно соседней Польше — упор делается на оккупации украинских земель Красной Армией и их насильственном присоединении к Советскому Союзу.

В России отношение к советскому прошлому принципиально иное, чем у бывших соседей по СССР. Нашей стране — непосредственной наследнице Советского Союза — остались его столица с Кремлем и Красной площадью, ядерный статус и постоянное членство в Совете Безопасности, а также — первое место в мире по размерам территории. С какой-то точки зрения Россия — это и есть СССР, только утративший часть населения, территории и влияния в мире. Уже одно это мешает отринуть советское, которое сохраняется и в мироощущении граждан, и в политическом устройстве. Однако постсоветская идентичность хоть и содержит признаки советской, но не исчерпывается ею. А конструирование новой далеко от завершения — вот почему в 2011 году премьер-министр внезапно вытаскивает на авансцену Столыпина, а президент неожиданно объявляет важной исторической датой призвание варягов.

Авторы нынешнего номера *Pro et Contra* смотрят на постсоветские страны более кон-

кретно — они анализируют политические системы, которые сложились на этом пространстве. **Андрей Рябов** задается вопросом, образуют ли постсоветские страны политическую общность или здесь доминируют «процессы фрагментации и дистанцирования от прежнего центра». Статья **Александра Искандаряна** посвящена Армении, где в силу «скудости природных ресурсов» вынужденно формируется «коалиция представителей торгового и производственного капиталов, региональных князьков и госслужащих». **Григорий Иоффе** называет режим Белоруссии «авторитаризмом без олигархии», указывая, что «незавершенность формирования белорусской нации тормозит политическую структуризацию общества и выдвижение альтернативных лидеров». **Нику Попеску** объясняет, как Молдове удалось «избежать большинства крайностей, проявившихся в других постсоветских государствах». Политический порядок Украины **Алексей Гарань** называет плюрализмом «по умолчанию». **Алексей Малашенко** считает, что в центральноазиатских странах прочно установился авторитарный «климат». За пределами главной темы мы публикуем материал **Ивана Крастева**, посвященный парадоксальной природе нового авторитаризма. **Ольга Малинова** исследует риторику российских президентов и то, как в ней используется тема прошлого. В центре внимания **Евгения Финкеля** — конструирование исторического нарратива и его конкретный тип, в котором центральное место занимают «поиски утраченного геноцида». **Мачей Яновский** пишет о трагедии Едвабне и ее восприятию в польском обществе. *(Последние три статьи представляют собой журнальный вариант соответствующих материалов, публикуемых в сборнике «Историческая политика в XXI веке» (ред. А. Миллер, М. Липман), который в настоящий момент готовится к печати в издательстве НЛО, Москва).*

Мария Липман, главный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

6 Распадающаяся общность или целостный регион?

АНДРЕЙ РЯБОВ

«В 2010 году стартовал проект Таможенного союза. В том же году были подписаны Харьковские и Киевские соглашения с Украиной. Были нормализованы отношения по поводу поставок на Украину российского газа. До 2044 года были продлены и сроки присутствия российской военной базы в Армении. Наконец, когда весной 2011-го белорусские власти оказались перед угрозой дефолта, у России появилась реальная возможность добиться от официального Минска внешне- и внутривнутриполитических изменений, на которых она давно настаивала».

19 Армения между автократией и полиархией

АЛЕКСАНДР ИСКАНДАРЯН

«Карабахская война, длившаяся более трех лет и завершившаяся победой Армении, привела к поистине тектоническим сдвигам и в армянском социуме, и в формирующейся политической системе молодого армянского государства, и в его внешней политике. Армянское государство, практически с момента его возникновения и вплоть до заключения соглашения о прекращении огня в 1994 году, строилось, исходя из потребностей карабахского фронта. Армия стала одним из главных, если не главным государствообразующим фактором».

29 Авторитаризм без олигархии

ГРИГОРИЙ ИОФФЕ

«Не будет преувеличением сказать, что Александр Лукашенко заслонил собою страну. Он правит ею уже 16 лет, и итоги его правления не так просто оценить. Лукашенко — талантливый публичный политик, даже по мнению его недоброжелателей. Каждое его выступление — это спектакль. У него непосредственный контакт с народом, чьи настроения он тонко чувствует даже после стольких лет пребывания на вершине власти. Значительной

части этого народа Лукашенко продолжает нравиться, а большинство сельских жителей и пенсионеров чуть ли не боготворят его».

50 Хрупкий плюрализм

НИКУ ПОПЕСКУ

«Европейская интеграция не рассматривается в Молдове в качестве антироссийского проекта. В этом плане отношение политиков и общества Молдовы к России скорее дружественное, примерно такое же, как в дружественных к России государствах ЕС — Болгарии и Словакии (в отличие от стран Балтии или Польши). Дружественное отношение общественности к России полезно также и тем, что препятствует формированию образа внешнего врага и помогает сглаживать межэтнические отношения в Молдове. А это, в свою очередь, способствует сохранению плюрализма политической системы».

62 Украина: плюрализм «по умолчанию», революция, термидор

АЛЕКСЕЙ ГАРАНЬ

«Весьма вероятно, что российский вектор украинской внешней политики, вроде бы резко усилившийся после избрания президентом Януковича, со временем будет ослабевать и внешнеполитический баланс в Украине будет восстановлен. Похоже, что украинское руководство постепенно будет вынуждено вернуться к подходам президента Кучмы, который балансировал между Западом и Россией, притом что геополитическая логика, несмотря на все зигзаги, подталкивала Украину к Европе».

78 Обреченные на вечность и прозябание

АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО

«Главными объектами борьбы между властью и оппозицией в Центральной Азии являются мечети и медресе, шире — система исламского образования. Большинство мечетей контролируется государством, однако есть немало храмов (точное число неизвестно, но счет идет на сотни и тысячи), где имамы пытаются сохранить самостоятельность, где работают неофици-

альные проповедники, чьи проповеди отличаются от официальных. В этих мечетях служат «неортодоксальные» имамы, пользующиеся высоким авторитетом среди верующих, особенно среди молодежи».

СТАТЬИ

96 Парадоксы нового авторитаризма

ИВАН КРАСТЕВ

«Отказ (в виде отъезда) особенно привлекателен для российского среднего класса, представители которого скептически оценивают эффективность коллективных акций. Неблагоприятная демографическая ситуация, а также слабость национальной идентичности россиян делают такой вариант отказа вполне естественным выбором для тех, кто разочаровался в существующем режиме. Появление в России среднего класса, настроенного на отъезд, — один из важнейших факторов, способствующих выживанию режима».

106 Тема прошлого в риторике президентов России

ОЛЬГА МАЛИНОВА

«Структура “исторической” составляющей в символическом репертуаре президентских посланий выглядит следующим образом: в общей массе упоминаний о прошлом лишь 5 проц. составляют события и явления дореволюционной истории, 17 проц. — ссылки на имена деятелей отечественной культуры, 20 проц. — оценки постсоветского периода, 28 проц. — воспоминания о советской эпохе и 30 проц. — рассуждения общего характера. Таким образом, в репрезентации коллективного прошлого наблюдается определенный перекосяк в сторону новейшей истории».

123 В поисках «потерянных геноцидов»

ЕВГЕНИЙ ФИНКЕЛЬ

«Превращение в жертву геноцида дает возможность не брать на себя ответственность за неспра-

ведливости и преступления, совершенные представителями “пострадавшей нации”. Кроме того, многие посткоммунистические страны и все бывшие республики СССР получили независимость лишь недавно, а, как показывает международная практика, для легитимации независимости гуманитарная трагедия, в частности геноцид, является сильнейшим аргументом».

144 Едвабне, 10 июля 1941 года: дискуссия о событиях страшного дня МАЧЕЙ ЯНОВСКИЙ

«В настоящее время преступление в Едвабне едва ли открыто отрицают; скорее вокруг него воцарилась тишина, нарушаемая, однако, отдельными событиями. Лучшим примером этой тишины может служить официальный интернет-сайт местечка Едвабне, где евреи упоминаются исключительно в контексте их коллаборационизма с советскими властями и преследованиями поляков в 1939–1941 годах. Проблемы убийства 10 июля 1941 года не существуют».

РЕЦЕНЗИИ

165 The Cambridge History of the Cold War / M. P. Leffler, O. A. Westad (eds)

История России: XX век. Т. 2: 1939—2007 / Отв.

ред. А. Зубов

УОЛТЕР ЛАКЁР

170 Идеология «особого пути» в России и Германии: Истоки, содержание, последствия / Под ред. Э.А. Паина

ВИКТОР ШНИРЕЛЬМАН

175 Russian Environmentalism: The Yanitsky Reader

СЕРГЕЙ КРАВЧЕНКО

181 Наши авторы

182 Contents and Summaries

Распадающаяся общность или целостный регион?

На постсоветском пространстве, с одной стороны, происходят процессы фрагментации и дистанцирования от прежнего центра, а с другой — сохраняются общие черты развития | **АНДРЕЙ РЯБОВ**

В последние годы дискуссии о постсоветском пространстве нередко начинаются с попытки ответить на вопрос: сохраняется ли оно до сих пор как целостный политико-географический регион? Если это пространство все-таки существует, уместно задаться другими вопросами. Какие именно признаки позволяют утверждать, что столь непохожие друг на друга страны, выбравшие нередко различные внешне- и внутриполитические ориентиров, представляют собой некую общность? Каковы перспективы развития этой общности: ждет ли ее в обозримой перспективе распад под воздействием внутренних и международных факторов? Или, напротив, нечто архетипическое, заключенное в природе государств, расположенных на территории бывшего СССР, будет и далее поддерживать целостность региона и определять схожесть дальнейшей эволюции постсоветских стран? Эти вопросы и будут рассмотрены в данной статье.

Распадающаяся общность

Сторонники мнения, что постсоветское пространство более не существует, обычно обращают внимание на глубокие и принципиальные отличия между странами, ранее входившими в состав СССР, которые не позволяют говорить о них как о некой общности.

Первый аргумент состоит в том, что слишком различны социально-экономические и политические порядки, установившиеся в данных странах. Так, в некоторых государствах не было масштабной приватизации бывшей государственной собственности (Белоруссия, Туркменистан, Узбекистан), что в значительной степени способствовало формированию в них устойчивых авторитарных режимов, впрочем все равно существенно отличающихся друг от друга. Но эти отличия обусловлены уже другими факторами, в том числе и разными политико-культурными традициями, межрегиональными противоречиями. Страны, где была проведена «большая приватизация», также не одинаковы с точки зрения структуры отношений собственности и внутренней организации правящей элиты. Так, на Украине и в Казахстане важнейшую роль в политике и бизнесе играют промышленно-финансовые олигархические группы, оказывающие заметное влияние на госаппарат; в России, напротив, — силовая фракция государственной бюрократии, поставившая под контроль крупнейший и крупный бизнес. В Грузии предпринимается попытка построения рыночной экономики западного типа на основе развития мелкого и среднего бизнеса.

Еще большим разнообразием отличаются политические системы и режимы постсоветских стран: от жестких авторитаризмов в центральноазиатских странах (Узбекистан, Туркменистан, Казахстан, Таджикистан) (о политической ситуации в странах Центральной Азии см. статью Алексея Малашенко в этом номере *Pro et Contra* на с. 78–95), которые сочетают в своей политике советские и традиционалистские черты, до устойчивой электоральной демократии (Молдова).

Второй аргумент противников признания постсоветского пространства как региона мира опирается на различие внешнеполитических целей и ориентиров. Если в 1990-е годы прошлого столетия возникшие на развалинах Советского Союза страны еще не сложились как национальные государства и потому были вынуждены во многом ориентироваться на бывшую метрополию — Россию, то к началу нового века ситуация стала меняться. Во всех странах постсоветского пространства завершился процесс образования новых национальных государств. При этом обращает на себя внимание следующая закономерность: чем дальше политическая дистанция от Москвы, тем больше национальной государственности. Исключение составила лишь Белоруссия, которая в силу ряда обстоятельств строила свою государственность на заемных, российских ресурсах; благо проект создания Союза, а затем и Союзного государства с Россией открыл перед белорусскими правящими кругами значительные возможности для такого развития. Одни страны заявили о намерении со временем интегрироваться в евро-атлантические структуры; другие выбрали политику «качелей», третьи сохранили узы военно-политических союзов с Москвой, при этом стремясь сохранить максимум самостоятельности и не допустить, чтобы принятие решений по ключевым проблемам переместилось в Кремль.

Естественно, что с усилением центробежных тенденций на постсоветском пространстве начали деградировать институты регионального сотрудничества, и прежде всего главный из них — Содружества Независимых Государств (СНГ). Сначала СНГ эволюционировало в направлении элитного клуба, где происходили встречи лидеров постсоветских стран. На регулярных саммитах они словно пытались доказать, что если вопросы сотрудничества и интеграции не продвигаются на уровне институтов и бюрократических процедур, то их вполне можно разрешить в рамках личных встреч. По понятным причинам не достигли особых успехов и другие интеграционные проекты, выдвинутые по инициативе Москвы, — ОДКБ, ЕврАзЭС, ЕЭП. Более того, вопреки стремлению России сохранить доминирующие позиции на постсоветском пространстве, появились альтернативные проекты (например, ГУУАМ), участники которых намеревались развивать интеграционные процессы без участия Москвы. Правда, в 2010 году удалось запустить, пусть и не в полном объеме, проект Таможенного союза (Россия, Казахстан, Белоруссия), к которому вроде бы намерены подключиться и некоторые центральноазиатские страны (Киргизия, Таджикистан). Но пока неясно, удастся ли благодаря этому проекту переломить центробежные тенденции на постсоветском пространстве.

Третье соображение против рассмотрения постсоветского пространства в качестве целостного региона состоит в том, что современная Россия как исторически сложившийся консолидирующий центр на сегодняшний день не предлагает проект будущего, который обладал бы привлекательностью для других государств постсоветского пространства. Это означает, что в перспективе страны региона все равно обречены «разбежаться». Других потенциальных центров консолидации, обладающих достаточной экономической и

военно-политической мощью, на постсоветском пространстве не существует. Как нет и соответствующих амбиций заменить Россию в этом качестве.

И наконец, четвертый аргумент: между многими постсоветскими странами отсутствуют современные коммуникации. Нет не только постоянно перемещающихся потоков капитала, товаров, рабочей силы — отсутствует даже регулярное транспортное сообщение. В отсутствие подобных коммуникаций невозможно говорить о данной группе стран как о целостном политико-географическом районе мира.

“Привлекательность России как страны, которая обладает возможностью оказывать финансовую и экономическую помощь постсоветским странам, снова возросла”.

Приведенным выше аргументам противостоит точка зрения, опирающаяся на новые тенденции, которые обозначились на постсоветском пространстве после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов. В эти годы резко снизился интерес к данному региону со стороны других глобальных игроков — США и Европейского союза, долгое время являвшихся ориентирами развития для большинства постсоветских стран. Причиной тому несколько факторов. Это и вовлеченность Соединенных Штатов в решение проблем глобальной безопасности, прежде всего речь идет о вооруженных конфликтах в Ираке и Афганистане, а также о борьбе с международным терроризмом и противодействии развитию иранской ядерной программы. На этом фоне и при общем сокращении ресурсов, имеющихся в распоряжении США, соперничество с Россией за влияние на постсоветском пространстве утратило для Вашингтона былую значимость. Напротив, для обеспечения военной операции в Афганистане требовалось углубление

сотрудничества с Москвой. Начавшаяся с приходом президента Обамы «перезагрузка» американо-российских отношений закрепила эти изменения.

Евросоюз, столкнувшийся с внутренними проблемами в связи с сокращением госрасходов и значительными финансовыми трудностями некоторых стран (Греция, Ирландия, позднее Португалия), также был вынужден ослабить присутствие на постсоветском пространстве. Очевидно, что дальнейшее расширение ЕС будет приостановлено как минимум на ближайшее десятилетие. Это серьезный удар для властных элит тех постсоветских

стран, которые рассматривали интеграцию в Евросоюз в качестве перспективной задачи своей политики. Наконец, снижению интереса США и ЕС к постсоветскому пространству способствовали и неудачи «цветных революций», происшедших в некоторых государствах региона в 2003–2005 годах.

Вопреки ожиданиям эти «революции» не привели к заметному прогрессу в сфере демократии и создания свободных рыночных экономик. Так, на Украине, несмотря на плюрализацию политического и электорального процессов и заметное усиление роли независимых от государства СМИ, государственная бюрократия и промышленно-финансовая олигархия сохранили доминирующую роль в политике и экономике, а уровень коррупции не изменился. В Киргизии на месте прежнего авторитарного режима очень скоро сформировался новый, еще более жесткий.

Лишь в Грузии удалось провести успешные реформы полиции, судебной системы, государственной регистрации. Однако и они не привели к формированию в стране устойчи-

вых механизмов роста. В области политики снова возникло острое противостояние между властью и оппозицией, обвинившей президента Саакашвили в узурпации власти и установлении авторитарного режима. В развитии постсоветских государств возобладали инерционность, и в этих условиях США фактически свернули программу продвижения демократии на Восток, по крайней мере применительно к данному региону. Евросоюз сохранил проект «Восточного партнерства», разработанный по инициативе Польши и Швеции, в котором политические круги постсоветских государств не видят ни реальной возможности сближения с ЕС, ни перспективу дальнейшей интеграции.

В результате привлекательность России, прежде всего как страны, которая обладает возможностью оказывать финансовую и экономическую помощь постсоветским странам, снова возросла. Москва умело воспользовалась новыми обстоятельствами, чтобы снова заявить о себе как о консолидирующей силе. Россия не только предприняла усилия для оживления интеграционных процессов на постсоветском пространстве, но сумела заметно сблизиться со странами, отношения с которыми в последние годы оставались проблемными. Одновременно были укреплены на двухсторонней основе союзнические альянсы со старыми друзьями. В 2010 году, как уже отмечалось выше, стартовал проект Таможенного союза. В том же году были подписаны Харьковские и Киевские соглашения с Украиной, в результате которых Москве удалось добиться продления срока аренды военно-морской базы в Севастополе еще на 25 лет и договориться о реализации совместных проектов в области авиа- и судостроения, а также атомной промышленности. Были нормализованы отношения двух стран и в таком важнейшем вопросе, как поставки газа на Украину. До 2044 года были продлены и сроки присутствия российской военной базы

в Армении. Наконец, когда после президентских выборов декабря 2010 года президент Белоруссии Лукашенко снова рассорился с Западом, а весной 2011-го белорусские власти оказались перед угрозой дефолта, у России появилась реальная возможность добиться от официального Минска внешне- и внутриполитических изменений, на которых она давно настаивала.

Успешные усилия России, направленные на консолидацию постсоветского пространства — даже если считать, что это временный успех, обусловленный особенностями нынешней международной конъюнктуры, — свидетельствуют о сохранении определенных механизмов и факторов, удерживающих регион от полной фрагментации. На эти механизмы и пытается опереться Москва. Среди признаков целостности региона — безвизовый режим в отношениях между большинством государств; взаимное признание дипломов об образовании; использование русского языка как средства межгосударственного общения на официальном уровне (даже при некотором сокращении распространения русского языка в регионе эта функция пока сохраняется); широкое присутствие российского телевидения в информационном пространстве большинства стран, которое иногда называют новым информационным империализмом бывшей метрополии. В экономике многих постсоветских стран по-прежнему присутствует зависимость от России, что позволяет поддерживать экономические взаимосвязи внутри региона через прежний имперский центр. Россия является страной притяжения для потоков трудовой миграции из большинства государств Центральной Азии и Южного Кавказа, Украины, Белоруссии и Молдовы; а российская столица — центром престижного потребления для представителей правящих элит новых национальных государств, а также местом выгодного размещения их капиталов. Да и российская валюта все еще

востребована у населения стран, ранее входивших в состав СССР.

Различия во взглядах на нынешнее состояние постсоветского пространства указывают на то, что мы имеем дело со сложным социальным феноменом, в котором, с одной стороны, происходят процессы фрагментации и дистанцирования от прежнего центра, а с другой – сохраняются некие общие черты развития. При такой постановке вопроса важно понять, в чем же состоит эта общность и каков потенциал ее устойчивости. Ответ на этот вопрос поможет полнее представить и перспективы дальнейшей интеграции или, напротив, дезинтеграции пространства.

Целостный политико-географический регион

Государства, возникшие на территории бывшего СССР при смене политического строя и экономической системы, унаследовали от своего предшественника прежде всего определенный тип властного доминирования. Главной задачей данной системы власти является обеспечение несменяемости правящих элит и полный контроль с их стороны над ключевыми активами национальных экономик. Для этого необходимо ограничить или даже ликвидировать конкуренцию в публичной политике, бизнесе, информационном пространстве; минимизировать публичный контроль над властью; отстранить общество от принятия важнейших политических и экономических решений; построить жесткую иерархию социальных отношений. По сравнению с советской системой меняется экономическая и политическая среда, но механизмы функционирования общественных взаимосвязей и поведения элит остаются прежними.

Многообразие форм политических режимов и экономических систем на постсоветском пространстве, с одной стороны, отражает разные исторические фазы разложения

прежней советской модели. Так, одни страны более активно внедряли у себя рыночные механизмы и институты политической демократии; остальные же предпочитали сохранять в малоизмененном виде старые общественные формы. С другой стороны, отмеченное многообразие обусловлено культурно-историческими и политическими особенностями отдельных стран. В частности, в центральноазиатском регионе, где сильна историческая традиция тиранических режимов, а также в Азербайджане, где опыт более современного государственного устройства был крайне непродолжительным, установились устойчивые авторитарные режимы, а в Туркменистане при правлении Туркменбаши-Ниязова – и вовсе тоталитарный. Исключение представляет Киргизия, где в силу фрагментированности местной элиты и политического противостояния между Севером и Югом республики попытки создания устойчивого авторитаризма не увенчались успехом, как, впрочем, не удалось построить и стабильную электоральную демократию. В результате колебания между этими двумя полюсами государственность Киргизии так и не достигла устойчивых форм и оказалась существенно ослаблена.

В странах европейской части постсоветского пространства отличительной чертой политического развития была относительная активность гражданских структур, а в 1990-е годы и заметная вовлеченность в политику массовых слоев населения. Это вынуждало властные элиты этих стран допустить в тех или иных объемах политический и идейный плюрализм, а также проведение выборов с заранее неизвестными результатами. Когда в силу каких-то обстоятельств гражданская и политическая активность населения снижалась, властные элиты постепенно сворачивали демократические преобразования. Так произошло в первое десятилетие XXI века в России, то же происходит в настоящее время

на Украине и в Грузии. Исключение в этом ряду стран составляет Белоруссия, в которой после короткого периода политического плюрализма 1991–1994 годов утвердился авторитарный режим президента Лукашенко (о политической ситуации в Белоруссии см. статью Григория Иоффе в этом номере *Pro et Contra* на с. 29–49). Одна из основных причин состоит в том, что Белоруссия была глубоко интегрирована в хозяйственную систему Советского Союза, являясь ее «сборочным цехом»; кроме того, важным фактором является относительно высокий уровень

и России авторитарные режимы формально опираются на доминантные партии; эти партийные образования с институциональной точки зрения представляют собой в той или иной степени модификации КПСС, во всяком случае, опыт советской компартии сильно повлиял на их формирование. Тем не менее, в отличие от Советского Союза, доминантные партии нигде не играют самостоятельной политической роли; скорее они служат цели легитимации режима в рамках соответствующего институционального дизайна, а также придают силу закона реше-

“Государства, возникшие на территории бывшего СССР, унаследовали от своего предшественника определенный тип властного доминирования”.

жизни в Белоруссии на фоне других советских республик. От распада СССР Белоруссия пострадала сильнее, чем большинство бывших союзных республик. В то же время из-за слабой национальной идентичности белорусов идея создания национальной государственности, по крайней мере в 1990-е годы, не пользовалась у них особым интересом, в отличие, например, от жителей соседней Украины. В результате ни элиты, ни большинство населения в течение долгого времени не хотели отказываться от советского опыта и традиций СССР. К тому же значительную прослойку в индустриальных центрах республики составляли горожане в первом поколении, что создавало благоприятные условия для закрепления в обществе патерналистских установок и готовности принять авторитарное правление.

Авторитарные политические режимы, возникшие на постсоветском пространстве, имеют немало различий в институциональной организации и способах функционирования. В государствах Центральной Азии (кроме Киргизии), странах Южного Кавказа

и в Белоруссии сформировался классический персоналистский авторитарный режим, которому партии не нужны. В большинстве стран с авторитарными режимами официальная, системная оппозиция слаба и скорее выполняет «протокольную» функцию. Так обстоят дела в России, Азербайджане, Казахстане, Таджикистане, Узбекистане. В Белоруссии, несмотря на слабость оппозиции, она не является «младшим партнером» правящего режима. В Туркменистане оппозиции нет вовсе. В тех государствах, где оппозиция относительно влиятельна (Армения, Грузия), властные элиты, не отказываясь от авторитарного правления, вынуждены проявлять гибкость и идти на диалог.

Электоральная демократия стала принципом функционирования политической системы только в Молдове: здесь неоднократно происходила смена власти в результате альтернативных выборов (о политической ситуации в Молдове см. статью Нику Попеску в этом номере *Pro et Contra* на с. 50–61). Специфика Молдовы в том, что эта страна,

созданная на основе бывшей провинции, попеременно переходившей от Румынии к России и Советскому Союзу, вбирает в себя две разных идентичности: прорумынскую и «нерумынскую», тяготеющую к России. Их сосуществование и соперничество создают основу для политического плюрализма. Формированию и закреплению электоральной демократии в Молдове также способствовали такие факторы, как относительно высокий уровень политической активности общества, бедность, которая сужает возмож-

кратического проекта. В этих условиях после победы на президентских выборах 2010 года кандидата от Партии регионов Януковича началось быстрое свертывание демократических достижений и возвращение к авторитарному режиму.

Различия экономических систем постсоветских государств отражают не только исторические традиции, но и разницу во взглядах элит на стратегию строительства национальных государств, их интеграцию в мировую экономику и политику. Традиции частной

“Фундаментальной особенностью постсоветского капитализма является единый институт «власти-собственности», составляющий политэкономическую основу данного режима”.

ности для системной коррупции и усиления автономности элит от населения.

После «оранжевой революции» конца 2004 года — начала 2005-го считалось, что на путь строительства электоральной демократии встала Украина, которая в 1994 году уже пережила одну смену власти в результате демократических выборов. Однако затем, при президенте Кучме, на Украине стал постепенно формироваться авторитарный режим, хотя и более гибкий по сравнению с другими постсоветскими государствами. В первые годы после «оранжевой революции» Украина достигла заметных успехов в создании плюралистической политической и информационной среды и конкурентной партийной системы. Была осуществлена конституционная реформа, которая ограничивала власть президента и расширяла полномочия кабинета министров, опирающегося на парламентское большинство. Но непрекращавшаяся борьба внутри победившей «оранжевой коалиции» и провалы социально-экономической политики новой власти в дальнейшем привели к дискредитации не только ее лидеров, но отчасти и самого демо-

собственности в целом легче прививаются в странах, расположенных на европейской части постсоветского пространства, чем в государствах Центральной Азии: к примеру, в Туркменистане и Узбекистане государство до сих пор остается собственником основных активов. В то же время в Казахстане и Киргизии экономика в основном частная, поскольку проведение масштабной приватизации явилось сознательным выбором правящих элит этих государств. В странах европейской части постсоветского пространства, за исключением Белоруссии, не пожелавшей расставаться с советским опытом, доминируют экономики, в которых частная собственность играет ключевую роль. В этой системе координат Азербайджан занимает промежуточное положение, поскольку нефтяная промышленность — ключевая отрасль его экономики — находится в государственной собственности.

Несмотря на существенные политические, социальные и экономические различия между странами, образовавшимися на территории бывшего СССР, общим началом в их развитии является общественно-

экономический строй, утвердившийся за последние двадцать лет. Этот строй можно условно назвать «постсоветским капитализмом». Как будет показано ниже, именно благодаря данному феномену продолжают функционировать механизмы взаимодействия между постсоветскими странами, которые способствуют сохранению целостности региона. Эта своеобразная система содержит в себе рудименты прежнего, советского социализма; парадоксальным образом, укоренение «постсоветского капитализма» привело к возрождению более архаичных общественных форм, которые в современной литературе иногда называют нефеодалными¹. Из всех государств постсоветского пространства лишь Белоруссия в течение долгого времени избегала постсоветского капитализма. Вместо этого за счет заемных российских ресурсов здесь сохранялись основы государственной экономики советского образца и советский социальный патернализм. Однако в последние годы под давлением ряда факторов, в том числе сокращения ресурсов, поставившихся из России, этот социализм без руководящей роли коммунистической партии начал трансформироваться в национальную модель постсоветского капитализма.

Страны Балтии, по формальным историко-географическим критериям тоже относящиеся к постсоветскому пространству, в действительности принадлежат Большой Европе. Взяв курс на евро-атлантическую интеграцию сразу после распада СССР, эти страны осуществили необходимые политические и социально-экономические реформы и в начале XXI века стали членами НАТО и Европейского союза. Хотя в некоторых странах Балтии (Латвия, в меньшей степени Литва) существуют явления, характерные для постсоветского капитализма (высокий уровень коррупции, сращивание политической элиты и верхушки бизнеса) и указываю-

щие на общность происхождения с другими государствами, в целом Балтийские страны развиваются по европейским политическим алгоритмам, а местные национальные сообщества функционируют по законам, правилам и процедурам, характерным для демократического капитализма Европы.

Характерные черты постсоветского капитализма

Фундаментальной особенностью постсоветского капитализма является единый институт «власти-собственности»², составляющий политэкономическую основу данного режима. Это означает, что механизмы принятия решений вместе с системой государственного управления и одновременно фактическое распоряжение ключевыми активами национальной экономики находятся под контролем узкой группы элит. Институциональные формы подобного доминирования, балансы сил между разными группами элит (например, высокопоставленным чиновничеством и крупнейшим бизнесом) в рамках правящих коалиций, разумеется, зависят от политических особенностей той или иной страны, однако при всем разнообразии такие системы носят вертикально интегрированный характер и охватывают все уровни: национальный, местный и муниципальный.

Следствием подобного сращивания политической и экономической власти становится концентрация разнообразных ресурсов на одном полюсе политической жизни. Подобная концентрация ресурсов создает фактические барьеры для входа на политический рынок и препятствует демократизации постсоветских стран даже при проведении альтернативных выборов. В настоящее время доступ на политическую сцену для новых игроков существует лишь в Молдове, но, как говорилось выше, это объясняется не столько институциональными особенностями постсоветского капитализма в данной

стране, сколько фактором противоборства разных политико-культурных традиций и идентичностей. В остальных постсоветских государствах элиты, контролирующие власть и собственность, имеют полную возможность не допустить в большую политику тех акторов, чье присутствие на политической сцене им не выгодно. А если такие акторы все-таки попадут на политический рынок, дефицит ресурсов, с которым они столкнутся по воле правящих элит, не позволит им создать свою базу поддержки.

Сосредоточение ресурсов в руках узких привилегированных групп потребовало создания мощных распределительных механизмов. Борьба за контроль над ними, а также за источниками административной, природной и бюджетной ренты в значительной мере предопределила логику хозяйственной деятельности в постсоветских странах, а также траектории их политического развития. Предпринимательская активность по преимуществу ориентирована на захват и удержание источников ренты, а не на производство добавленной стоимости.

Соотношение между видами ренты в разных странах неодинаково. В государствах с экспортно ориентированной сырьевой экономикой (Россия, Казахстан) решающее значение имеет доступ к природной ренте. В странах с более бедными сырьевыми ресурсами главным «призом» является установление контроля над источниками бюджетной и административной ренты. Доминирование рентных отношений в хозяйственной деятельности постсоветских государств порождает особую, циклическую траекторию политического развития. Если и происходит смена конкурирующих групп элиты и контрэлиты, то пришедшие к власти не стремятся предложить обществу новые стратегии и модели развития. Даже используя разные идеологические доктрины (как это было в Армении, Молдове, Украине), они оставляют

цели своей политики неизменными: передел ресурсов и захват контроля над источниками ренты.

Постоянная борьба за передел ресурсов приводит к хронической слабости и изменчивости политических и социальных институтов. Конкурирующие группы не заинтересованы в установлении правил и процедур — игре по правилам они предпочитают *игру с правилами*. В результате институт собственности, призванный играть ведущую роль в обеспечении правовых основ рыночной экономики, приобретает условный характер — как при феодализме. Собственность может стать наградой за верную службу определенной группе элиты; если собственник по каким-то причинам перестает устраивать эту группу, собственность могут у него отобрать. Политические институты также приобретают изменчивый характер. Их неустойчивость и подвижность проявляется в первую очередь в тех странах, где находящиеся у власти группы опасаются, что могут ее потерять. Поэтому они переделывают существующий институциональный порядок, с тем чтобы упрочить собственную власть. Так, в 2010 году в Грузии была проведена конституционная реформа, усиливающая власть правительства за счет сокращения полномочий президента — вероятно, чтобы президент Саакашвили по истечении своих полномочий мог и дальше править страной, но уже из другого офиса.

Институты часто меняются и в тех случаях, когда новые группы, пришедшие во власть, хотят укрепить свои позиции. Например, Партия регионов, чей кандидат Виктор Янукович стал в 2010 году новым президентом Украины, тут же взялась за расширение полномочий главы государства, стремясь одновременно ограничить полномочия кабинета министров. При этом всего за несколько лет до того, при другом главе государства Леониде Кучме, была проведена

конституционная реформа, ограничившая власть президента.

При слабых институтах реальная власть часто сосредоточивается в неформальных центрах принятия решений. Так, в России в последние годы правления Бориса Ельцина огромное влияние на процесс разработки и принятия решений приобрела группа друзей дочери президента Татьяны. Эта группа (так называемая «семья» Ельцина) впоследствии стала одной из наиболее могущественных групп интересов. Когда институты слабы, наличие власти определяется не столько конституционными полномочиями, сколь-

явлениях коррупция способна парализовать деятельность государственного аппарата, когда групповые интересы тех или иных отрядов бюрократии входят в противоречие с реализацией конкретных управленческих задач. В данном контексте уместно вспомнить бездействие российского чиновничества летом 2010 года — в период необычной жары в европейской части страны. Многие чиновники не изменили отпускные планы и уезжали отдыхать в то самое время, когда стихийное бедствие поставило под угрозу жизнь и имущество многих граждан, безопасность важных народно-хозяйственных объектов.

“Предпринимательская активность по преимуществу ориентирована на захват и удержание источников ренты, а не на производство добавленной стоимости”.

ко наличием ресурсов, связей, влиянием в элитах. В этом плане показательна эволюция российской власти после президентских выборов 2008 года. Ранее институт президента считался стержнем всей российской государственности, ее консолидирующим началом. Несмотря на то что российская конституция не была изменена, реальная власть в стране переместилась в кабинет председателя правительства: занявший это место Путин остался главным центром власти.

В условиях постсоветского капитализма коррупция становится системным фактором. Приватизация административного ресурса чиновничеством при отсутствии механизмов подотчетности и общественного контроля формируют коррупционную среду. Государственные услуги повсеместно становятся объектом купли-продажи, а государственная служба — инструментом извлечения ренты и поборов с населения и бизнеса, а также создания благоприятной среды для опекаемых чиновниками предпринимательских структур. В крайних про-

При этом утверждение, будто коррупции меньше в тех постсоветских государствах, где были достигнуты ощутимые успехи в демократическом развитии, не подтверждается практикой. Например, на Украине и после победы «оранжевой революции», когда политический плюрализм достиг заметного прогресса, уровень коррупции не уменьшился по сравнению, скажем, с авторитарной Россией.

Слабость институтов в постсоветских странах создала среду, в которой властные отношения приобрели клиентелистский характер, основанный на личной зависимости подчиненных от своего начальства. Это означает, что мотивация к исполнению законов слабее стремления исполнить указания босса, даже противозаконные. Властная пирамида начинает напоминать феодальную иерархическую лестницу с сюзеренами и вассалами. Важнейшим фактором формирования клиентел является близость босса к распределительным механизмам, однако возникающие на такой основе группы интересов крайне неустойчивы. Если лидер утра-

чивает бюрократический ресурс и доступ к распределительным механизмам, группы быстро распадаются. Поэтому они не могут выступать в роли акторов, вырабатывающих и реализующих долгосрочные цели развития страны, — их деятельность ограничена осуществлением узкоэгоистических интересов, которые, впрочем, могут быть существенно растянуты во времени.

Практически ни в одном постсоветском государстве — исключение составляет Молдова — не удалось создать устойчивую систему передачи власти. Там, где формально действует демократический институт альтернативных выборов, властные элиты стремятся к тому, чтобы их результат был предсказуемым и определялся в ходе внутриэлитных договоренностей. В некоторых странах такие механизмы уже сформированы и успешно функционируют (Россия, Армения). В других правящие режимы только пытаются их создать (Украина, Грузия). В Азербайджане, где власть имеет сильную клановую основу, апробирован процесс передачи ее по наследству, однако в соответствии с духом времени легализация новой власти произведена через выборы. Подобная схема с большой вероятностью будет использована в странах Центральной Азии (кроме, возможно, Киргизии).

Так или иначе, во всех перечисленных формах передачи власти решающую роль играют внутриэлитные договоренности и балансы сил и интересов; все они объединены тем, что ключевую роль приобретает фигура преемника, его отбор и легитимация. Весь процесс, точнее, его важнейшие, непубличные аспекты практически никак не институционализированы, и в этом главное отличие постсоветских государств от других стран, переживающих посткоммунистическую трансформацию. В государствах Центральной и Восточной Европы смена власти осуществляется через альтернативные

демократические выборы с заранее известным результатом. В Китае и Вьетнаме — на основе жестких правил, разработанных правящими коммунистическими партиями. В обоих случаях передача власти институционализирована и осуществляется на базе соответствующих законов и процедур.

Заключение

Итак, несмотря на разнообразие политических режимов и экономических систем, постсоветские страны объединяет наличие типических черт их общественного развития, которые позволяют говорить о возникновении новой реальности — постсоветского капитализма. Эта реальность, а также заинтересованность в ее поддержании со стороны правящих элит соответствующих стран и является гарантом целостности постсоветского пространства как политико-географического региона, даже при том, что расположенные здесь страны выбрали для себя разные внешнеполитические ориентиры. Как уже отмечалось выше, одна только Белоруссия застряла на полпути между постсоветским социализмом с его государственной экономикой и государственными гарантиями социального патернализма — и постсоветским капитализмом. Стремление России подтолкнуть соседа и союзника к проведению «реформ» обусловлено не заботой о демократизации Белоруссии, а намерением приблизить политический и экономический порядок в этой стране к «российским стандартам». Белоруссия, примкнувшая к «лагерю» победившего постсоветского капитализма, окажется более покладистым союзником, готовым учитывать рекомендации Москвы в своей внутренней и внешней политике.

Особую важность представляет вопрос о динамике развития стран постсоветского капитализма. Еще недавно, до внутреннего кризиса в ЕС, считалось, что именно перспективы интеграции в Большую Европу,

пусть и отдаленная, может стать мощным фактором трансформации постсоветских государств, по крайней мере тех из них, что расположены в европейской части бывшего СССР. Среди правящих элит этих стран было модно подчеркивать значимость «европейского выбора» как приоритета их внешней политики. При этом постсоветские элиты демонстрировали иждивенческий подход: они уповали на то, что европеизация обеспечит приток денег ЕС в экономики управляемых ими стран, и не спешили с реформами по европейскому образцу. Но даже такая, поверхностная приверженность «европей-

нирует инерционное развитие, присущее постсоветскому капитализму и основанное на стремлении правящих элит и значительной части населения к сохранению *status quo*.

Исходя из неудачного опыта «цветных революций» можно предположить, что демократизация политики, утверждение принципов политического и идеологического плюрализма, создание независимых от государства СМИ сами по себе не гарантируют успешный переход от постсоветского капитализма к иному, более современному и динамичному моделям развития. Возможно, путь к этим моделям лежит через демонтаж постсовет-

“Практически ни в одном постсоветском государстве — исключение составляет Молдова — не удалось создать устойчивую систему передачи власти”.

скому выбору» позволяла правительствам многих постсоветских стран проявлять независимость по отношению к России.

Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 годов и последующий внутренний кризис в ЕС на неопределенный период закрыли перспективу расширения Евросоюза на Восток и разрушили мечты о том, что чиновники из ЕС и предприниматели из стран Большой Европы преобразят постсоветские страны в соответствии с европейскими стандартами. На сегодняшний день европейская интеграция для этих государств возможна лишь в случае, если они по своей инициативе предпримут серьезные социально-экономические и политические реформы. Пока такую готовность демонстрирует лишь маленькая Молдова, да и то немаловажную роль в этом играет обоюдное стремление Евросоюза и России использовать перспективу европейской интеграции для объединенной Молдовы как инструмент урегулирования Приднестровского конфликта. В остальных государствах пока доми-

ской государственности, которая образует ядро этого капитализма. Именно таким путем пошла Грузия при президенте Саакашвили, причем реформы начались еще до глобального финансово-экономического кризиса.

Их объектом стало прежде всего то государство, которое возникло в результате распада прежней системы, и коррумпированная постсоветская бюрократия — главная сила, заинтересованная в инерционном развитии. В Грузии были проведены успешные реформы полиции, судебной системы, регистрации бизнеса и оформления различных услуг для граждан. В отличие от других стран, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза, новое государство стало создаваться как сервисный центр, а не система институтов, существующая ради себя самой. Правда, хотя эти реформы и обозначили серьезный шаг в новом направлении, но о прорыве к новой модели развития пока говорить не приходится. В первую очередь, несмотря на глубокую приватизацию, не удалось запустить внутренние механизмы экономического

роста. Неудачными оказались реформы образования и здравоохранения. Сдерживающую роль в развитии стал играть и политический авторитаризм, который взяли на вооружение президент Саакашвили и его команда.

Поэтому вопрос о том, способен ли «грузинский путь» вывести из постсоветского капита-

лизма, пока остается открытым. Нет решения и другой фундаментальной проблемы, связанной с трансформациями на постсоветском пространстве: могут ли страны этого региона самостоятельно выйти на иные, более современные модели развития, или без зарубежного участия в таком процессе не обойтись? ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ См., например: *Шляпентох В.* Современная Россия как феодальное общество: Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт, 2008.

² Подробнее об этом институте см.: *Пивоваров Ю.* Русская политическая традиция и современность. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 96.

Армения между автократией и полиархией

В условиях крайней скудости природных ресурсов неизбежно формируется коалиция представителей торгового и производственного капиталов, региональных князьков и госслужащих. Президентская власть — лишь часть этой системы | **АЛЕКСАНДР ИСКАНДРЯН**

Чтобы разобраться в специфике политической системы Армении, необходимо обратиться к истории возникновения как ее формальной части, так и в особенности неформальной — институтов, механизмов, субститутов. Политическая система Армении складывалась в условиях, сильно отличавшихся от «нормальных» постсоветских стран¹. Между постсоветскими республиками существуют объективные различия, связанные с размером их территории, местоположением, составом населения, наличием или отсутствием энергоносителей, культурой населяющих их народов, но Армения резко отличалась от большинства других постсоветских стран еще одним, особым обстоятельством².

Это обстоятельство — карабахский конфликт, который в значительной мере обусловил многие особенности внутренней и внешней политики современной Армении. Формально являющийся для Армении внешним, фактор Карабаха — эксклава, населенного армянами, который входил в состав Советского Азербайджана, — стал генератором армянской независимости. Кроме Армении, из всех постсоветских стран, пожалуй, только у Азербайджана катализатором движения

к независимости выступила не «борьба с тоталитаризмом» или стремление к освобождению от имперской зависимости, а территориальный конфликт. Другие постсоветские страны получили независимость либо в результате целенаправленной борьбы именно за независимость от московского центра и советского правления (как страны Балтии), либо вследствие распада СССР, который был для них (например, для стран Центральной Азии) внешним процессом, не имевшим никакого отношения к их внутривнутриполитическому развитию.

Этнополитические конфликты сотрясали все постсоветское пространство, но абхазский и приднестровский, югоосетинский и даже отчасти чеченский конфликты были скорее реакцией этнических меньшинств бывших союзных республик на движение этих территорий к независимости. Во всяком случае, ни в Грузии, ни в Молдове, ни в России эти конфликты не были побудительным стимулом к борьбе за собственную государственность. В случае же Армении (и Азербайджана) именно карабахский конфликт дал толчок к строительству идеологии национальной независимости. Борьба за территориальное воссоединение армян Армении и

Карабах предшествовала движению за независимость, а не наоборот³. В Армении еще с 1988 года территориальная проблема была первичной, именно ее пытались решить лидеры карабахского движения — фактически первого массового оппозиционного движения в СССР. Вектор противостояния был направлен не на Москву, а на Баку.

В этом смысле задачи, стоявшие перед лидерами армянской революции 1988—1991 годов, в каком-то смысле сходны с задачами Бисмарка по объединению Германии во вто-

массовых митингах в Ереване конца восьмидесятых несли плакаты: «Ленин, партия, Горбачёв!» При очевидном неверии в какие бы то ни было коммунистические лозунги митинговые лидеры пытались использовать остатки уже мертвой идеологии для достижения главной цели.

Эта попытка была конечно же изначально обречена на провал. Само по себе выдвижение требований без санкции сверху (да еще такими методами, как демонстрации, митинги и петиции), формирование обще-

“Карабахская проблема стала центром армянской политической идентичности. Идея борьбы за Карабах стала идеей независимого армянского государства”.

рой половине XIX века или с итальянским Рисорджименто. Соответственно, армянская революция в корне отличалась от демократических революций в Восточной Европе или борьбы балтийских стран с советским колониализмом. В этих терминах карабахское движение в Армении — скорее национально-освободительное, даже ирредентистское, нежели демократическое.

Ирредентистский характер движения, развернувшегося в Армении в конце 1990-х, сказался не только на генезисе армянской постсоветской революции, но и на ее характере. Движение за воссоединение Армянской ССР с населенной армянами автономией в Азербайджанской ССР поначалу даже демонстрировало особую лояльность московским властям. Оно ни в коей мере не посягало на основы советского режима. Фактически его лидеры пытались воспользоваться зазором, который открывался, с одной стороны, благодаря политике гласности, а с другой — благодаря нарастающей слабости советского государства, терявшего уверенность в себе и способность перейти к массовым репрессиям в случае неподчинения. Демонстранты на

своих организациях или инициирование референдума как инструмента политики, наконец, стремление к «самостийным» административно-территориальным изменениям, исходящее «снизу», — все это ясно показывало центральной московской власти, что карабахское движение в Армении глубоко враждебно замыслу тогдашних архитекторов перестройки: они имели в виду сохранить единый Союз, пусть и в реформированном виде. Хотя организаторы карабахского движения на том этапе не выдвигали никаких реформаторских или демократических лозунгов, задача переподчинения Карабаху Армении, как и выдвигавшиеся в первые годы армянской революции методы борьбы за ее осуществление, на практике имели значительную демократическую составляющую. Таким образом, целью движения была ирредента, средством же выступало народное волеизъявление.

Тогдашние митинги дали чрезвычайно важный импульс дальнейшему развитию политической системы. Многомесячные миллионные демонстрации заложили основу культуры массовых уличных протестов, которая

сохраняется в Армении и поныне. Общество получило опыт смены власти пусть и революционными, но демократическими методами. Первое некоммунистическое правительство Армении было сформировано еще в 1990 году, примерно за год до августовского путча. Армения не голосовала на референдуме марта 1991-го о сохранении СССР и в марте того же 1991-го начала юридическую процедуру выхода из состава СССР. Практически все взрослое население нынешней Армении помнит о том опыте успешной уличной активности. Видимо, не в последнюю очередь именно эта митинговая культура позволила Армении в своей дальнейшей постсоветской истории избежать военных переворотов и гражданских войн, столь характерных для региона.

Тот факт, что борьба за Карабах изначально воспринималась как цель и осознанный выбор народа, а демократия — как метод осуществления этой цели, несомненно, наложил отпечаток на развитие постсоветской политической системы Армении. Когда к весне 1991 года лидерами карабахского движения была вполне осознана невозможность ирреденты в рамках СССР, они взяли курс на независимость от СССР — не как самоцель, а как способ получить Карабах. Фактически это была попытка решить проблему другими средствами. Методами борьбы за Карабах стали апелляции не к ЦК КПСС, а к мировому сообществу. Риторика социалистическая превратилась в риторику демократическую. При этом цель — территориальная ирредента — оставалась неизменной.

Однако в результате того, что флагом карабахского движения стала борьба за независимость, сама по себе карабахская проблема перестала быть просто территориальной или даже проблемой культурного и физического выживания части этноса — она стала центром армянской политической идентичности как таковой. Идея борьбы за Карабах стала идеей независимого армянского государства.

Экономические элиты

Методы борьбы за Карабах вскоре снова сменились. Период апелляций оказался очень коротким: к осени 1991-го, спустя всего два-три года с начала карабахского движения, эскалация конфликта достигла стадии войны. Эта война, длившаяся более трех лет и завершившаяся победой Армении, привела к поистине тектоническим сдвигам и в армянском социуме, и в формирующейся политической системе молодого армянского государства, и в его внешней политике.

Поскольку движущей силой строительства армянского государства было карабахское движение, путь к независимости и путь к войне были пройдены одновременно. Армянское государство, практически с момента его возникновения и вплоть до заключения соглашения о прекращении огня в 1994 году, строилось, исходя из потребностей карабахского фронта. Армия стала одним из главных, если не главным государствообразующим фактором.

По окончании войны сформировалась корпорация «ветеранов» — она состояла преимущественно из молодых людей, ушедших в начале 1990-х добровольцами воевать в Карабах. В целом в войне так или иначе принимала участие значительная часть мужского населения Армении, но собственно «ветеранов» в том смысле, в котором это слово употребляется здесь, — скорее тысячи, чем десятки тысяч. По социальному происхождению разброс между ними довольно велик. Однако военный опыт превратил бывших боевиков в своего рода касту — людей, объединенных боевым братством, четырьмя годами окопов, совместной победой и чувством особой заслуги перед своей страной.

Казалось бы, ситуация для третьего мира обыкновенная. Армия, постоянно вмешивающаяся в политику, типична для стран с неразвитой демократией. Классическим примером является Турция. Однако в случае

Турции, да и многих африканских и латиноамериканских государств армия, встроившись в политику, превратилась в некую политическую элиту. Среди военных идет тщательный отбор, существует даже особая система их воспитания и образования, культивируется специфическая корпоративная этика. В некоторых странах офицерство фактически передается по наследству, превращаясь в своего рода «аристократию». И самое главное, доходы военных, достаточно высокие по местным стандартам, обеспечиваются непосредственно армией, которая, в свою очередь, паразитирует на государстве.

В Армении развитию такого сценария препятствовали два фактора. Во-первых, это явление было для нее совершенно новым — кастовая психология новой военной формации не успела вполне сложиться за четыре года войны. Во-вторых, нищему постсоветскому государству, к тому же истощенному военными расходами, было не по карману содержать ветеранов Карабаха на том уровне, на который они претендовали. Вместо денег власть раздавала ветеранам преференции, в первую очередь в бизнесе. Собственно, вернувшись с войны, корпорация «ветеранов» в значительной мере сама и стала властью. В известной степени именно военные были движущей силой «мягкого переворота» 1998 года, когда первый президент Армении Левон Тер-Петросян был практически принужден подать в отставку под давлением группы высших руководителей, мотором которых был тогдашний министр обороны, легендарный герой карабахской войны Вагген Саргсян.

Задача послевоенных преференций привела к тому, что в руках ветеранов оказались различные виды бизнеса, отчего в Армении довольно быстро сложилось нечто вроде системы феодальных ленов⁴. Экономика осталась рыночной, однако одним из факторов экономической конкуренции стал

вес того или иного бизнесмена в иерархии «военного капитализма». В новой системе бизнесмен должен был либо принадлежать к когорте местных «ветеранов», либо вступить в нее, как только его бизнес становился крупным по местным масштабам (в провинции таковым мог считаться небольшой завод или даже ресторан). Причем в данном контексте речь идет не об отмывании денег, торговле оружием или наркотиками, а в первую очередь о вполне законных видах бизнеса.

При таком укладе экономическая власть становится в значительной мере функцией консенсуса между членами квазифеодальной формации, де-факто исполняющими роль регуляторов экономики. В постсоветских странах подобные фигуры принято называть олигархами; в Армении, учитывая малый размер ее экономики, статус олигарха в общественном восприятии мог получить бизнесмен, по российским масштабам довольно мелкий.

Впрочем, к началу нового тысячелетия поколение «ветеранов» начало уходить в прошлое, и сегодня в армянской экономике наблюдается новая динамика. Поскольку война закончилась более полутора десятилетий назад, каста «ветеранов» уже не пополняется свежими силами с боевым прошлым и постепенно превращается в обыкновенное сообщество бизнесменов. Условием «допуска» в бизнес становятся не боевые заслуги, а способность добиваться успеха в складывающейся экономической реальности. В среднем и низшем уровнях экономических элит произошла смена поколений: они состоят из людей, которые выросли в совершенно других условиях — после достижения независимости и войны.

Политический класс

Армянская политическая элита изначально также формировалась из достаточно узкого круга людей — интеллигентов, пришедших к

власти во время революции 1988–1990 годов. Армянскую постсоветскую революцию называли «революцией математиков». Идеологи и лидеры карабахского движения, из чьих рядов главным образом выдвинулось первое руководство независимой Армении, принадлежали к оппозиционно настроенной интеллигенции. В условиях политического кризиса именно интеллигенция сумела сыграть роль генератора сопротивления, создателя идеологий, механизмов и технологий для разрушения закостеневших структур советской власти, совершенно не приспособленных к решению проблем типа карабахской.

потребности военно-промышленного комплекса. Внутреннее воспроизводство этого слоя полностью прекратилось с падением СССР, когда не стало питавшей его почвы в виде единого советского ВПК. В какой-то мере привилегированные и обласканные властью работники НИИ лишились и работы, и социального статуса. Интеллигенция в одночасье обнищала, многие эмигрировали, оставшиеся в значительной мере маргинализировались. После коллапса экономики советского типа исчезла и потребность в таком количестве интеллигентов. В отличие от советской, новая экономическая система

“Каста «ветеранов» уже не пополняется свежими силами с боевым прошлым и постепенно превращается в обыкновенное сообщество бизнесменов”.

Сразу после революции 1988–1991 годов советские элиты в Армении были отстранены от власти на общегосударственном и, в огромной степени, на местном уровнях; в СНГ нечто аналогичное произошло только в Грузии, но позже, уже при Михаиле Саакашвили. Системы, действующие в России, Молдове, Азербайджане и даже на Украине, не говоря уже о Центральной Азии, в которых огромную роль играют советские элиты вроде силовиков, младшей партноменклатуры и т. п., абсолютно нехарактерны для армянского политического ландшафта.

Впрочем, слой, породивший политическую элиту Армении, был продуктом советской эпохи, побочным эффектом индустриализации и развития фундаментальной науки в СССР. Советская Армения была достаточно наукоемкой республикой. Либерально настроенные революционеры, ораторы и харизматические лидеры вышли из многочисленных армянских НИИ советского времени, существовавших на государственных заказах и в основном обслуживавших

не может позволить себе такую роскошь, хотя в армянском обществе и поныне сохраняется представление, что детям необходимо дать высшее образование, а это приводит к искажениям и в образовательной системе, и в структуре общества.

Примерно до конца 1990-х годов политический класс Армении по инерции формировался из среды либеральной интеллигенции. Для нужд государственного строительства все больше требовались не идеологи, а чиновники — не склонные к фронде, готовые принимать реальность, а не конструировать новую; исполнители без ораторских способностей и революционного прошлого. Формирующийся в Армении олигархический режим не может не отторгать интеллигентов первого поколения политической элиты. В каждом следующем правительстве интеллигентов-революционеров первой волны становилось все меньше. Человеческий материал, из которого вербуются новая элита независимой Армении, совершенно другой. Интеллектуалов начали заменять технократы, гораздо

более адекватные складывающейся реальности новой Армении — страны с архаизированной экономикой, слабыми политическими институтами и гипертрофированной персонализацией политических структур. В настоящее время средние управленческие слои в Армении уже оформляются в некую политическую касту, впрочем, пока еще достаточно гибкую в части рекрутирования в свою среду новых членов.

Политизированная интеллигенция продолжает сопротивляться процессу вытеснения ее из власти. Немногочисленные оппозиционеры еще остаются в парламенте, но реального влияния на идущий там процесс «дележки пирога» оказывать не могут. В результате они фактически вытеснены из политической жизни и, по меткому выражению одного из армянских политологов, играют в нем роль библейских пророков, призывая политиков к тому, чтобы те «не убивали», «не крали» и «не прелюбодействовали».

Если в период правления первого постсоветского поколения армянской элиты общество консолидировалось вокруг власти, то с окончанием карабахской войны кончилась и консолидация. Низкий уровень жизни и отсутствие экономических перспектив вели к пауперизации и, соответственно, радикализации населения. Уже к середине 1990-х годов в Армении наблюдалось катастрофическое отчуждение власти от народа и особенно от интеллигенции, к тому времени уже в значительной мере маргинализованной.

Противостояние власти часто принимает радикальный характер, митинговая активность достаточно велика, но в реальности политическая оппозиция оказывает незначительное влияние на процесс государственного управления. Номинально в стране существуют демократические институты (многопартийность, свобода слова и т. п.), но в действительности складывается олигархическая система политической власти⁵. Это создает

существенное напряжение, которое ослабляет внутреннюю легитимность каждого правительства, однако пока «партия власти» успешно манипулирует общественным мнением, например во время выборов.

Нынешняя армянская оппозиция — в основном внепарламентская, ее формализованным социальным центром является Армянский национальный конгресс во главе со смещенным в 1998 году первым президентом Армении Леоном Тер-Петросяном. Маргинализованная интеллигенция, входящая в состав оппозиции, использует те демократические инструменты, которые обеспечивали ей успех в прежние времена: митинги, демонстрации, акции протеста, неприятие предложенных правил игры⁶. Однако в новой реальности эти инструменты работают плохо, свидетельством чего стали события весны 2008 года. Тогда после президентских выборов массовые митинги впервые в независимой Армении переросли в беспорядки; власть, не готовая к такому развитию событий, отреагировала на него совершенно неадекватно, следствием чего стали жертвы, аресты и углубившийся раскол общества.

Парламент

Война и блокада усугубили последствия полного коллапса советской экономики, привели к обнищанию народа и страны в целом. Поскольку война завершилась не мирным соглашением, а лишь прекращением огня и формально продолжается по сей день, Армения вынуждена была продолжать содержать мощную армию, что истощало ее и без того ограниченные экономические возможности. При этом экономика новой Армении, страны, не имеющей существенных запасов природных ресурсов, формировалась почти с нуля, от самых примитивных форм хозяйствования и торговли. Бизнес развивался «снизу», от лотков и семейных предприятий.

Сама по себе бедность страны способствовала тому, что бизнес и политика оказались

тесно переплетены друг с другом. Выйдя на уровень крупного по местным масштабам бизнеса, встроившись в систему «ветеранских» отношений, представитель новой армянской экономики оказывается в очень тесной конкурентной среде, где ресурсов мало, каналы для экспорта и импорта крайне ограничены, а рынок узок. Бизнесмены вынуждены все время искать консенсус между собой, и наиболее подходящим для этого механизмом оказывается государство. Постоянный мучительный процесс дележки довольно маленького пирога, распределение зон влияния, лицензий и доступа к ресурсам происходит непосредственно в

потребность в коалиции была минимальной. Однако в систему коалиции встроены еще две партии, одна средняя и одна миноритарная — «Прцветающая Армения» и «Страна законности», имеющие соответственно 26 и 8 мест в парламенте. И та и другая — типичные партии одного лидера, без выраженной идеологии; при этом во главе «Прцветающей Армении» стоит крупнейший бизнесмен страны, а во главе «Страны законности» — типичный представитель нового политического класса, своего рода «политический бизнесмен».

Из парламентских партий лишь партия «Дашнакцутюн» (Армянская революционная

“Поскольку война завершилась не мирным соглашением, а лишь прекращением огня, Армения вынуждена была продолжать содержать мощную армию”.

сфере внутренней политики Армении. Таким образом, бизнесмены постепенно стали важными игроками на политическом поле.

При этом политические партии в Армении пока не сформировались. В основном они представляют собой довольно аморфные объединения групп социально активных людей, добивающихся своих карьерных целей; лоббистские структуры; электоральные механизмы или профсоюзы аппаратчиков. Отсюда и характерные для Армении размытые партийные идеологии, отсутствие реальных партийных программ, ориентация на личность, а не на конкретные задачи и пр.

Так, в нынешнем парламенте Армении, который был избран в 2007 году, представлено пять партий. Правящая Республиканская партия представляет собой характерную для постсоветских стран партию (или профсоюз) чиновников и аффилированных с ними бизнесменов, выступающую как механизм карьерного лифта для социально активных молодых людей. У нее 63 из 131 места в парламенте, то есть почти достаточно, чтобы

федерация), созданная еще в конце XIX века, не является персонифицированной клиентелой. Впрочем, ее платформа представляет собой скорее не идеологическую программу, а некий набор ценностных установок, в который по сугубо историческим причинам входит и националистическая, и социалистическая компонента. У «Дашнакцутюна» в армянском парламенте 16 мест, притом что эта партия имеет и финансовые, и медийные, и человеческие ресурсы для более широкой политической борьбы. Однако для этого она должна выйти за пределы своего традиционного националистического электората и охватить более широкие массы. Но это потребовало бы смены — или как минимум размывания — ее ценностной платформы, что резко ударило бы по поддержке «Дашнакцутюн» вне пределов Армении, в армянской диаспоре, где как раз и формируются источники ее финансовых, медийных и человеческих ресурсов.

Характерно, что сразу после избрания нынешнего парламента партия «Дашнакцутюн» также входила в состав правящей коа-

лиции и вышла из нее лишь после того, как республиканцы начали процесс нормализации армяно-турецких отношений, то есть по вполне идеологическим причинам.

Собственно оппозицию представляет в парламенте лишь «Наследие», самая миноритарная парламентская партия, у которой в армянской легислатуре всего семь мест. Впрочем, и у этой партии нет сколько-нибудь отчетливой идеологической платформы; в ее основе лежит неприятие нынешней политической системы в целом — в чистом виде социальный протест.

Таким образом, партий, которые представляли бы интересы тех или иных социальных групп, будь то крестьяне или мелкие бизнесмены, пенсионеры или средний класс, в Армении еще нет. Общество еще не выработало той политической культуры, в которой осознается необходимость организованного представительства интересов в законодательном собрании.

Фактически на политическом поле действуют не партии, а элитные группы, в первую очередь бизнес-группы, и законодательное собрание постепенно становится полем для представительства экономических интересов. На предпоследних и последних выборах в парламент прошло значительное число бизнесменов. Теперь, в отличие от раннего периода независимости, баталии в армянском парламенте происходят не между сторонниками либерализма или христианской демократии, социальной или рыночной экономики, а между представителями различных бизнес-групп.

Полиархия

Политическую систему, которая складывается в Армении, нельзя назвать полностью авторитарной. В условиях крайней скудости природных ресурсов, в частности энергоносителей, государство не имеет возможности раздавать натуральную ренту; бизнесмены должны заработать деньги, заключая между собой соглашения о разделе зон влияния, и

только потом их можно обложить налогом, будь то официальным или «серым».

Естественным итогом такого процесса становится коалиция. Это коалиция представителей торгового и производственного капиталов, региональных князьков и государственных служащих, многочисленных лобби экспортеров и импортеров. Президентская власть — лишь часть этой системы, хотя и очень крупная. И парламент, и правительство в такой системе неизбежно оказываются коалиционными. Это происходит и на формальном уровне: в Армении уже сложилась традиция формирования коалиционного правительства, даже когда в этом нет политической необходимости, а заведомо за бортом коалиции остается лишь партия «Наследие», представляющая собой оппозиционный «реликт». Сама по себе правящая Республиканская партия также представляет собой, по существу, систему коалиции различных элитных групп.

В общественном дискурсе в самой Армении, особенно в оппозиционной среде, ситуация воспринимается в совершенно ином ключе⁷. Принято считать, что вопрос о передаче власти решается внутри правящей партии задолго до выборов, а член коалиции партия «Прорывающая Армения» — не более чем «вторая колонна», которую перед выборами выделила из себя Республиканская партия, чтобы симулировать конкуренцию на потребу собственному народу и мировому сообществу. Армянское общество не считает, что различные группы внутри номенклатуры конкурируют друг с другом; на них смотрят как на представителей одной и той же группы, передающих друг другу эстафету с целью остаться у власти. Такое восприятие отражает не отсутствие конкуренции в армянской политике, а другую, существенную ее особенность: группы внутри армянской элиты (или номенклатуры) борются за власть между собой, а широкие массы населения в этой борьбе служат лишь инструментом. Конкуренция в

армянской политике, конечно, есть, и весьма острая, — представители различных бизнес-групп в парламенте перманентно вступают в союзы и расходятся, борются за влияние и переходят из одного лагеря в другой. Но это конкуренция за ресурсы, предпочтения, влияние на политическую, а следовательно, и экономическую жизнь, то есть элитная борьба, в которой народ выступает в роли инструмента.

Такая система кажется ее участникам достаточно устойчивой; в нынешнем парламенте осталась лишь горстка депутатов-оппозиционеров, не признающих ее легитимной. Однако главный элемент неустойчивости заложен в самом устройстве политической системы — в том, что политика остается почти исключительно делом элитных групп, а более широкие массы включаются в нее практически только во время выборов, которые в результате превращаются в своего рода стихийное бедствие.

При всем том, по сравнению с полным авторитаризмом, нынешний парламент, в котором представлен крупный бизнес, можно считать прообразом представительства групп, просто пока эти группы очень узкие. Владелец крупного предприятия вполне способен мобилизовать для голосования, скажем, своих наемных работников и членов их семей. Последние понимают, что смена власти может привести к смене хозяина, а поскольку в крупном бизнесе доступ к лицензиям и «режим благоприятствования» в налоговой сфере связан с лояльностью системе, а нередко и с непосредственным участием в работе ее органов (парламенте, госадминистрации или местном самоуправлении), то смена власти может грозить им потерей работы. Но возможности бизнесменов влиять на электоральные предпочтения тем не менее ограничены: вывести на улицы или к урнам для голосования социальную группу они не могут.

Процесс развития в сторону институционализации бизнеса, отделения его от политики

и, что не менее важно, отделения политики от бизнеса может занять много времени и к тому же в любой момент может быть нарушен. Для его успеха потребуются длительный период экономического роста, взросления бизнеса, выход его из состояния корпоративности с параллельным становлением элементов гражданского общества. Чем дальше в прошлое уходит война, тем больше надежд можно возлагать на экономическое развитие, появление среднего класса и упрочение государства как такового. Пока же сцепка «чиновник — законодатель — предприниматель» создает ситуацию «бифуркационного зстоя», когда власть может устойчиво воспроизводить себя, не прибегая к массовым репрессиям, однако это — не власть народа, а власть политиков.

Внешняя политика

Карабах и поныне остается важнейшим фактором в политической жизни Армении. В вопросах, касающихся собственно статуса и будущего Нагорного Карабаха, Армения вынуждена считаться с самим Карабахом, притом что почти во всех остальных сферах жизни Карабах практически полностью зависит от Еревана.

В самом Ереване действует нечто вроде «карабахского лобби». Название условное, речь не идет об субэтническом представительстве — среди этих людей есть и армяне из Армении, отстаивающие в Ереване интересы Карабаха. Естественно, подобные структуры не оформлены, но от этого их влияние не становится меньше. Особенно отчетливо это сказывается на внешней политике. Проблемы, связанные с Карабахом — ведение переговоров об урегулировании карабахского конфликта, отношения с Азербайджаном и так далее, — образуют отдельный, очень важный сектор армянской внешней политики. И карабахское лобби, и «ветераны» представляют в этом секторе консервативную тенденцию. Нынешний статус-кво, то есть ситуация «замо-

рожденного навеки» конфликта, представляется им достаточно стабильной и их вполне устраивает (во всяком случае, на серьезные уступки они не готовы). Статус-кво означает, что сохраняется уверенность в боеспособности армии и, следовательно, в достаточной военной защищенности. Соответственно, целью этих сил является консервация нынешних обстоятельств. Лозунг «ни пяди земли», в Карабахе популярный изначально, за последние пару лет стал одним из центральных внутренних дискурсов в Армении.

Именно карабахским конфликтом определяется приоритет отношений с Россией во внешней политике. Между Арменией и Азербайджаном идет гонка вооружений, для которой Азербайджан использует доходы от продажи нефти. У Армении подобных доходов нет, и льготные поставки вооружения из России, а также наличие зонтика безопасности в виде ОДКБ и поставок вооружений по льготным ценам — основной военный ресурс Армении в конфликте⁸.

При этом Армения не находится целиком под влиянием России во всех сферах жизни. В торговом балансе главным партнером Армении является Германия. Политическое

сотрудничество Армении с европейскими и, шире, западными структурами, от Совета Европы или НАТО до программы ЕС «Восточное партнерство», по своему формату и уровню институционализации такое же, как у ее соседей по Южному Кавказу. Но в сфере безопасности сотрудничество с Россией безальтернативно, что прекрасно осознается армянским руководством. Любые проекты интеграции с Европой и, шире, с Западом, часто вполне успешные, хотя не всегда афишируемые, не отменяют нужду в военно-политическом «зонтике», который в данный момент Армении может дать только Россия. Встречное стремление России к присутствию на Южном Кавказе, особенно после войны с Грузией, делают этот интерес взаимным.

Однако внешняя политика Армении в значительной мере определяется внутренней, то есть в первую очередь карабахским вопросом. Изменения в этой области если и будут происходить, то очень медленно; всякое внешнее давление, особенно в карабахском вопросе, лишь усиливает сопротивление сложившейся политической системы. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Подробно об истории постсоветской Армении см.: Армения: Проблемы независимого развития / Ред. Е.М. Кожокин. М.: РИСИ, 1998.

² *Фурман Д.* Дивергенция политических систем на постсоветском пространстве // Свободная мысль—XXI. 2004. № 10.

³ Речь тут идет именно об Армении, а не о самом Карабахе; рассмотрение политического развития в Карабахе лежит за пределами этой статьи.

⁴ *Рябов А.* Возрождение «феодалной» архаики в современной России: практика и идеи // Рабочие материалы. 2008. № 4. М.: Московский Центр Карнеги, 2008.

⁵ *Золян С.* Армения в 2008 г.: феодальная демократия или демократический феодализм // Кавказ-2008. Ежегодник Института Кавказа. Ереван: Институт Кавказа, 2010.

⁶ *Маргарян М., Мурадян А.* Маргинализация в процессе демократизации политической системы: «Цветные революции» (на арм. яз.) // 21-й Век. 2008. № 3 (21). С. 137–157.

⁷ *Мелконян Н.* Политическая мифология в контексте президентских выборов 2008 г. в РА (на арм. яз.) // 21-й Век. 2009. № 2 (24). С. 94–102.

⁸ Подробнее на эту тему см.: *Iskandaryan A.* Armenia-Russia Relations: Geography Matters // Spotlight on Armenia / Adam Hug (ed.). L.: Foreign Policy Centre, 2011 (<http://fpc.org.uk/fsblob/1331.pdf>).

Авторитаризм без олигархии

Белорусский политический режим — это вызов не только демократическому Западу, но и России, где власть служит инструментом обогащения, а социально-территориальная поляризация достигает огромных масштабов | **ГРИГОРИЙ ИОФФЕ**

Беларусь, о которой мало что знают широкие массы на Западе, числится там «последней диктатурой Европы». В России, где Беларусь известна лучше, хотя экспертным знанием о ней и тут владеют немногие, эту страну считают «советским заповедником». Действительно, в Беларуси, как нигде, культивируется память о советском наследии, особенно о Великой Отечественной войне и даже о Сталине как ее полководце. Ассоциации со сталинизмом возникли и в 1999–2000 годах, когда бесследно исчезли два белорусских оппозиционных политика — Юрий Захаренко и Виктор Гончар, а также бизнесмен Анатолий Красовский и телеоператор Дмитрий Завадский. Оппоненты Александра Лукашенко подозревают его режим в убийстве всех этих людей. Когда белорусский лидер созывает Всебелорусское народное собрание, не прописанный в конституции орган «прямого народовластия», сильно смахивающий на съезд КПСС, его оппоненты подчас не выбирают выражений¹. Но и белорусский президент в выражениях не стесняется. Валерий Карбалевич, основываясь на лексическом анализе выступлений Лукашенко, в которых тот упоминает оппозицию, выделил пять уровней демонизации этих «внутренних врагов»: нелюди; ущербные люди; ненормальные; моральные уроды; и,

наконец, корыстные люди, раньше сидевшие у кормушки².

Беларусь отстает от большинства бывших стран социализма по показателям перехода к рынку. Например, лишь 30 проц. валового национального продукта производится в Беларуси частным сектором (меньше только в Туркменистане)³, невелико и социальное расслоение. Децильный коэффициент дифференциации доходов в республике находится на уровне 5,6–5,9, тогда как в России этот показатель составляет около 17⁴. Беларусь не прошла через «шоковую терапию», и в ней нет долларовых миллиардеров, по крайней мере декларированных. В частные руки до сих пор не передано ни одного по-настоящему крупного предприятия. На этом фоне предпринятые в последнее время в Беларуси шаги по либерализации экономики воспринимаются чуть ли не как газетная утка. Между тем с 2007-го в стране введена плоская шкала подоходного налога, отменена «золотая акция», введен заявительный принцип регистрации бизнеса и ожидается приватизация ряда крупных предприятий. В рейтинге Мирового банка *“Doing Business 2009”*, в который включена 181 национальная экономика, Беларусь числилась 82-й по легкости регистрации и закрытия бизнеса⁵. По сравнению с 2008 годом это был скачок на целых 30 позиций. А в аналогичном

рейтинге 2010-го Беларусь была уже 58-й, опередив такие страны, как Польша, Турция, Чехия, Италия и Китай⁶.

Экономические трудности последнего времени связаны с дефицитом внешнеторгового баланса на фоне сверхвысоких цен на нефть и сами по себе не противоречат стремлению улучшить условия для частного бизнеса. Скорее, напротив, реализация этого запоздалого стремления может помочь решению хотя бы части возникших проблем.

“В Беларуси персоналистский авторитарный режим и всплески репрессий сочетаются с расколом общества и огромной ролью внешнего фактора”.

Не будет преувеличением сказать, что Александр Лукашенко заслонил собою страну. Он правит ею уже 16 лет, и итоги его правления не так просто оценить. Лукашенко — талантливый публичный политик, даже по мнению его недоброжелателей. Каждое его выступление — это спектакль. У него непосредственный контакт с народом, чьи настроения он тонко чувствует даже после стольких лет пребывания на вершине власти. Значительной части этого народа Лукашенко продолжает нравиться, а большинство сельских жителей и пенсионеров чуть ли не боготворят его. Более 60 проц. белорусов признают его заслуги в укреплении белорусской независимости и в поддержании порядка⁷, который для них более ценен, чем свобода.

Однако есть немало сограждан, относящихся к Лукашенко с неприязнью, причем из неформального общения с этими людьми, во всяком случае до декабрьских событий, создавалось впечатление, что по крайней мере у некоторых из них это неприятие эстетического свойства. Им претит его простонародная («колхозная», как они говорят) речь, фонетически очень белорусская, но лексиче-

ски русская с вкраплением белорусских слов только в эмоционально негативном контексте (типа «бязглуздай демократии больше не будет»⁸), привычка унижать чиновников перед телекамерами, резкие суждения и популистские обещания — то есть как раз все то, что любят сторонники белорусского лидера. Но даже та часть белорусов, что не приемлет Лукашенко эстетически, не может не признать тот факт, что при нем в Беларуси — по меньшей мере с 2004 по 2010-й — темп эконо-

мического роста был одним из самых высоких в Европе, а в 2005–2008 годах страна пережила потребительский бум.

В период написания этого текста (февраль 2011 года) были еще свежи в памяти события 19 декабря 2010-го. Тогда, после состоявшихся в тот день президентских выборов, на площади Независимости в Минске многотысячная (от 15 до 30 тыс. человек) демонстрация протеста против фальсификации результатов голосования была разогнана спецназом, а более 600 демонстрантов, включая семерых кандидатов в президенты (из десяти) были арестованы. На начало февраля 2011 года 42 человека подозревались в организации массовых беспорядков, два кандидата в президенты (Андрей Санников и Николай Статкевич) все еще содержались в изоляторе КГБ, а еще четверым (Владимир Некляев, Григорий Костусев, Дмитрий Усс и Алексей Михалевич) мера пресечения была изменена на домашний арест (Некляев) и подписку о невыезде (Костусев, Усс и Михалевич). Аресты и обыски не прекращались с 19–20 декабря до конца января следующего года, хотя большая часть «рядовых» арестованных была отпущена уже к 4 января. Наибольшее

число задержанных было выпущено на свободу в выходные, непосредственно предшествовавшие понедельнику 31 января, когда Европейский союз должен был решить вопрос о санкциях в отношении белорусского режима. Санкции выразились в запрете на въезд в страны ЕС 158 лиц, включая самого Лукашенко, руководителя его администрации, официальных журналистов, судей и руководителей избирательных комиссий. *Экономические* меры, которых по справедливости больше всего опасались в коридорах белорусской власти и к которым настойчиво призывали ЕС американские сенаторы, так и не были приняты.

Еще через пару дней после европейских санкций Россия выразила крайнее неудовольствие тем, что два россиянина все еще содержатся в белорусской тюрьме. Сразу после этого предъявленное им обвинение в организации массовых беспорядков было заменено на участие в этих беспорядках, предполагающее меньший срок заключения.

В середине декабря 2010 года автор этих строк встречался с Александром Лукашенко в составе группы из восьми представителей аналитических центров США. В ходе почти трехчасовой беседы, поначалу формальной, а затем вполне непринужденной, ничто не предвещало скоростного конца трехлетней оттепели в отношениях между Беларусью и Западом. Наоборот, тон и характер высказываний главы белорусского государства недвусмысленно свидетельствовали о его намерении и дальше придерживаться неформальных договоренностей с западными партнерами. Именно в силу этих договоренностей последняя избирательная кампания в Беларуси была либеральнее, чем в 2006-м и 2001-м. Это, в частности, выразилось в том, что были зарегистрированы девять альтернативных кандидатов, из которых семь представляли оппозицию (ходили упорные слухи, что лишь трем из них на самом деле удалось

собрать необходимые для этого сто тысяч голосов). Кандидаты получили два раза по полчаса телевизионного и радиоэфирного времени и использовали его для резкой критики Лукашенко. Агитация за оппозиционных кандидатов была практически беспрепятственной, и все шло к тому, что ОБСЕ издает отчет, в котором наряду с недостатками отметит прогресс по сравнению с предыдущими выборами. Минск же получит три миллиарда евро, обещанные министрами иностранных дел Германии и Польши за примерное поведение. При этом все, включая оппозицию, были уверены, что на выборах победит Лукашенко, причем победит, скорее всего, уже в первом туре, набрав более 50 проц. голосов.

В политической сфере Беларуси персоналистский авторитарный режим и не вполне предсказуемые всплески репрессий сочетаются с расколом общества и исключительно большой ролью внешнего фактора. Открытость страны внешнему миру и готовность верховной власти реагировать на сигналы снизу отличают «последнюю диктатуру Европы» от классических диктатур прошлого.

Отличительные признаки Беларуси

Об открытости Беларуси в сторону России, о господстве там русскоязычного общения и общих для России и Беларуси явлений массовой культуры хорошо известно русскоязычной аудитории. Лукашенко — единственный лидер на постсоветском пространстве, регулярно поздравляющий с днем рождения ведущих российских актеров, писателей, композиторов и музыкантов. Отмечу еще четыре обстоятельства, связанные с открытостью Беларуси в сторону России.

Первое из них — наличие единой миграционной карты Союзного Государства России и Беларуси, выдаваемой всем пересекающим границу одной из этих стран. Более того, белорусским гражданам в России не надо оформлять разрешение на работу.

Во-вторых, согласно сравнительно недавнему (сентябрь 2009-го) опросу Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ), 80 проц. белорусов не считает Россию зарубежной страной⁹. Заметим, что одновременно большинство белорусов полагают, что жизнь в их стране лучше, чем в России (таких впятеро больше, чем тех, кто придерживается противоположного мнения)¹⁰.

В-третьих, на Россию приходится половина внешнеторгового оборота Беларуси, а такая белорусская продукция, как большегрузные самосвалы, сельскохозяйственные машины и продукты сельского хозяйства и пищевой промышленности, почти полностью поступает на российский рынок.

Четвертое обстоятельство рефлексивно по своей природе. Из двух несомненных признаков Беларуси — авторитарный политический режим и близость к России — отличительным является именно последний. Авторитарные режимы не редкость на пространстве бывшего Союза, и различия между ними не так уж существенны¹¹ (см. материал Андрея Рябова в этом номере *Pro et Contra* на с. 6–18). Однако степень близости Беларуси к России не имеет себе равных как на пространстве бывшего Советского Союза, так и в истории отношений между странами. Именно близость Беларуси к России и является тем «товаром», который, помимо продуктов нефтепереработки, Беларусь может предъявить на западном рынке.

Западу Беларусь тоже открыта больше, чем это нередко осознается: почти половина экспорта страны приходится на государства Запада, притом что экспортируется 60 проц. всего произведенного. Кроме того, белорусы весьма активно ездят на Запад. Сегодня в Минске можно встретить множество молодых людей, которые никогда не бывали в Москве, но успели побывать в Вильнюсе, Варшаве, Праге и Берлине; 87,5 проц. бело-

руссов в возрасте до 30 лет выезжали в страны Евросоюза¹². В 2009 году, например, одна выданная шенгенская виза приходилась на 21 белоруса, на втором месте в СНГ оказалась Молдова с одной визой на 29 человек, на третьем — Украина с одной визой на 41 человека¹³. (В России, как и в других крупных странах, за границу ездят гораздо меньше.) Сейчас, когда Польша, Латвия и Эстония ввели для белорусов бесплатные национальные визы, можно ожидать еще большего потока выезжающих через западную границу.

До последнего времени авторитетные комментаторы называли в качестве одной из причин долговременной устойчивости белорусского режима его экономические успехи. Так, по мнению сотрудника Белорусской службы Радио Свобода Валерия Карбалевича, высказанному в феврале 2011-го, «социальные стандарты белорусского общества растут. И когда окажется, что власть не сможет удовлетворить эти постоянно растущие потребности, наступит самый критический момент для власти»¹⁴. Вопрос о том, наступил ли этот критический момент, живо обсуждался уже в апреле–мае 2011 года. Но какой бы вердикт ни вынесла история, хорошо известно, что снижение темпов экономического роста никогда не фигурировало в качестве причины поражения классических диктатур.

Белорусские выборы

Но вернемся к выборам и сопоставим официальные результаты с оценкой НИСЭПИ, одной из двух оппозиционных социологических фирм, существующих с начала 1990-х¹⁵.

Если до номинального закрытия института он раздражал исключительно белорусскую власть, то примерно с 2006 года его деятельность вызывает все большее неудовольствие оппозиции. Причина в том, что, по данным опросов НИСЭПИ, рейтинги оппозиционных политиков, в том числе кандидатов в президенты, продолжали оставаться низкими.

Таблица 1

ИТОГИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 19 ДЕКАБРЯ 2010 ГОДА		
Кандидат	Официальные итоги ЦИК (%)*	Итоги выборов согласно национальному опросу НИСЭПИ 20.12.10 – 2.01.11 (%)**
Костусев Г.	1,97	1,8
Лукашенко А.	79,65	58,0
Михалевич А.	1,02	3,0
Некляев В.	1,78	9,7
Романчук Я.	1,98	4,2
Рымашевский В.	1,09	3,7
Санников А.	2,43	7,0
Статкевич Н.	1,05	1,9
Терещенко В.	1,19	0,7
Усс Д.	0,39	0,6
Против всех	6,47	5,8

* <http://www.rec.gov.by/pdf/prb2010/soob9.pdf>

** <http://www.iiseps.org/>

Так, исследования НИСЭПИ, проведенные в 2006-м, показывают значительное преимущество Александра Лукашенко над оппозиционными кандидатами, и все же официальные данные избиркома, судя по всему, были завышены процентов на двадцать. Как следует из таблицы 1, похожая разница зафиксирована и в декабре 2010 года. Карбалевиц отмечает, что «на выборах Лукашенко неизменно приписывают не менее 20 проц. голосов»¹⁶. Спрашивается, зачем прибегать к фальсификации, если можно победить и без нее? «Если бы по итогам выборов было объявлено, что глава государства победил, получив,

например, 55 проц., то в это поверило бы значительное число белорусских граждан и зарубежная общественность», — пишет Карбалевиц¹⁷. Однако подобный итог разрушил бы идеологический фундамент режима, так как оказалось бы, что его противники — вовсе не кучка отщепенцев.

Доверие к институтам и политическим партиям

По данным НИСЭПИ, белорусы больше всего доверяют православной церкви, президенту, армии, государственным СМИ и правительству, хотя положительной динами-

Таблица 2

ИТОГИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 19 МАРТА 2006 ГОДА				
	Официальные итоги ЦИК (%)	Опрос НИСЭПИ 10–20.02.2006 (%)	Опрос НИСЭПИ 27.03–6.04.2006 (%)	Опрос НИСЭПИ 16–29.04.2006 (%)
Лукашенко А.	83,0	64,7	64,9	63,1
Милинкевич А.	6,1	18,3	21,4	18,8
Козулин А.	2,2	7,0	5,0	7,3
Гайдукевич С.	3,5	5,0	2,2	5,2

Источник: Ioffe G. Understanding Belarus and How Western Foreign Policy Misses the Mark. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2008. С. 215.

кой доверия более всего могут похвастаться независимые СМИ, независимые исследовательские центры и местные исполкомы, тогда как парламент, президент и оппозиционные политические партии потеряли в этом отношении больше всех (см. таблицу 3). Что касается независимых СМИ, то как раз в промежутке между двумя опросами, результаты которых приведены в таблице 3, две независимые газеты – белорусскоязычная «Наша Нива» и двуязычная (по большей части

русскоязычная) «Народная Воля» – возвратились в розничную продажу и на них возобновилась подписка. Если же говорить об оппозиционных партиях, то для них потеря доверия была особенно чувствительна, ибо его начальный уровень был и так невысок. Лишь 17,4 проц. белорусов одобряют акции протеста, и лишь 18,9 проц. заявили о своей оппозиционности нынешней власти. При этом практически все (92,1 проц.) осведомлены о демонстрации протеста на Октябрьской

Таблица 3

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОПРОСЫ НИСЭПИ. ОТВЕТЫ НА ВОПРОС: «ДОВЕРЯЕТЕ ЛИ ВЫ СЛЕДУЮЩИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ?», % *		
	Окт. 2006 г.	Дек. 2010 г.
Православная церковь	65,8	68,3
Президент	60,3	55,0
Армия	58,6	53,6
Государственные СМИ	53,8	52,9
Адвокатура	50,9	49,9
Правительство	49,0	51,6
Суды	50,4	49,0
Прокуратура	48,3	47,3
ЦИК	44,0	47,5
Милиция	42,8	45,6
КГБ	44,1	43,2
Государственные исследовательские центры	43,9	42,9
Независимые СМИ	37,7	46,3
Местные исполкомы	39,6	43,5
Независимые исследовательские центры	37,4	44,0
Местные Советы депутатов	38,5	41,2
Национальное собрание	42,5	35,7
Профсоюзы, входящие в Федерацию профсоюзов	36,1	35,4
Правозащитные организации	38,4	38,0
Католическая церковь	36,8	35,4
Свободные и независимые профсоюзы	37,7	33,3
Политические партии, которые поддерживают нынешнюю власть	35,6	33,8
Объединения предпринимателей	32,4	36,2
Оппозиционные политические партии	21,4	16,3
Протестантская церковь	17,2	18,4

Источник: <http://www.iiseps.org/>

* Ответы ранжированы по среднему для двух опросов уровню доверия.

площади и площади Независимости 19 декабря 2010 года¹⁸.

Согласно сравнительным данным, основанным на массовых опросах, которые приводит Стивен Уайт, белорусские суды и милиция, а также парламент пользуются значительно более высоким доверием, чем соответствующие институты в России и на Украине. Результаты этого опроса очень близки к результатам НИСЭПИ, хотя в ходе его доверие оценивалось не бинарно («доверяю/не доверяю»), а по шкале 1–7 (7 – полное доверие, 1 – его полное отсутствие). Если в Беларуси 31 проц. опрошенных поставил парламенту оценки от 5 до 7, то на Украине это сделали лишь 7 проц. опрошенных, а в России – 21 процент. Близкими оказались рассчитанные по этой методике индексы доверия белорусскому и российскому президентам: так, Лукашенко доверяют 60 проц. респондентов, Медведеву – 58, а Янукович на момент опроса (февраль 2010-го) довольствовался 10 процентами¹⁹. Отметим, что согласно последнему опросу НИСЭПИ (таблица 3), проведенному после событий 19 декабря, лишь 9,6 проц. белорусов, опрошенных в конце декабря 2010 года, отметили, что органы власти обижали их в течение последних трех лет, тогда как 66,7 проц. ответили на этот вопрос отрицательно²⁰. В рейтинге доверия партиям Беларусь, где 12 проц. оценили собственное доверие к ним в диапазоне от 5 до 7 баллов, находится между Украиной (9 проц.) и Россией (17 проц.), правда, доля членов политических партий в населении здесь существенно меньше. По данным Уайта, всего 0,4 проц. взрослого населения Беларуси состоит в политических партиях, тогда как на Украине таковых 3, в России – 2, а в развитых демократиях – в среднем 6 процентов. Намного меньшее число белорусов, чем русских и особенно украинцев, отождествляет свои взгляды с какой-либо политической партией. В 2009–2010 годах только 7 проц. ответили на соответствующий

вопрос утвердительно (данные Уайта). Также обращают на себя внимание снижение общего числа зарегистрированных партий (с 36 в 1997-м до 15 к 2008 году, из которых 7 – оппозиционные) и незначительное представительство партий в парламенте. Если в 1995-м на долю членов партий приходилось 53 проц. членов Национального собрания (в Белоруссии, в отличие от России, выборы в парламент проходят не по партийным спискам, а по мажоритарным округам и большая часть кандидатов не имеют партийной принадлежности), то к 2000-му их доля снизилась до 16,5 проц., к 2004-му – до 11, а к 2008 году – до 6 процентов²¹. Петр Главачек отмечает, что в ряде случаев члены партий, баллотировавшиеся на выборах в парламент, скрывали факт своего членства в партии. В современном мире беспартийный парламент – явление весьма редкое. Уайт отмечает, что в 2006-м из 212 стран мира только 23 не имели партийных членов парламента, причем в пятнадцати из них выборы не проводятся вообще, а в остальных восьми проводятся среди беспартийных²². Беларусь уникальна тем, что партии в ней официально разрешены и могут участвовать в выборах, но даже те, что лояльны режиму, как правило, не проводят в парламент своих кандидатов. Главачек склонен объяснять это тем, что белорусское общество все еще не прошло стадию политической модернизации, а также сохранением неосоветской ментальности, которой успешно манипулирует режим Лукашенко. «В интересах стабильности современного недемократического режима – поддерживать общество в определенном законсервированном деполитизированном состоянии»²³. Такое объяснение кажется разумным, но недостаточным.

Расколы в белорусском обществе

Распад СССР застал титульные национальные общности советских республик на разных стадиях самоопределения. Можно утверждать, что особенности этого процесса

в Беларуси не уникальны, а, напротив, имеют определенное сходство с аналогичными процессами на Украине, в Литве, а также за пределами бывшего Советского Союза (например, в Словакии). Но, как явствует из ряда исследований (см., например, статьи Павла Терешковича²⁴ и Сергея Екельчика²⁵, а также книгу автора этой статьи «Понять Беларусь, или Как западная внешняя политика бьет мимо цели»²⁶, где этой проблеме посвящено две главы), белорусы переживают более раннюю стадию формирования

Независимо от того, любят они эту власть или нет. Они имеют свою позицию, точку зрения и должны иметь полное право на ее выражение»²⁸. Свое заявление Лукашенко сделал в тот момент, когда в Минске свирепствовал КГБ. Однако интересно, что проблема, по крайней мере, осознается. Неясно, правда, осознается ли ее отнюдь не политическая подоплека, которая, на мой взгляд, является ключевой.

В Беларуси я выделяю три национальных дискурса²⁹, ни один из которых не консоли-

“Россиецентричные белорусы расслоились на два сообщества — сторонников идеи триединого российского народа и русскоязычных либералов-западников”.

национального самосознания по сравнению с другими титульными общностями бывшего СССР и других европейских стран. Белорусам еще только предстоит срастись в нацию, разорвать все еще прочную пуповину, связывающую их с Россией, — только тогда чувство принадлежности к единой и обособленной национальной общности позволит им структурироваться политически.

Ранее я писал, что к противникам белорусского лидера политический успех «придет лишь тогда, когда фигура Александра Лукашенко перестанет застывать их умственный взор, а совокупность базовых ценностей, разделяемых белорусами разных политических ориентаций, достигнет критической массы. О согласии по всем пунктам речь, понятно, не идет. Однако необходимо перестать демонизировать друг друга»²⁷. Интересный пассаж на эту тему содержится, кстати, в выступлении Лукашенко на пресс-конференции 20 декабря: «...И проголосовавшие против [меня] — это тоже наши люди. Если они настроены на то, чтобы трудиться на благо нашей Родины, относиться к ней с добром, власть их всегда поддержит.

дирует основную массу белорусов, в чем, собственно, и коренится проблема несформированности белорусской нации. Западнический дискурс рассматривает белорусов как наследников Великого княжества Литовского (ВКЛ), образования глубоко европейского. Отсюда настойчивые призывы говорить по-белорусски, что так и не стало нормой среди белорусов и в чем некоторые (на мой взгляд, неправоммерно) обвиняют Лукашенко. Западнический дискурс во многом построен на активном неприятии российских ценностей, под которыми понимаются азиатчина, абсолютизм, имперскость и вера в доброго царя. С конца 1980-х этот дискурс лежал в основе самой консолидированной и пассионарной группы белорусов, сплотившихся вокруг Белорусского народного фронта (БНФ). Однако в силу многолетних неудач в распространении своей «национальной идеи», а также вследствие того, что лозунг белорусского патриотизма с некоторых пор стал успешно перехватывать сам Александр Лукашенко, БНФ переживает уже второй раскол. При этом группа раскольников, ныне пытающихся организовать новую партию

«Беларуский Рух», обвиняет бывших однопартийцев в сговоре с режимом.

Другой белорусский национальный дискурс — россицентричный — имеет не менее почтенную историю, восходящую к западно-русизму Михаила Кояловича (1828—1891). Представление о белорусском наречии единого великорусского языка и идею белорусскости — как проявления русскости в зоне контакта с культурно враждебной Польшей — разделял и знаменитый филолог Евфимий Карский (1860—1931). Поскольку в отличие от Запада новая Россия не уделила внимания и не выделила финансовые средства на культивирование «своих» белорусов, россицентричные белорусы так и не создали собственное организационное ядро. К настоящему времени они расслоились на два плохо организованных сообщества — последовательных сторонников идеи триединого российского народа (своего рода славянофилы) и русскоязычных либералов-западников. Выразителем мнения первых служит интернет-портал Империя³⁰, который сменил отношение к Лукашенко с благожелательного на враждебное, когда риторика белорусского лидера приобрела не вполне дружественное России содержание, а Беларусь стала сближаться с Западом. Другим интернет-ресурсом этого сообщества, менее злободневным (в газетном смысле) и более аналитическим, является портал Западная Русь³¹. Что же касается русскоязычных либералов, то никаких организующих центров в этом сообществе вообще не просматривается — несмотря на наличие активных и много пишущих деятелей, таких как Александр Федута, Семен Букчин, Виталий Силицкий³², Валерий Карбалевиц, Юрий Дракохруст, Олег Манаев и др. Все эти люди воспитаны в русской культуре, и даже те из них, кто неплохо владеет белорусским языком и поддерживает его превращение в основной язык Беларуси, мыслят в терминах русской культуры и используют ее клише³³.

Третий национальный дискурс Беларуси я называю «креольским» — в том понимании креольства, о котором писал Бенедикт Андерсон³⁴ и которое применил в своем анализе украинского национализма Мыкола Рябчук³⁵. Для Рябчука креолами являются русскоязычные украинцы, патриоты Украины, разделяющие представление об украинской инаковости (от русских). Аналогичное явление, хотя и не во всем тождественное украинскому креольству, существует и в Беларуси, причем лидером белорусского креольства является Александр Лукашенко. Еще в 2006 году Рябчук в личной беседе с автором этой статьи на одной конференции в Варшаве (посвященной, кстати, Беларуси) заметил, что он больше не пользуется термином «креол» и его производными, так как они обижают людей³⁶. Суть белорусского креольства — в отставании белорусской самобытности наперекор как западническому, так и имперскому (москальскому) дискурсам. Белорусский креольский дискурс — прямой наследник дискурса белорусско-советского, в котором Октябрьская революция выступала в качестве родоначальницы белорусской политической субъектности, а Великая Отечественная война — в качестве героического опыта, цементирующего эту субъектность. Однако к сегодняшнему дню он уже кооптировал ряд «западных» образов белорусской истории, в советское время табуированных. К таковым относится Белорусская Народная Республика, провозглашенная белорусскими западниками под немецкой администрацией 25 марта 1918 года и просуществовавшая полгода. О Великом княжестве Литовском говорит иногда и сам Лукашенко. Вообще о проекции в прошлое креольского дискурса соответствующие идеологи задумывались, видимо, уже давно. Достаточно вспомнить культовый белорусский фильм «Анастасия Слуцкая» (2003), действие которого про-

исходит в Великом княжестве Литовском и который воспроизводит эпизод борьбы местного ополчения с крымско-татарскими захватчиками.

То, что креольский дискурс кооптирует сакральные образы двух других дискурсов, указывает на его центральное место в Беларуси. Казалось бы, следует создать политическую партию, работающую на эту центральность, тем более что уже существует и протопартия — общественное движение «Белая Русь»³⁷. Однако Лукашенко перспектива превращения этого движения в партию почему-то не привлекает:

«Я не против партийного строительства, нормальных оппозиционных партий, не против какой-то ведущей партии. Но это должна определить сама жизнь. Все это должно выкристаллизовываться из жизни. В противном случае мы получим “Единую Россию-2”, которую через 2–3 года начнут дубасить со всех сторон, и практически она из партии превращается в мальчика для битья. Нам это надо сегодня в Беларуси? Нет. Поэтому я дал себе слово, что не буду вмешиваться в эти процессы, пока жизнь не расставит акценты. Появились крупные общественные организации. “Белая Русь” — очень структурированная организация, которая стоит на государственных позициях. Я очень часто предупреждаю: коль она заняла такое место в нашем обществе, ни в коем случае не должна быть пристанищем для нас, государственных служащих. В противном случае это снова будет отторгнуто народом. Наоборот, нам, начальникам и чиновникам, не надо “бежать” в эту организацию. И я несколько дистанцировался от партий, в том числе от этой организации. Чтобы не было сигнала к тому, что

давайте все собирайте завтра чемоданы, партийные билеты КПСС меняйте на билеты этой общественной организации и все будем ее членами...»³⁸.

Интуитивный политик Лукашенко, по всей видимости, знает, чем в каждый данный момент он может увлечь значительную часть своего народа, а чем не может. Соображение о том, что белорусы не созрели для политических партий, представляется адекватным. Сначала они должны созреть как нация.

Но даже кооптируя сакральные эпизоды из западнического дискурса, его креольский эквивалент встраивает Беларусь в ту часть европейского пространства, которая располагается к востоку от линии цивилизационного разлома. В этом отношении интересно выступление Лукашенко перед студентами Брестского университета. Характеризуя внешние влияния на Беларусь в начале 1990-х, Лукашенко указал на «две большие силы», от которых исходит это влияние, — Россию и Запад (см. подверстку на с. 39).

С точки зрения мобилизационного эффекта представляет интерес не только содержание речей Лукашенко, но также и его фонетика. Хотя оппоненты белорусского лидера утверждают, что он не умеет говорить по-белорусски³⁹, речь идет о том белорусском языке, на котором не умеет говорить никто, за исключением нескольких тысяч минчан, перешедших на белорусский в сознательном возрасте. Подавляющая часть из этих пяти тысяч усвоили лишь белорусскую лексику, включая множество не употреблявшихся в разговорной речи полонизмов, тогда как фонетика осталась русской. В результате для многих белорусов, выросших в деревне или малом городе, речь столичных радетелей белорусскости отдает фальшью. В отличие от минских культуртре-

Президент Лукашенко о России и Западе

«**Р**оссия, сама переживавшая не меньший разброд и шатания, пыталась влиять на белорусский выбор, но делала это слабо и бессистемно. Запад, с другой стороны, победивший в “холодной войне”, был напорист, энергичен, деловит. Оттуда заявляли: “Быстро проведите приватизацию, отцепитесь от России, выкиньте российских военных. Тогда примем и поможем”. Такие были условия, выдвинутые мне Западом. Такова была, вкратце, суть их предложений. И Запад зазывал, и внутри страны “панавала” прозападная, тогда почти единственная партия — Белорусский народный фронт. Почему тогда Беларусь не ушла “в Европу” (беру в кавычки, потому что нам не надо уходить ни в какую Европу — мы находимся в сердце Европы, в центре)? Я неслучайно затрагиваю этот вопрос. Потому что, согласно изучению мнения в наших брестских вузах, есть те, кто: “У Эўропу, хочам у Эўропу”. Вопрос этот имеет не только и не столько историческое значение. Сегодня оппозиция пытается привлечь на свою сторону молодежь лозунгами проевропейской ориентации. И немало юных голов ей удастся увлечь лозунгом, как я уже сказал, “В Европу, и баста!”. Действительно, а почему бы не в Европу, как Польша, как Прибалтика? Можете с этими теоретическими рассуждениями — они не новы, но я их поддерживаю — не согласиться, но я тем не менее осмелюсь их изложить как историк. Прежде всего потому, что Беларусь

в отличие от Польши и прибалтийских республик никогда, смею утверждать, никогда не была частью западной культуры и особенно западного уклада жизни. Да, мы были подвержены влиянию и западной культуры, и западного уклада жизни, более того, Речь Посполитая и Великое княжество Литовское — все это налагало на нас отпечаток. Но это было и прошло. Потому что “прислать” нам все западное тогда не удалось и сейчас, видимо, не удастся. Поэтому, еще раз повторяю, Беларусь никогда не была частью западной культуры и особенно частью того уклада жизни, который формировался на Западе. Да, мы были, являемся и будем неотъемлемой составляющей общеевропейской цивилизации, которая представляет собой мозаику разных культур. Но для католической, протестантской западной цивилизации преимущественно православная, столетиями проживавшая вместе с Россией, русскими Беларусь и белорусы не являются родными. Какая-то (очень небольшая) часть людей, возможно, сможет адаптироваться к западному укладу, но белорусский народ в целом — нет. Я не боюсь это сказать здесь, на Западе, потому что здесь есть достаточно большие группы людей, которые могли бы адаптироваться к этому, живя непосредственно в контакте с этой западной, если можно так сказать, цивилизацией. Но народ в целом — нет. И не надо унижаться и напрашиваться в родство к тем, кому мы никогда не будем своими»⁴⁰.

геров, Лукашенко делает прямо противоположное: он говорит в основном по-русски — так же, как и подавляющее большинство его сограждан, но его фонетика остается при этом белорусской.

В Беларуси, стране поздней урбанизации, люди, говорящие так же, как Лукашенко, до недавнего времени составляли большинство. Помимо акания, особенность белорусской фонетики в засилье твердых согласных, особенно — но не только — «ч» и «щ». Скажем, «мы будем перетрахивать

правительство» по-русски звучит смешно, но на том языке, на котором говорит множество белорусов, — это речевой норматив. Для этих людей Лукашенко свой — на уровне подкорки. Таким образом, то, что смешит «высокородных» и ироничных москвичей, оказывается одним из культурных кодов, обеспечивающих популярность белорусского лидера в своей стране. Но с этим же связаны и ограничения: потомственные горожане говорят — в отличие от Лукашенко — на фонетически безупречном русском языке.

Разумеется, мобилизационный потенциал креольского дискурса ограничен не только фонетикой лидера, тем не менее последняя играет большую роль. В социуме, где ощущение принадлежности к обособленной (от России) национальной общности еще не сложилось, такие проявления свойскости, как фонетика, региональное и субрегиональное землячество, легко ложатся в основу дихотомии «свой – чужой».

Самый глубокий раскол белорусского общества пролегает не между людьми разных (и отрефлектированных) политических воззрений и даже не между теми, кто придерживается разных вариантов национальной идеи, а между теми, кто за Батьку, и теми, кто против него. Пожалуй, еще явственнее, чем на президентских выборах, этот раскол обнажился сразу после взрыва в минском метро 11 апреля 2011 года. Если власть поначалу подозревала оппозицию, то на сайтах оппозиции вина возлагалась на власть⁴¹. Хотя расследование обстоятельств взрыва пока не выявило связь террористов с какой бы то ни было организованной структурой, взаимные обвинения накалили обстановку в Минске, и без того напряженную, перед началом процессов над участниками событий 19 декабря на площади Независимости. Надо, правда, иметь в виду, что, даже по данным оппозиционных социологов, активных противников режима Лукашенко в Беларуси менее 20 процентов. Можно предположить, что если бы пуловина, связывающая Беларусь с Россией, была разорвана, политическая структуризация белорусов не только стала бы естественной следующей ступенью структуризации общества, но и оказалась бы более многомерной, чем в настоящее время. Более того, единый национальный дискурс, создавая ощущение национальной общности, возможно, сдерживал бы взаимную демонизацию политических противни-

ков. В сегодняшней Беларуси эту демонизацию нельзя понять в полной мере без учета внешнего фактора.

Роль внешнего фактора и белорусская оппозиция

Сравнительно небольшая страна, расположившаяся между Россией, Украиной и Евросоюзом, Беларусь обречена на пронизывающее влияние внешних сил. Для Беларуси и ее политического режима значение каждого из соседей специфично и неповторимо. Например, Украина являет собой неиссякаемый источник легитимации белорусского авторитаризма. Наглядный опыт южной соседки можно свести к дидактическому восклицанию, нередко раздающемуся из уст белорусских чиновников разного ранга: «Вот поглядите, что будет с нами, если мы подцепим оранжевую заразу!» В самом деле, украинские дороги, промышленность, коррупция, состояние сельского хозяйства на несравнимо лучших, чем в Беларуси, землях неплохо агитируют за Лукашенко. То же самое можно сказать, глядя на сопредельные области России – Новгородскую, Смоленскую и Брянскую. Недаром же Лукашенко регулярно устраивает пресс-конференции именно для провинциальных российских СМИ⁴². Контраст между провинциальной Россией и обустроенной, ухоженной провинциальной Беларусью нельзя не заметить.

Но в отличие от Украины Россия до последнего времени реже использовалась в качестве мальчика для битья. Как я писал ранее, «единственным способом национального самоутверждения для белорусов, как и для значительной части украинцев, служит отчуждение от России либо, что еще сподручнее, отторжение их самой Россией. Последнее и есть бесценная помощь России в становлении соответствующих наций»⁴³. Белорусский философ Валентин Акудович

мечтал о какой-нибудь по возможности не кровопролитной освободительной войне, в результате которой Беларусь сможет разорвать связь с Россией, и возлагал в этом смысле большие надежды на желчные споры по поводу цен на нефть и газ⁴⁴. В том же самом смысле заслугой Лукашенко является поддержание им некоего оптимального уровня напряжения между Минском и Москвой. Лукашенко не может себе позволить слишком дистанцироваться от России — не только по экономическим причинам, но и потому, что это оттолкнет от него немалую часть белорусов. При этом он понимает, что полное снятие напряжения чревато атрофией белорусской инаковости: расслабившись в обстановке братской дружбы и полного взаимопонимания, нетрудно и вовсе утратить суверенитет. Подобные опасения не беспочвенны: по опросу, проведенному лабораторией Новак в 2010-м, только 12,6 проц. опрошенных сочли, что объединение Беларуси с Россией в обмен на улучшение материальных условий неприемлемо ни при каких обстоятельствах, тогда как 38,4 проц. посчитали это вполне допустимым, а 43,9 проц. допустимым при определенных условиях⁴⁵.

Еще одним достижением Лукашенко является высокая степень консолидации правящего класса Беларуси, в котором либо отсутствуют, либо слабо проявляют себя пророссийские политические силы. И это несмотря на соседство с Россией, тотальное культурно-языковое тяготение к ней, а также наличие этнически русских министров иностранных и внутренних дел, обороны и госбезопасности. Правда, за время правления Лукашенко кадры КГБ многократно подвергались ротации.

Отношения с Западом

В Минске уверены в том, что борьба за демократию — это фасад, за которым Запад ведет свои геополитические игры с Россией.

И правящий режим, и оппозиция научились извлекать выгоду из данной ситуации. В официальном Минске также убеждены, что если в Беларуси продолжится экономический рост, а правящей вертикали удастся по-прежнему сводить к минимумуздоимство чиновников нижнего уровня, никакое проникновение западных ценностей не приведет к эрозии белорусского режима. К эрозии, однако, может привести торможение экономического роста и/или социальное расслоение вроде того, что есть в России и на Украине. Интересно, что в начале февраля 2011 года Международный валютный фонд вторично (с 2005-го) критиковал Беларусь за чрезмерное повышение фонда зарплаты⁴⁶. В первый раз такое неодобрение было высказано в преддверии президентских выборов 2006 года, во второй раз критике подверглось повышение зарплат за два месяца до последних выборов.

На Западе наблюдается диспропорция между вниманием к белорусской демократии и наличием адекватных аналитических публикаций о Беларуси: первого много, а второго кот наплакал. По словам американского специалиста по политической географии Джерарда Тоала, «гегемонистские формы геополитики основаны на отказе от изучения местной специфики»⁴⁷. То есть чем меньше знаешь, тем лучше.

Геополитика и демократия

Во время прихода Лукашенко к власти и в течение ряда лет после этого (примерно до 2003 года) западная геополитика, возможно, с подсказки «шахматного» опуса Збигнева Бжезинского, носилась с идеей создания Черноморско-Балтийской коллекторной системы, которая бы позволила транспортировать углеводороды из Азербайджана и Средней Азии в обход России. Если взглянуть на карту полузабытого блока ГУАМ, включая страны со статусом наблюдателя (Турция и

Латвия), то вся эта система предстанет как на ладони. В ней, однако, пропущено одно звено. Это звено — Беларусь.

Как отмечает Андрей Ляхович, «в 1994—1999 годах среди оппонентов режима было распространено мнение о том, что А. Лукашенко — глуп и некомпетентен. Бывший директор совхоза, политработник — что он может знать о макроэкономике, других сложных политических вопросах?»⁴⁸. Задачу геополитической переориентации этой страны на Западе предполагали решить путем смены «глупого и некомпетентного

вполне осознан на Западе. Белорусские националисты-западники выступали против России точно так же, как и их восточноевропейские собратья, но именно поэтому они и не заручились поддержкой собственных сограждан.

Так или иначе, от представителей трех названных выше групп, образованных и интеллигентных людей, ожидалась деятельность по подготовке смены режима «деревенской» деспотии Лукашенко⁴⁹.

Прогресса в демократизации Беларуси достичь, однако, не удалось. Принятый в

“Существенные перемены в западной политике по отношению к Беларуси произошли после белорусско-российского нефтегазового обострения зимой 2006/07 года”.

лидера», тем более что у режима Лукашенко быстро обнаружились три основные группы противников: 1) отставные политики, мечтавшие о реванше (среди известных оппозиционеров к таким можно отнести Станислава Шушкевича, Анатолия Лебедько, Александра Козулина и Андрея Санникова); 2) змагары (борцы) за Адраджэнне (Возрождение), то есть несколько десятков последователей бывшего председателя Белорусского народного фронта Зенона Позняка (в эмиграции с 1996 года), не получившие существенной поддержки белорусского общества; и 3) другие интеллигенты-гуманитарии, оттесненные с профессиональных позиций советскими кадрами, которые заняли все значительные посты в сфере науки и образования Беларуси и с недоверием относятся к коллегам, имеющим западные контакты.

При этом, в отличие от балтийских стран и Украины, Беларусь — пример (единственный!) тотального культурно-языкового тяготения к России, и этот факт, делающий Беларусь исключением из восточноевропейского правила, кажется, до сих пор не

2004 году американский Акт о демократии в Беларуси, который предусматривал финансовую поддержку белорусской оппозиции, лишь усилил конфронтацию между оппозицией и властью и тем самым способствовал консолидации лукашенковского режима. Белорусская оппозиция не смогла мобилизовать реально существующий в стране протестный потенциал по причине эгоистических интересов лидеров оппозиции, отсутствия среди них публичных политиков, а также их пренебрежительного отношения к широким народным массам⁵⁰. Еще одна причина бесконечных поражений белорусской оппозиции — то, что атмосфера внутри самих оппозиционных партий не более, а то и менее демократична, чем в среде белорусской номенклатуры, где узы солидарности крепче, а вероятность удара в спину меньше. Борьба оппозиционеров друг с другом за западные гранты порой оказывалась более ожесточенной, чем борьба с их главным политическим противником — Лукашенко⁵¹.

Отсюда симбиоз режима и оппозиции. Режиму оппозиция нужна для того, чтобы

легитимировать победу на выборах, а оппозиции нужен режим потому, что борьба с ним легитимирует существование оппозиции в глазах спонсоров. Косвенно о симбиозе режима и оппозиции свидетельствует сравнительно низкий — до декабря 2010-го — размах политических репрессий. Карбалевич цитирует подсчеты правозащитника Алеся Беляцкого, согласно которым по состоянию на 2008 год за все время правления Лукашенко тюремному заключению по политическим мотивам было подвергнуто 50 человек⁵². Разумеется, после начавшихся процессов над участниками событий 19 декабря 2010-го эту статистику придется серьезно корректировать.

Представляет интерес и вклад белорусской оппозиции в оценки Беларуси в разного рода международных рейтингах. Например, с 1998-го по 2002 год *Transparency International* (ТИ) числила Беларусь среди пятидесяти стран с наименьшим уровнем коррупции. Так, в 2002-м из ста двух стран, ранжированных в тот год по индексу «восприятие коррупции» от малой (1) до самой большой (102), Беларусь была 36-й, разделяя эту ступеньку с Литвой и опережая Польшу (45), не говоря уже о России (71) и Украине (85). Однако в 2004-м, когда был принят американский Акт о демократии в Беларуси, страна вдруг опустилась в рейтинге до отметки 74–78; в 2005 году — аж до 107–116, а в 2006–2008 годах оказалась на 150–151 месте, то есть стала одной из самых коррумпированных стран мира. Такие резкие перемены в течение ничем не примечательных лет (в смысле динамики факторов, от которых зависит коррупция) невольно вызывают подозрение в политизированности индекса восприятия коррупции. Это подозрение подтвердил один из недавних кандидатов в президенты Ярослав Романчук.

«Авторы справедливо называют этот индекс индексом восприятия коррупции. Он отражает то, как коррупция вос-

принимается разными личностями и институтами. На основе ответов на пять вопросов, предъявленных экспертам Economist Intelligence Unit, Freedom House и ООН, Беларуси был присвоен индекс 2,6 (по шкале от 0 до 10, где 0 означает полное отсутствие коррупции). Однако присутствие этих организаций в Беларуси недостаточно, чтобы фиксировать все изменения в нашем законодательстве и в отношениях между бизнесом и государством. Я встречался с экспертами ТИ и объяснил им методологическую разницу между оценками коррупции в рыночных и нерыночных экономиках. И вот два года встреч и дискуссий привели к существенной методологической коррекции, отсюда и изменение в рейтинге»⁵³.

Существенные перемены в западной политике по отношению к Беларуси произошли после белорусско-российского нефтегазового обострения зимой 2006/07 года. Как только острая фаза конфликта миновала, в Беларусь для переговоров с Лукашенко прибыл тогдашний президент Парламентской ассамблеи Совета Европы Рене Ван дер Линден. Белорусские оппозиционеры начали сперва робко, потом все увереннее попрекать Запад двойными стандартами, хотя те были впервые применены Западом отнюдь не в 2007-м, а примерно на двенадцать лет раньше, когда демократия в Беларуси оказалась более важным делом, чем в других постсоветских странах. По словам Федора Лукьянова, демонстративно изменяя подход к Минску (2007–2008), «Брюссель стал применять к Белоруссии не завышенные требования, как к странам, потенциально претендующим на членство, а те же критерии, что и к прочим постсоветским республикам. Ведь если ставить Минск в один ряд с Казахстаном или Азербайджаном, с которыми у ЕС прекрасные отношения, то Белоруссия выглядит ничем не хуже. Перемена

угла зрения стала возможной еще и потому, что прежние «оазисы демократии» в Тбилиси и Киеве ожиданий явно не оправдали»⁵⁴.

Начавшееся зимой 2007 года потепление отношений между Беларусью и Западом получило дополнительный стимул после российско-грузинской войны. После августа 2008-го литовские и польские политики стали уже открыто призывать Европейский союз помириться с Лукашенко. В декабре 2008 года Международный валютный фонд открыл для Беларуси кредитную линию на 2,5 млрд долларов. После того как в июне 2009-го Россия отказала Беларуси в последнем транше

низкую оценку возможностей белорусской оппозиции. Ведь это именно она должна была «европеизировать» Беларусь. Однако вплоть до 19 декабря 2010 года все предвещало, что именно Лукашенко будет кооптирован Западом. Оппозиция же стремительно теряла политический вес. Так, без малого за две недели до 19 декабря один из главных спонсоров белорусской оппозиции Роджер Потоцкий предрек не только поражение оппозиции, но и дальнейшее снижение интереса к ней в белорусском обществе⁵⁶.

Тенденция к смещению геополитической ориентации белорусского режима на запад

“Политика западных стран строится по большей части на ложном убеждении, что демократия — основное чаяние белорусского населения”.

предоставленного кредита, МВФ сразу увеличил кредитную линию до 3,6 млрд долларов. В январе 2010 года, ровно через день после завершения очередных трудных российско-белорусских переговоров об условиях поставки нефти, МВФ заявил, что изучит условия нового контракта на предмет выделения Беларуси еще одного кредита.

В ответ на замирение с Западом уже упоминавшийся философ Акудович, единственный человек, которому белорусские националисты-западники (к каковым он принадлежит) прощают критические выпады в адрес их национального проекта, сказал, что теперь у демократов Беларуси есть только одна задача: «вытащить Александра Лукашенко из офиса и переправить его через реку Буг в ЕС, чтобы там он как можно скорее европеизировался. Ибо без этого Беларусь не воспримет демократию и не станет европейской страной»⁵⁵.

Высказывание Акудовича неявно (но для людей, погруженных в белорусский контекст, вполне определенно) отражает крайне

получала видимое подкрепление и на восточном фланге, где белорусский президент явно с подачи Кремля стал антигероем российского ТВ. Россия ввела также экспортную пошлину на поставляемую в Беларусь нефть, не предназначенную для внутреннего потребления. (Два крупных нефтеперерабатывающих завода — в Новополоцке и Мозыре — работают в основном на экспорт. Беларусь получает из России около 21 млн т нефти в год, из них внутреннее потребление Беларуси составляет около 6,3 млн т.) Правда, 9 декабря состоялась неожиданная встреча Александра Лукашенко с Дмитрием Медведевым, который предложил своему белорусскому коллеге снять пошлины в обмен на подписание всех семнадцати документов по созданию единого экономического пространства. Такое впечатление, что Россия трезво оценила свое немалое, но отнюдь не исключительное влияние на Беларусь и отыграла назад. Однако вряд ли именно поворот в отношениях с Россией послужил поводом для жестких действий на площади Независимости. За этими

событиями последовало резкое охлаждение отношений с Западом. По мнению большинства аналитиков, в выигрыше оказалась Россия. Сейчас она может капитализировать свое преимущество: ведь у белорусской казны острая нехватка средств на поддержание жизненного уровня населения, а западные финансовые каналы, по крайней мере на время, перекрыты. В начале 2011-го велись переговоры об объединении Беларуськалия с Уралкалием и МАЗа с КАМАЗом. Судя по всему, идут переговоры о покупке всей газопроводной системы Белтрансага и, возможно, о покупке пакетов акций нефтеперерабатывающих заводов — наиболее лакомых кусков белорусской индустрии, построенных в конце советского периода и уже модернизированных.

В изменившейся геополитической обстановке включение белорусского чиновника в список невъездных в страны Европейского союза⁵⁷ стало высшим знаком лояльности этого чиновника, то есть увеличение числа лиц, которым запрещен въезд в европейские страны, с 41 до 157 (США, в отличие от Евросоюза, не публикует поименные списки, но такой список у них есть и даже, говорят, длиннее, чем у ЕС) еще больше консолидировал белорусскую номенклатуру.

Хотя западные правительства единодушно осудили жестокий разгон демонстрации и арест семи кандидатов в президенты, политические реалисты не поддерживают экономические санкции против Беларуси. Так, Эндрю Уилсон из Европейского совета по иностранным делам отметил, что «Лукашенко — это не изолированное явление. Он отражает воззрения многих белорусов. А следовательно, политика ЕС должна стимулировать изменения в белорусском обществе, а не зацикливаться на пальбе по его лидеру»⁵⁸. Сотрудники Фонда Карнеги трижды всего за месяц, прошедший с белорусских выборов, выступили с публикациями⁵⁹, утверждавшими, в частности, что

«Лукашенко — популярный лидер, предлагающий стабильность в трудные времена»⁶⁰, тогда как оппозиция слаба и расколота, и что нельзя прерывать контакты с белорусским режимом, поскольку это оставит его наедине с Россией.

После жестокого разгона демонстрации и многочисленных арестов на прошедшей 2 февраля конференции спонсоров в Варшаве белорусской оппозиции была обещана помощь в размере 87 млн долларов⁶¹.

Заклучение

Белорусский политический режим обладает внушительным запасом устойчивости⁶², что, в частности, выражается в высоком уровне доверия к его институтам со стороны граждан. Устойчивость обеспечивается поддержкой как минимум половины электората, тогда как остальные белорусы слабо консолидированы и не имеют признанных лидеров. Устойчивость авторитарного режима, несмотря на открытость Беларуси как на запад, так и особенно на восток, и в отсутствие (до 19 декабря 2010 года) масштабного использования репрессий — несомненная заслуга Лукашенко. Возглавляемая им белорусская власть сумела извлечь максимальную выгоду из продолжающегося геополитического противостояния Запада и России, обеспечив значительный экономический рост без сосредоточения его социального эффекта в руках узкой группы лиц. Устойчивости режима также содействует незавершенность формирования белорусской нации. Такая незавершенность тормозит политическую структуризацию белорусского общества и выдвижение альтернативных лидеров. Существенную услугу белорусскому режиму оказала политика западных стран⁶³, которая строится по большей части на ложном убеждении, что демократия — основное чаяние белорусского населения. Эта политика активно практикует двойные стандарты, полностью пренебрегая тем, как действия и заявления западных

правительств и международных организаций воспринимаются в самой Беларуси.

До сих пор белорусская оппозиция не смогла мобилизовать протестный потенциал белорусского общества. Это положение едва ли изменится, если — в соответствии с решениями конференции спонсоров в Варшаве — помощь оппозиции будет увеличена. Нынешняя белорусская оппозиция не имеет шансов на победу, тем более что по меньшей мере некоторые из нынешних узников изолятора КГБ предпочтут, скорее всего, эмиграцию⁶⁴.

В этих условиях внешние акторы могут, по-видимому, рассчитывать только на терпеливое культивирование потенциальных союзников в среде белорусской номенклатуры. Следующий белорусский лидер будет рано ли поздно выдвинут именно из этой среды.

На момент сдачи этой статьи в печать не прояснился вопрос о том, как скажется на устойчивости белорусского режима разворачивающийся экономический кризис. Впечатление о его беспрецедентном для Беларуси характере усиливается множественностью обменных курсов доллара и евро, отсутствием валюты в белорусских обменниках, а самое главное, острым дефицитом платежного и внешнеторгового баланса. Если, по

мнению белорусских аналитиков (таких как Валерий Карбалевич и Леонид Заико), белорусский режим купил политическую лояльность более чем половины белорусов, то что же произойдет, когда средства на эти цели будут жестко урезаны? Ответа на этот вопрос пока нет. Однако это не первый кризис, переживаемый белорусским политическим режимом, и тем более не первое ужесточение режима. Ранее гайки закручивались в 1996–1998 годах и после выборов 2001-го и 2006-го, но и в эти периоды большая часть белорусов не стала поддерживать оппозицию. Белорусская же политическая система, напротив, окрепла, черпая силы из вполне народного представления о строгом, но справедливом лидере, противостоящем экономическому хаосу и своекорыстию бюрократов. Авторитаризм без олигархии — это своеобразный белорусский вызов не только демократическому Западу, но и России, где власть служит инструментом обогащения, а социальная и социально-территориальная поляризация достигает огромных масштабов. По выражению Юрия Шевцова, Беларусь претендует на роль «европейского диссидента»⁶⁵. Кто-то уже утверждает, что дни этого «диссидента» сочтены. Но я бы не торопился с выводами. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Так, во время проведения последнего такого собрания Ирина Халип, корреспондент «Новой газеты» в Минске и супруга бывшего кандидата в президенты Андрея Санникова, назвала белорусскую власть «властью бездарностей во главе с главной бездарностью». См.: Некляев и Санников провели на вокзале «Усебеларускі народны сыходзь» // Белорусские новости. 2010. 6 дек.; http://naviny.by/gubrics/elections/2010/12/06/ic_articles_623_171561/

² Карбалевич В. Александр Лукашенко: Политический портрет. М.: Партизан, 2010. С. 403–407.

³ Transition Reform 2010: Recovery and Reform. European Bank for Reconstruction and Development, <http://www.ebrd.com/downloads/research/transition/tr10.pdf>

⁴ <http://www.mintrud.gov.by/ru/actual?id=467>

⁵ http://www.unohrlls.org/UserFiles/File/LLDC%20Documents/MTR/DB09_Overview.pdf

⁶ <http://www.doingbusiness.org/rankings>

⁷ IISEPS's National Survey of Jan. 2007, www.iiseps.org

⁸ То есть «бестолковой демократии в Беларуси больше не будет». См.: http://www.belta.by/ru/all_news/president/Bestolkovoj-demokratii-v-Belarusi-bolshe-ne-budet-Lukashenko_i_536612.html

⁹ Класковский А. Пещерной русофобии в Беларуси не обнаружено // Белорусские новости. 2010. 7 окт., http://naviny.by/rubrics/politic/2010/10/07/ic_articles_112_170745/

¹⁰ Ioffe G. Understanding Belarus and How Western Foreign Policy Misses the Mark. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2008. P. 114.

¹¹ Как раз когда Запад гневно осуждал события 19 декабря 2010 года, в Брюсселе на площади Шумана торжественно встречали Ислама Каримова, который подавил андиганские волнения 2005 года с куда большей жестокостью, чем Лукашенко минскую демонстрацию.

¹² Красильщиков В. Белорусская развилка // Независимая газета. 2011. 19 янв.; <http://www.ng.ru/printed/250201>

¹³ <http://www.svaboda.org/content/article/2176310.html>

¹⁴ http://zautra.by/cont/print.php?sn_nid=8024

¹⁵ Институт издавна вызывает раздражение белорусской власти. В апреле 2005 года Верховный суд Беларуси постановил его ликвидировать, но коллектив не прекратил существования, зарегистрировавшись в соседней Литве. В 2010-м была предпринята попытка уволить директора НИСЭПИ Олега Манаева из БГУ. Однако после того, как более ста социологов и других специалистов из многих стран (включая автора этой статьи) подписали письмо протеста, ректор БГУ прекратил давление. На момент получения этого письма ректоратом БГУ сближение Беларуси с Западом достигло высшей точки, что, по-видимому, и объясняет действенность международных усилий в поддержку Манаева.

¹⁶ Карбалевич В. Указ. соч. С. 381.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Результаты национального опроса 20 дек. 2010 – 2 янв. 2011 г., <http://www.iiseps.org/>

¹⁹ White S. Belarus: A Non-Party State: Доклад на ежегодной конференции американских славистов. Лос-Анджелес. Ноябрь. 2010.

²⁰ Результаты национального опроса 20 дек. 2010 – 2 янв. 2011 г., <http://www.iiseps.org/>

²¹ Главачек П. Политические партии и общество в современной Беларуси // Полис. № 2. 2010.

²² White S. Op. cit.

²³ Главачек П. Указ. соч.

²⁴ Tereshkovich P. Ukrainians and Belarussians: Comparative Analysis of Nations Making Process in the Context of East-Central Europe: 19th – Beginning

of the 20th Centuries // Crossroads Digest. 2006. No 1. P. 47–66.

²⁵ Ekelchik S. Nationalism of Ukrainians, Belarussians and Slovaks // Arche. 2001. No 2.

²⁶ Ioffe G. Op. cit.

²⁷ Иоффе Г. Размышления о проблемах Беларуси в связи с прочтением книги Валерия Карбалевича «Александр Лукашенко: Политический портрет» (М.: Партизан, 2010) // Новости НИСЭПИ. Дек. 2010. Вып. 4 (58). С. 108–113.

²⁸ Выбор сделан. Идем дальше! // Беларусь сегодня. 2010. 21 дек., <http://sb.by/post/110089/>

²⁹ Более подробно см.: Ioffe G. Understanding Belarus... Гл. 3, 4.

³⁰ <http://www.imperiya.by/about.html>

³¹ <http://zapadrus.su/index.php?start=20>

³² Виталий Силицкий скончался 11 июня 2011 года на 39-м году жизни.

³³ Например, одна из последних статей Виталия Силицкого называется «Неоконченная пьеса для механического Брюсселя». См.: *Silitski V. Requiem for a Dialog or Unaccomplished Play for Mechanical Brussels* // BISS. 13 янв. 2011, http://www.belinstitute.eu/index.php?option=com_content&view=article&id=846%3AAnone&catid=11%3Apolitics&Itemid=28&lang=en

³⁴ Anderson B. Imagined Communities. L.: Verso, 1991.

³⁵ Рябчук М. Від Малоросії до України: Парадокси запізнілого націоналення. Киев: Критика, 2000.

³⁶ Соответствующий упрек я слышал, точнее, видел (в читательских комментариях на сайте Белорусской службы Радио Свобода) и в свой адрес, поэтому я не настаиваю на термине – просто еще не подобрал другого.

³⁷ См.: www.belayarus.by

³⁸ Стенограмма выступления Президента А.Г. Лукашенко на VI съезде ФПБ. 17 сент. 2010 г., www.president.gov.by/press97887.html

³⁹ <http://www.president.gov.by/press18894.html>

⁴⁰ Карбалевич В. Указ. соч. С. 12.

⁴¹ Дракахруст Ю. Скоки на кастях // Белорусская служба Радио Свобода. 15 апр. 2011 г., <http://www.svaboda.org/content/article/3558454.html>

⁴² См. например: Пресс-конференция Александра Лукашенко для представителей российских региональных СМИ. 1 окт. 2010 г. http://www.belta.by/ru/all_news/president/Press-konferentsija

Aleksandra-Lukashenko-dlja-predstavitelej-rossijskix-regionalnyx-SMI_i_526388.html

⁴³ Иоффе Г. Будущее Белоруссии: оптимистический взгляд // *Pro et Contra*. 2007. № 2 (36). Март–апр. С. 95.

⁴⁴ Передача «Начная Свобода» Белорусской службы Радио Свобода с участием Валентина Акудовича. 15 февр. 2007 года, <http://www.svoboda.org/articles/features/man/2007/2/4A1F2018-B212-466E-A43B-0ED5C0C0598D.html>

⁴⁵ *Silitiski V.* Motherland Is Not for Sale?: Belarusians' Attitudes toward Geopolitical Alternatives: Suspicion and Mercenary Motives // *BISS BLITZ*, #04/2010EN, 27 Oct. 2010; <http://www.belinstitute.eu/images/doc-pdf/bb042010en.pdf>

⁴⁶ Глава МВФ в Беларуси: Повышение зарплат было административным, а не экономически обоснованным // *Салидарнасць*. 13 янв. 2011, http://gazetaby.com/index.php?sn_nid=34425&sn_cat=34.

⁴⁷ *O' Tuathail G.* Localizing Geopolitics: Disaggregating Violence and Return in Conflict Regions // *Political Geography*. Vol. 29. 2010. P. 257.

⁴⁸ *Ляхович А.* Правящая элита и бюрократия // Президентские выборы в Беларуси: От ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму / Под ред. О. Манаева. Новосибирск: Водолей, 2006. С. 194.

⁴⁹ Поскольку Лукашенко был и остается авторитарным лидером, западная геополитика в отношении Беларуси с самого начала апеллировала к демократическим ценностям. Демократия в «европейской» Беларуси (и, разумеется, на Украине) оказалась делом куда более важным, чем в Азербайджане, Армении, Казахстане и чем даже в самой России. В 2004-м был принят американский Акт о демократии в Беларуси, позднее те же стратегии, которые ставили себе целью установление демократии в этой стране, благословили Казахстан на председательство в ОБСЕ; и то и другое – яркое свидетельство двойных стандартов.

⁵⁰ См., например, один из последних текстов, выражающих порицание «неправильному» народу, который достался благодарным белорусским интеллигентам со «шляхетскими корнями»: http://www.gazetaby.com/index.php?sn_nid=34490&sn_cat=37&sn_arx=&pas=1

⁵¹ Интересующиеся могут ознакомиться со свидетельствами, обнародованными самими оппозиционерами, например, Анатолием Сидоревичем и Александром Федутой (*Федута А.* Избранные

места из переписки с друзьями // *Живой журнал*. 8 сент. 2009, [http:// feduta.livejournal.com/523745.html](http://feduta.livejournal.com/523745.html)). Из этих материалов, в частности, следует, что все изменения в руководстве партий (например, замена Зенона Позняка Винцуком Вечеркой в БНФ, избрание Александра Козулина председателем одной из социал-демократических партий и его последующее непереизбрание) осуществлялись по решению западных спонсоров, а финансовый поток от Роджера Потоцкого из американского *National Endowment for Democracy* к Павлу Казанецкому из польского НПО *Stowarzyszenie Wschodnioeuropejskie Centrum Demokratyczne*, а от него к Александру Милинкевичу и могилевскому активисту БНФ Василькову был долгое время одним из основных каналов поступления средств для оппозиции.

⁵² *Карбалевич В.* Указ. соч. С. 419.

⁵³ *Joffe G.* Understanding Belarus... P. 111–112. См. также: Ток-шоу «Пражский акцент» Белорусской службы Радио Свобода. 25 окт. 2005.

⁵⁴ *Лукьянов Ф.* Диктатор нарасхват // *Газета*. RU. 26 мар. 2009, <http://www.gazeta.ru/column/lukyanov/2964341.shtml>

⁵⁵ Передача «Пражский акцент» Белорусской службы Радио Свобода. 24 февр. 2009, <http://www.svoboda.org/content/transcript/1498724.html>

⁵⁶ *Potocki R.* Enemies of Themselves // *Transitions Online*. 6 Dec. 2010, <http://www.tol.org/client/article/22008-enemies-of-themselves.html>

⁵⁷ EU Imposes Visa Ban on Belarus Leaders. 2011. Feb. 1. UPI.com, http://www.upi.com/Top_News/World-News/2011/02/01/EU-imposes-visa-ban-on-Belarus-leaders/UPI-67221296621874/

⁵⁸ *Jarábik B., Kobzova J., Wilson A.* The EU and Belarus after the Election // *The European Council on Foreign Relations*. Jan. 2010. P. 5, <http://www.ecfr.eu/page/-/Belarus%20memo%20Jan%202011.pdf>

⁵⁹ *Rojansky M., Collins J.* A Post-Election Agenda for Belarus // *Commentary*. 2011. Jan. 12. *Carnegie Endowment for International Peace*, <http://www.carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=42282>; *Shumylo-Tapiola O.* Causes and Consequences of Belarus's Post-Electoral Violence. *Commentary*. 2010. Dec. 21. *Carnegie Endowment for International Peace*, <http://carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=42168>; *Jarábik B., Rojansky M.* Cracks in Belarus, Confusion in the West. *Commentary*. 2011. Jan. 17. *Carnegie Endowment for International Peace*; <http://www.carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=42307>.

⁶⁰ *Rojansky M., Collins J.* Op. cit.

⁶¹ Донары выдзяляць беларускай грамадзянскай супольнасці 87 мільёнаў эўра // Беларуская служба Радыо Свобода. 2 фев. 2011, <http://www.svaboda.org/content/article/2295502.html>

⁶² См. на эту тему: Обозреватель Радио Свобода Вадим Дубнов — о статье Эдварда Лукаса об ошибках Запада в Белоруссии. 6 мая 2011, <http://www.svobodanews.ru/content/article/24093576.html>

⁶³ См. на эту тему: *Lucas E.* What the West Gets Wrong about Belarus // Central Europe Digest. Posted Date: 2 May 2011, http://www.cera.org/ced/view.aspx?record_id=301. См. также отзыв Григория Иоффе на эту статью: <http://www.svaboda.org/>

[content/article/24093914.html](http://www.svaboda.org/content/article/24093914.html) (этот текст издан по-белорусски, но сносный перевод на русский доступен по тому же адресу — через команду по смене языка запрошенной страницы).

⁶⁴ Это было написано в феврале текущего года. На сегодня Алексей Михалевич, один из кандидатов в президенты, и Наталья Радина, редактор сайта charter97.org, уже выбрали эмиграцию.

⁶⁵ Особенности европейского диалога // Беларусь сегодня. 7 апр. 2007, <http://www.sb.by/print/post/114929/>; см. также мою рецензию на книгу Юрия Шевцова «Объединенная нация: Феномен Беларуси» (*Pro et Contra*. 2006. Т. 10. № 2-3 (32). С. 116–131).

Хрупкий плюрализм

В Республике Молдова демократия еще не утвердилась в полной мере и политика остается нестабильной, но в последние два десятилетия это государство стало одним из самых плюралистических на территории бывшего Советского Союза | **НИКУ ПОПЕСКУ**

Молдова в определенном смысле являет собой парадокс. Это одно из беднейших государств Европы с очень большой долей сельского населения, к тому же отягощенное проблемой сепаратизма. И тем не менее на данный момент это, пожалуй, самое демократичное (за исключением стран Балтии) государство на всем постсоветском пространстве. В ее пока еще короткой истории Молдове удалось избежать большинства крайностей, проявившихся в других постсоветских государствах. Здесь никогда не было консолидированного авторитарного режима, при котором выборы теряют смысл, как в большинстве других постсоветских стран, и не было «цветной революции», как в Грузии и на Украине. Правда, после всеобщих выборов в апреле 2009 года Молдова неожиданно оказалась на грани спонтанной «цветной революции» с перспективой ее авторитарного подавления. Но в конечном итоге стране удалось избежать и того и другого. Поэтому Молдова может претендовать на то, чтобы считаться единственным постсоветским государством (опять же, за исключением прибалтийских стран), в котором с момента обретения независимости в 1991-м власть менялась только правовым и конституционным способом — по реальным результатам выборов.

Демократия — сложное, многосоставное явление, предполагающее, в частности, существование свободных СМИ и сильных

политических партий, уважение к правам человека, свободные и честные выборы, систему сдержек и противовесов, бюджетную децентрализацию и борьбу с коррупцией.

По каким-то из этих показателей у Молдовы дела идут лучше, по каким-то — хуже.

Некоторым критериям Молдова удовлетворяет уже сейчас, но, чтобы стать устойчивой демократией, ей придется преодолеть еще много трудностей. Этот процесс будет по-прежнему идти тяжело, неся с собой большой риск нестабильности. Но не вызывает сомнений, что политическая система Молдовы избежала перерождения в типичную постсоветскую авторитарную систему, и это само по себе достижение. В данной статье автор пытается объяснить этот феномен как бы в два приема, сначала прослеживая историю отнюдь не прямолинейного политического процесса в Республике Молдова, а затем отвечая на вопрос, почему стране удалось сохранить более высокий уровень политического плюрализма, чем многим другим постсоветским государствам.

Передача власти

Власть в Молдове всегда переходила от правительства к оппозиции через электоральный процесс. Все выборы в истории республики в общем и целом выражали волю народа. Да, имели место использование административного ресурса и иногда, возможно, небольшие подтасовки (2–4 проц.),

однако здесь не было массовых фальсификаций, из-за которых во многих постсоветских государствах выборы просто теряли смысл. Первый президент Молдовы Мирча Снегур оставил свой пост после свободных и честных выборов в 1996 году. Второй президент, Петру Лучинский, оставил президентский пост в 2001-м после истечения мандата и не был переизбран. Коммунистическая партия Молдовы после восьми лет пребывания у власти и попыток увековечить свое правление проиграла выборы в июле 2009 года. В результате президент Владимир Воронин в сентябре 2009-го оставил свой пост, после чего обязанности президента временно исполняли два спикера парламента — Михай Гимпу и Мариан Лупу.

Дважды Молдова была на грани срыва в авторитарное правление, но оба раза обошлось. Первый раз, в 1999 году, тогдашний президент Лучинский попытался изменить конституцию и сделать Молдову вместо полупарламентской президентской республикой. Попытка не удалась: парламента переиграл президента и изменил конституцию в противоположном направлении, расширив полномочия парламента. В частности, было зафиксировано, что для избрания президента необходимо набрать как минимум 61 голос (из 101 члена парламента). Этой конституционной реформой объясняются как устойчивость Молдовы к авторитарной консолидации, так и характерная для нее политическая нестабильность. Вторую попытку установления авторитарного режима предприняла коммунистическая партия, которая находилась у власти в 2001–2009 годах.

Коммунисты: несостоявшаяся партия власти

Партия коммунистов Республики Молдова (ПКРМ) пришла к власти после выборов 2001-го, на которых она набрала 49,9 проц. голосов и получила 71 из 101 места в пар-

ламенте. Этого было достаточно для того, чтобы избрать президента и, если потребуется, изменить конституцию. ПКРМ победила и на выборах в 2005 году, но получила теперь только 46 проц. голосов и 56 депутатских мест, так что на этот раз ей уже не хватило голосов для избрания своего лидера президентом. Коммунисты вынуждены были уговаривать фракции некоторых оппозиционных партий проголосовать за коммунистического кандидата. В конечном итоге ПКРМ пришлось пойти на компромисс и сделать оппозиции ряд очень важных уступок в обмен на поддержку кандидатуры Воронина. В частности, были приняты поправки к закону о СМИ, расширен доступ к общественному телевидению (это коснулось теле- и радиотрансляций заседаний парламента), а государству пришлось отказаться от двух государственных газет «*Moldova Suverana*» и «Независимая Молдова» (эквивалент «Российской газеты» в РФ). Кроме того, была осуществлена реформа прокуратуры, усилена независимость судебной власти, расширены депутатские полномочия в части контроля над деятельностью спецслужб и реформирована избирательная комиссия, так чтобы в ней была более полно представлена оппозиция.

В 2001–2009 годах ПКРМ почти соответствовала понятию «партия власти», столь характерному для всего постсоветского пространства. В руках Воронина была сосредоточена огромная власть, и не столько в силу того, что он был президентом полупарламентской республики, сколько вследствие контроля над своей собственной партией в парламенте. В течение первого президентского срока его партия полностью доминировала в законодательном собрании, обладая устойчивым конституционным большинством. Экономическая власть также была сконцентрирована в руках правящей партии. К тому же оппозиция имела ограниченный доступ к общественному телевидению, у нее

не было своих телеканалов, а государственные учреждения были чрезмерно политизированы, то есть поддерживали политическую программу доминирующей партии. Да и вообще оппозиция была раздроблена и представляла собой пеструю смесь мелких партий, большинство которых дискредитировали себя связями с не очень популярными правительствами 1990-х.

Тем не менее, несмотря на очевидные авторитарные поползновения коммунистов, Молдова сохранила высокий уровень политического плюрализма. Хотя правительство активно пользовалось административным

одновременно), завоевав две трети местных советов, в том числе в Кишиневе, где мэром был избран 29-летний Дорин Киртоакэ, представитель Либеральной партии. Трудно вообразить себе, чтобы в какой-либо другой стране СНГ столицей управляла оппозиция. Некоторые местные телевизионные станции (например, *PRO TV* и *TV7*) были независимыми в том смысле, что предоставляли и власти, и оппозиции более или менее равный доступ к эфиру. И даже государственное телевидение обеспечивало оппозиции возможность агитации и проведения ток-шоу во время избирательных кампаний.

“Против оппозиции была развязана мощная пропагандистская кампания, а налоговые органы начали расследования в отношении оппозиционных партий и газет”.

ресурсом, выборы в Молдове никогда не превращались в простую формальность. В 2001–2009 годах ситуация с выборами заметно ухудшилась, но, в отличие от некоторых других постсоветских государств, электоральный процесс все-таки не выродился в фарс. В Молдове ни разу не было анекдотичной 120-процентной явки избирателей (что служит верным признаком массового вброса бюллетеней). В ходе избирательной кампании все оппозиционные партии получали регистрацию и допускались к выборам, имели доступ к государственному телевидению и могли участвовать в дискуссиях, а также сохраняли за собой довольно много местных советов и мэрий, что давало им некоторую властную базу на местах. Оппозиция даже выиграла несколько решающих выборов. В 2006-м она победила на выборах в Гагаузии, единственном автономном территориальном образовании в составе Молдовы. В 2007 году оппозиция добилась ошеломляющей победы на местных выборах (они проводятся по всей Молдове

Однако этого было недостаточно. Коммунисты не до конца выполнили обещания, которые в 2005-м они дали оппозиционным депутатам, проголосовавшим за переизбрание президента-коммуниста в обмен на реформы. После серьезного ослабления позиций ПКРМ по итогам выборов 2007 года и по мере приближения выборов 2009-го, когда Воронин должен был уйти в отставку после пребывания у власти в течение двух президентских сроков, отношения между коммунистами и оппозицией становились все более напряженными. В 2009-м ПКРМ намеревалась реализовать сценарий передачи власти преемнику, схожий с российским. Воронин надеялся сохранить свою власть после 2009 года в качестве спикера парламента и неформально остаться лицом, принимающим ключевые решения в стране. Для этого ему нужно было назначить номинального президента из собственного окружения, который бы не представлял опасности для его политического доминирования. Но с учетом поражения коммунистов в 2007-м, выигрыш

в 2009-м отнюдь не был предрешен; поэтому все политические, экономические и административные ресурсы коммунистов были брошены на то, чтобы эту победу обеспечить. В результате избирательная кампания начала 2009 года сразу приняла вид напряженного и жесткого противоборства, чреватого расколом общества. Это была самая агрессивная кампания из всех проводившихся до тех пор в Молдове. Так, стали обычными ожесточенные нападки со стороны СМИ на оппозицию (например, утверждения, что ее представители — это «румынские агенты»), полиция регулярно запугивала местных активистов, а митинги оппозиции пытались дискредитировать с помощью провокаторов.

Кризис после выборов 2009 года

В такой обстановке обнаружение 6 апреля 2009-го предварительных результатов выборов, состоявшихся днем раньше, резко разделило общество. По результатам голосования коммунисты завоевали 49,5 проц. голосов (60 депутатов в парламенте), а три оппозиционные партии получили в общей сложности 41 место (Либеральная партия — 13,1 проц. голосов и 15 депутатов, альянс «Наша Молдова» — 9,8 и 11, Либерально-демократическая партия 12,4 проц. и 15 депутатов). Коммунистам не хватило всего одного голоса, чтобы избрать своего президента.

Десятки тысяч людей вышли на улицы, и протесты, начавшиеся вечером 6 апреля, продолжались и весь следующий день. Несколько сотен протестующих (возможно, не без участия провокаторов-подстрекателей) напали на президентский дворец и парламент, разграбив их. Власть практически не вмешивалась в происходившее, но в последующие дни ответила весьма жестко. Два или три человека погибли (точные цифры по-прежнему недоступны) якобы в полиции¹. Против оппозиции была развязана мощная пропагандистская кампания, а налоговые органы

начали расследования в отношении оппозиционных партий и газет, а также некоторых наиболее независимых НПО.

Жесткость подавления протестов подчеркнула хрупкость демократических преобразований на постсоветском пространстве и показала, насколько эффективно правительство Молдовы осуществляло постепенную, «ползучую» централизацию политической системы. Однако подавление протестов прекратилось так же быстро, как и началось. В течение нескольких дней арестованные были большей частью освобождены. К концу мая уже все арестованные были выпущены, а местные оппозиционные партии и СМИ стали еще более открыто критиковать коммунистическую партию. Яростное апрельское противоборство быстро трансформировалось в политическое противостояние в парламенте между коммунистами и оппозицией.

Несмотря на победу коммунистов на апрельских выборах, им, как уже упоминалось, недоставало одного депутата, чтобы получить в парламенте заветную цифру в 61 голос, необходимую для избрания нового президента. Более того, совершенно неожиданно для большинства наблюдателей они не смогли получить этот единственный дополнительный голос ни путем кооптации или подкупа, ни путем принуждения оппозиционных депутатов. После двух неудачных попыток избрания президента в конце мая и начале июня пришлось распустить парламент и назначить новые выборы на 29 июля 2009 года. Это был знаменательный исторический момент. Из-за протестов и репрессий, которые последовали за апрельскими выборами, политическая атмосфера настолько накалилась, а политическое противостояние настолько обострилось и поляризовалось, что сделка между коммунистами и оппозицией стала невозможной. Даже с единственным депутатом. Не помогли ни запугивания, ни подкупы.

После неудачной попытки избрать президента коммунисты получили в начале июня еще один чувствительный удар. Видный член Коммунистической партии Мариан Лупу объявил о своем выходе из партии в знак несогласия с репрессиями, имевшими место в апреле—мае, и все более явными авторитарными тенденциями в партии. Лупу был вторым номером в списке компартии на апрельских выборах 2009-го, а в 2005—2009 годах был спикером парламента от Коммунистической партии и наиболее вероятным кандидатом в президенты от компартии (до тех пор, пока коммунисты не выдвинули на этот пост премьер-министра и технократа Зинаиду Гречаную). Лупу был самым популярным членом Коммунистической партии после Владимира Воронина и вообще одним из самых популярных политиков в Молдове. Для участия в июльских выборах Лупу решил опереться на небольшую Демократическую партию.

Результаты выборов в июле 2009-го стали еще одним сюрпризом. Согласно большинству прогнозов, коммунисты должны были одержать победу с небольшим преимуществом, что привело бы к возникновению нового тупика уже в парламенте нового созыва. В реальности же выборы с небольшим преимуществом принесли победу оппозиции: коммунисты получили 44,7 проц. голосов и 48 депутатских мест, а объединенная оппозиция — 53 места (альянс «Наша Молдова» — 7,3 проц. голосов и 7 депутатов, Либеральная партия — 14,7 и 15, Либерально-демократическая партия — 16,6 и 18, Демократическая партия — 12,54 проц. и 13 депутатов). По сравнению с апрелем 2009-го коммунисты потеряли 12 мест (48 вместо 60), три либеральные партии потеряли одного депутата (40 вместо 41), а демократы Мариана Лупу получили решающие тринадцать мест (см. таблицу 1 на с. 56). Понятно, что теперь они могли определять конфигурацию будущей правящей коалиции.

2009—2011 гг.: Альянс за европейскую интеграцию

Альянс за европейскую интеграцию был сформирован в августе 2009-го из четырех партий: Либерально-демократической партии Влада Филата, Демократической партии Мариана Лупу, Либеральной партии Михай Гимпу и объединения «Наша Молдова» Серафима Урекяну. В рамках этого альянса Влад Филат стал премьер-министром, Михай Гимпу — спикером парламента, Мариан Лупу — кандидатом в президенты от Альянса. Не удивительно, что коммунисты отказались голосовать за Мариана Лупу, так что попытка избрать президента в декабре 2009 года снова провалилась.

Второй раз в 2009-м ни одной из партий или коалиций не удалось набрать необходимое число голосов для избрания президента. Это более, чем когда-либо раньше, обострило проблему порога в 61 голос. В теории столь высокий «проходной балл» был установлен для того, чтобы побуждать стороны к компромиссу в пользу нейтрального кандидата, приемлемого для всех политических групп и общества в целом. Но на практике из-за острых разногласий и бескомпромиссности, царящей в молдавской политике, порог в 61 голос стал непреодолимым барьером для избрания президента.

Провал кандидатуры Лупу на пост президента означал, что в конце 2010 года должен был состояться еще один раунд досрочных выборов (в соответствии с конституцией в течение года можно проводить только один тур досрочных выборов), а пока исполняющим обязанности президента становится спикер парламента Михай Гимпу. На протяжении большей части 2010-го альянс существовал в режиме предвыборной кампании. Четыре вышеназванные партии были партнерами по коалиции, но при этом они сознавали, что, будучи политическими соперниками, в избирательной кампании де-факто

борются между собой. Несмотря на политическую напряженность в отношениях между партиями коалиции, управление страной осуществлялось сравнительно качественно: экономика стабилизировалась, ВВП после падения на 6,5 проц. в 2009-м в следующем году увеличился на 7 проц.; были начаты и некоторые реформы.

Наиболее существенные изменения произошли в демократической сфере. ПКРМ утратила квазимонополию на власть. Но при этом власть не была монополизирована Альянсом, поскольку в нем действует система

дельцев, однако на ранних этапах подобной ангажированности не наблюдалось.

Так что всего за несколько месяцев ситуация в сфере СМИ в Молдове радикально изменилась. Понятно, что пока не все СМИ стали независимыми и «равноудаленными». Некоторые медиаресурсы поддерживают те или иные политические партии (так, у ПКРМ есть свой, прокоммунистический канал), тогда как другие вполне политически нейтральны. Отметим, что этот большой успех в 2010-м был достигнут благодаря спонтанной демократизации, то есть не в результате уси-

“В течение нескольких месяцев появились два новых новостных ТВ-канала с прямым эфиром, а другие каналы начали трансляцию политических ток-шоу и новостей”.

внутренних сдержек и противовесов (партии по коалиции частично соперничают, частично сотрудничают между собой), и ПКРМ остается крупной и важной оппозиционной силой, располагающей значительными ресурсами (средства массовой информации, финансовые средства, опытные и узнаваемые лидеры). Совершенно очевидные изменения произошли также в области СМИ. В течение нескольких месяцев появились два новых новостных ТВ-канала с прямым эфиром, а другие телевизионные каналы, ранее державшиеся в стороне от политики, начали трансляцию политических ток-шоу и новостей. Один из каналов (*Jurnal TV*) был создан молдавскими бизнесменами, а другой — румынским медиамагнатом (*Publika TV*). Каналы дистанцируются от всех политических игроков и не являются рупорами каких-либо партий. Хотя они скорее поддерживают Альянс, чем коммунистов, их программы открыты практически для всех политических сил. Не исключено, что через какое-то время они будут использоваться для продвижения бизнес- или политических интересов их вла-

стей правительства, а просто потому, что правительство перестало ограничивать свободу СМИ.

Вместе с тем осуществлять структурные реформы в течение этого неполного года перед надвигающимися досрочными выборами стало труднее. И если либерализация СМИ, активизация гражданского общества, становление системы сдержек и противовесов между политическими партиями — все это происходило как бы само собой, формирование других структурных основ демократии (таких как борьба с коррупцией, создание корпуса компетентных, некоррупцированных и независимых судей, реформа правоохранительных органов, в частности, полиции и разведывательных служб) шло гораздо медленнее.

Тем не менее правительство при поддержке Европейского союза инициировало реформу Министерства внутренних дел, реформу судебной системы и попыталось устранить административные препоны для бизнеса. Молдове также удалось значительно активизировать свои отношения с ЕС.

В январе 2010 года она начала переговоры с Евросоюзом о заключении Договора об ассоциированном членстве, вплотную приблизилась к началу предметного обсуждения всеобъемлющего соглашения о свободной торговле с ЕС, а также получила План действий по введению безвизового режима с Евросоюзом. Ей удалось осуществить многие из реформ, необходимых для введения безвизового режима с ЕС, в частности, перейти на выдачу исключительно биометрических паспортов, принять стратегию интегрированного пограничного контроля и др. Но отношения с Россией, к сожалению, не изменились. Хотя лидерам Альянса (в отличие от Ющенко и Саакашвили) удалось избежать резких обострений, никакого существенного прогресса в отношениях не наблюдалось.

Несмотря на то что экономическая ситуация в 2010-м оставалась сложной, на досрочных выборах 30 ноября Альянс увеличил свое присутствие в парламенте. Либерально-демократической партии Влада Филата на этих выборах удалось более чем удвоить свою долю голосов, доведя ее до 29,4 проц. (32 депутатских места), Демократическая партия Мариана Лупу получила 12,7 проц. (15 депутатов), Либеральная партия завоевала 9,96 проц. голосов (12 депутатов), а коммунисты потеряли еще 5 проц. по сравнению с 2009 годом и довольствовались

39,3 проц. голосов (42 депутата). Тем не менее на этот раз конфигурация коалиции изначально была менее очевидной, поскольку Демократическая партия решила рассмотреть все варианты и не стала присоединяться к либеральным партиям сразу после выборов.

Около месяца Демократическая партия размышляла, с кем ей объединяться — с коммунистами или с либерально-демократическими партиями. Отчасти проблема состояла в том, что ни в том ни в другом случае 61 голос для избрания президента не набирался. Если бы Демократическая партия решила на союз с коммунистами, такая левоцентристская коалиция имела бы 57 депутатов (42+15), но если бы она решила вступить в правоцентристскую коалицию, то голосов для избрания президента все равно не хватило бы (32+12+15 = 59). После месяца колебаний, в течение которого в Кишинев приехал Сергей Нарышкин, руководитель Администрации Президента России, чтобы побудить Демократическую партию вступить в левоцентристский альянс, а министры иностранных дел Польши и Швеции посетили Молдову, чтобы, как считается, способствовать созданию правоцентристской коалиции, Демократическая партия все же решила создать правоцентристскую коалицию под названием «Альянс за европейскую интеграцию».

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2009—2010 ГОДОВ: ДОЛЯ ГОЛОСОВ (В %) И ЧИСЛО ДЕПУТАТСКИХ МЕСТ (Д/М)			
	Апр. 2009 г.	Июль 2009 г.	Нояб. 2010 г.
Коммунисты	49,5% (60 д/м)	44,7% (48 д/м)	39,3% (42 д/м)
Либерально-демократическая партия	12,4% (15 д/м)	16,6% (18 д/м)	29,4% (32 д/м)
Демократическая партия	Ниже электорального порога	12,54% (13 д/м)	12,7% (15 д/м)
Либеральная партия	13,1% (15 д/м)	14,7% (15 д/м)	9,96% (12 д/м)
Альянс «Наша Молдова»	9,8% (11 д/м)	7,3% (7 д/м)	Ниже электорального порога
Процент явки	57,55%	58,77%	63,37%

Коалиция предполагала, что Влад Филат сохранит пост премьер-министра, а Мариан Лупу сначала станет спикером парламента, а потом кандидатом в президенты. На момент подписания соглашения (в мае 2011-го) было не ясно, сможет ли альянс получить необходимые ему два голоса коммунистов, чтобы избрать президента, то есть риск того, что это сделать не удастся, был достаточно велик.

В целом можно сказать, что 2009–2011 годы в политическом отношении стали в Молдове самыми бурными после обретения независимости. За эти два года Молдова успела повидать доминирующую партию с авторитарными наклонностями, пытавшуюся увековечить свою власть, широкомасштабные акции протеста и авторитарную реакцию на них, вытеснение коммунистов разношерстной коалицией в результате выборов, три раунда парламентских выборов, четыре раунда неудачных выборов (в парламенте) президента, и конца политической неопределенности пока не видно. Тем не менее, несмотря на всю эту политическую кутерьму, СМИ процветали, экономика оправилась от кризиса, граждане не потеряли интерес к политике и Молдова добилась существенных внешнеполитических успехов.

Оценка хрупкого плюрализма Молдовы

В течение первых двух десятилетий самостоятельного существования Молдова оказалась, в политическом плане, устойчивее почти всех других постсоветских государств. Страна не бросалась очертя голову в революции, но и не позволяла консолидироваться жестко авторитарным режимам, как это имело место в других местах. При Воронине в Молдове не было ни консолидированного авторитаризма, ни полноценной демократии. Она как бы зависла между ними, но при этом никогда не была столь политически централизованной, как Армения, Азербайджан, Россия или Беларусь.

Такой неустойчивый плюрализм был обусловлен как внутренними, так и внешними причинами. Молдова является политически многообразным и раздробленным обществом. Около 30 проц. населения составляют национальные меньшинства (украинцы, русские, гагаузы и болгары), но молдавское/румынское большинство тоже расколото по самоидентификациям на три (в грубом приближении) группы, каждая из которых имеет свои политические предпочтения. Часть молдаван попросту считают себя румынами и называют свой язык румынским. Эта группа относительно мала (около 10 проц. населения), но с 1991 года достаточно устойчива. Опасность того, что она станет доминирующей и потянет Молдову в Румынию, невелика. Вторая группа — это те молдаване, которые признают, что молдавская нация существует в политическом отношении отдельно от Румынии и что Молдова должна оставаться независимым государством, но признают также, что язык в Молдове румынский. Данная категория молдаван, пожалуй, доминирует в политике, поскольку включает в себя самых активных молодых людей из образованных слоев городского населения, а также сельской интеллигенции². Эта часть жителей смотрит на Румынию примерно так же, как австрийцы смотрят на Германию, бельгийские валлоны на Францию, а бельгийские фламандцы на Нидерланды, то есть признается тот факт, что в некоторых государствах-соседах население говорит на идентичных языках. Третья категория — это молдаване, которые считают себя молдаванами, а свой язык молдавским и часто настроены антирумынски.

При таком множестве разграничений ни одна община в Молдове не обладает достаточной силой, чтобы доминировать в масштабах государства или навязать свою волю другим партиям и установить режим авторитарного правления. Если добавить ко

всему этому различные политические чаяния нацменьшинств, получится то, что Лукан Уэй назвал «плюрализмом по умолчанию»³. Другими словами, это ситуация, когда общество настолько раздроблено, что никакое правительство не может опираться на какую-либо одну доминирующую группу, чтобы установить авторитарный режим, и всем элитам приходится лавировать, вступая в самые разные и часто неустойчивые коалиции, объединяющие интересы разных групп. Поэтому любому правительству Молдовы приходится в той или иной степени балансировать между разными сообществами. В большинстве слу-

даван (возможно, до 800 тысяч, при общей численности населения 3,8 млн человек) работают за границей — примерно поровну в России и в ЕС. Денежные переводы из-за рубежа составляют около 30 проц. молдавского ВВП. Получается, что выживание населения мало зависит от государства и политической власти. Кроме того, в Молдове нет по-настоящему крупного бизнеса и естественных монополий, контроль над которыми обеспечивал бы какой-то небольшой группе контроль над всей страной. Единственным серьезным исключением является компания «Молдовагаз», 50 проц.+1 акция которой с

“В Молдове существование сепаратистского конфликта не является ни питательной средой, ни оправданием для политической централизации”.

чаев правительствам приходится действовать эклектично, заигрывая не менее чем с двумя группами, что де-факто обеспечивает какой-то контроль исполнительной власти. Такая ситуация благоприятна для плюрализма, но одновременно она препятствует образованию сильной коалиции в поддержку реформ. Любым реформистским группам в правительстве обычно приходилось бороться с антиреформистами. Поэтому Молдова занимает сравнительно высокие места в рейтингах демократии и сравнительно низкие — в рейтингах делового климата и уровня коррупции (см. таблицу 2 на с. 59).

Молдова — довольно бедная страна, но в политическом отношении это обеспечивает ей преимущества благодаря значительной дисперсии экономической власти. Ее граждане просто вынуждены полагаться на самих себя. В отличие от Украины или России с их более богатой, но и более концентрированной экономикой, в Молдове мало промышленных предприятий; это страна по преимуществу сельская. Очень много мол-

1999-го принадлежат «Газпрому». В то время как в России или на Украине небольшое число промышленно-финансовых групп (с их рабочими местами и соответствующими неофициальными патронажными сетями) контролируют огромную долю ВВП, в Молдове это просто невозможно. Таков странный парадокс: бедность обеспечивает гражданам большую самостоятельность и независимость от государства, а государству оставляет меньше возможностей для укрепления централизованной власти.

В такой среде «захват государства» принимает иные формы, нежели в других постсоветских государствах, богатых ресурсами. Государственные учреждения могут захватываться с целью создания бизнеса или получения политических преимуществ и преследования конкурентов в бизнесе, но само государство имеет меньше ресурсов для кооптации или подчинения значительной части населения, чем в России или в Азербайджане. Обеспечить политический контроль над бизнесом в таких условиях невозможно.

Таблица 2

ИНДЕКСЫ И РЕЙТИНГИ			
<i>Economist</i> , 2010 г.: индекс демократичности	Всемирный банк, 2010 г.: (<i>Doing business</i> : стоимость ведения бизнеса)	«Репортеры без границ», 2010 г. (индекс свободы СМИ)	<i>Transparency International</i> , 2010 г.: индекс восприятия коррупции
65. Молдова и Сербия	13. Грузия	75. Молдова	68. Грузия
67. Украина	36. Македония	80. Албания	69. Черногория
68. Черногория	44. Армения	85. Сербия	78. Сербия
73. Македония	47. Кыргызстан	99. Грузия	87. Албания
84. Албания	55. Азербайджан	101. Армения	105. Казахстан
103. Грузия	64. Беларусь	105. Черногория	105. Молдова
106. Кыргызстан	65. Черногория	115. Таджикистан	123. Армения
107. Россия	74. Казахстан	131. Украина	127. Беларусь
109. Армения	81. Албания	140. Россия	134. Азербайджан
130. Беларусь	87. Молдова	152. Азербайджан	134. Украина
132. Казахстан	90. Сербия	154. Беларусь	154. Россия
135. Азербайджан	116. Россия	169. Кыргызстан	154. Узбекистан
149. Таджикистан	147. Украина	162. Казахстан	164. Кыргызстан
164. Узбекистан	149. Таджикистан	163. Узбекистан	172. Туркменистан
165. Туркменистан	150. Узбекистан	176. Туркменистан	172. Узбекистан

В результате в большинстве рейтингов демократичности Молдова оказывается гораздо ближе к балканским, нежели к постсоветским государствам.

Как ни странно, сепаратистский конфликт в Приднестровье не оказал существенного влияния на качество демократии в Молдове. Такие конфликты часто используются для мобилизации общества и оправдания чрезвычайных режимов правления. Подобную тактику в разной степени и в разное время использовали Армения, Азербайджан, Россия и Грузия. Но приднестровский конфликт не привел к появлению политика-популиста, поднявшего знамя национального воссоединения и маргинализации оппозиции внутри страны, борьбы против внутренних и внешних врагов или милитаризации и радикализации общества. Молдавские избиратели в большинстве своем безразличны к приднестровской проблеме. Только два

процента населения считают, что проблема Приднестровья должна быть приоритетом номер один, и только 10 проц. включают Приднестровье в тройку главных приоритетов⁴. Для сравнения: в Азербайджане Нагорный Карабах является главным приоритетом примерно для 53 проц. населения⁵. В Молдове же в большинстве опросов общественного мнения приднестровский конфликт занимает 8–10 место в списке приоритетов.

Поэтому в отличие от большинства других постсоветских стран, сталкивающихся с проблемами сепаратизма, в Молдове существование сепаратистского конфликта не является ни питательной средой, ни оправданием для политической централизации. Отстраненность населения от приднестровской проблемы в Молдове объясняется, в частности, тем, что в стране (в противоположность ситуации, существую-

щей в Азербайджане и Грузии) нет огромного числа внутренних перемещенных лиц. Кроме того, в Молдове нет и тяжелых последствий конфликта, таких как масштабные теракты (в отличие от последствий чеченских войн и связанных с ними проблем Северного Кавказа), а сам конфликт не представляет собой видимой угрозы для существования государства (в отличие, скажем, от Армении). В избирательных циклах 2009–2011 годов проблема Приднестровья тоже играла лишь второстепенную роль.

Возможно, в еще большей мере сравнительно высокий уровень политического плюрализма в Молдове объясняется внешними факторами. Пространство внешнеполитического маневра у Молдовы достаточно узкое — как по внешним, так и по внутренним причинам. Поэтому ее руководству всегда было трудно игнорировать свои международные обязательства по отношению к таким организациям, как Европейский союз или Совет Европы. Слишком сильно эта страна зависит от иностранной помощи. Она не имеет многих ресурсов, благодаря которым другие государства СНГ обладают более широким пространством для внешнеполитического маневра. Сама по себе Молдова невелика, у нее нет природных ресурсов, которыми располагают Казахстан, Азербайджан или Туркменистан, она не занимает такого геостратегического положения, как Украина или Грузия, не имеет финансовой и политической поддержки, какую обеспечивает Армении армянская диаспора, и у нее нет возможности маневрировать между США, Китаем и Россией, как это сейчас делают страны Центральной Азии.

Таким образом, как государство, Молдова настолько слаба и бедна, что во многих жизненно важных аспектах она поневоле сильно зависит от международной помощи. Просьбы к МВФ о макроэкономической помощи и переговоры о доступе на рынки и о получении грантов от ЕС обеспечивают

международному сообществу более мощные рычаги влияния на Молдову, чем на такие государства, как Украина или Азербайджан, не говоря уже о России. Молдова также постоянно нуждается в поддержке и России, и ЕС, и США для урегулирования конфликта в Приднестровье. И именно (но лишь отчасти) из-за этих внешних факторов Молдова не может так просто ввести у себя авторитарное правление. В этом отношении все молдавские правительства, включая коммунистов, всегда были вынуждены вести себя более осторожно и сбалансированно по сравнению с большинством других постсоветских правительств.

Связи с ЕС также укрепляют эти тенденции. В таких вопросах, как внешняя торговля, общественное мнение, внешнеполитическая и географическая ориентация, денежные переводы, Молдова была и остается страной, наиболее подверженной влиянию Европейского союза из всех стран СНГ. Уровень поддержки вступления в ЕС здесь самый высокий среди стран СНГ⁶ (хотя в Грузии выше уровень поддержки вступления в НАТО и в ЕС, вместе взятые). Молдова не имеет общей границы с Россией, но имеет таковую с ЕС. Более 50 проц. ее внешней торговли приходится на Евросоюз (из других стран СНГ только Россия может сравниться с ней по этому показателю), а на Россию всего около 17 процентов⁷.

Европейская интеграция также является в Молдове неоспоримым внешнеполитическим ориентиром для большинства социальных групп. Вступление в ЕС поддерживает 72 проц. населения страны, и оно является безусловным приоритетом внешней политики Молдовы⁸. Все правительства Молдовы, включая коммунистические, объявляли европейскую интеграцию главной целью своей внешней политики. Желание и возможности осуществить реформы, необходимые для вступления страны в ЕС, у них различались, но

вместе с тем существовал и очевидный широкий консенсус в отношении интеграции в ЕС как долговременной цели. В такой обстановке концепция типа «суверенной демократии» (под каким бы названием она ни фигурировала) не может ни всерьез укорениться, ни стать хотя бы минимально популярной в Молдове.

Тем не менее европейская интеграция не рассматривается здесь в качестве антироссийского проекта. Более 50 проц. населения Молдовы при этом считает, что Россия должна быть ее ключевым стратегическим партнером. Теплые чувства, которые Молдова питает к ЕС, не сопровождаются антироссийскими настроениями. В этом плане отношение политиков и общества Молдовы к России скорее дружественное, примерное такое же, как в дружественных к России государствах ЕС – Болгарии и Словакии (в отличие от стран Балтии или Польши). Дружественное отношение общественности к России полезно также и тем, что препятствует формированию образа внешнего врага и помогает

сглаживать межэтнические отношения в Молдове. А это, в свою очередь, способствует сохранению плюрализма политической системы.

В последние два десятилетия Молдова стала одним из самых плюралистических государств на территории бывшего Советского Союза. Конечно, демократия здесь еще не утвердилась в полной мере, и политика остается нестабильной. Однако политикам Молдовы удалось избежать эксцессов как авторитарных, так и революционных. Если говорить о компонентах демократии в СНГ, Молдова сумела справиться со многими проблемами. Здесь осуществляется регулярная передача власти по результатам выборов, существуют разнообразные и свободные СМИ и децентрализованная экономическая система. Определенную положительную роль в переходе Молдовы на путь более демократического развития играют ее социальная раздробленность и зависимость от внешних субъектов. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Protests in Moldova and Georgia // *Economist*. 2009. Apr. 16 (http://www.economist.com/node/13497056?story_id=13497056); Moldovan Police Face Brutality Allegations (<http://news.bbc.co.uk/2/hi/Europe/8007428.stm>).

² Хотя каких-либо социологических данных на этот счет не имеется, данная группа «продвинутых» молдаван составляет примерно 25–30 проц. населения и в основном голосует за Либерально-демократическую и частично Демократическую партии.

³ *Lucan A. Way*. Pluralism by Default in Moldova // *Journal of Democracy*. Vol. 13. No. 4. 2002. P. 127–141.

⁴ Institute for Public Policy, Public Opinion Barometer. Oct. 2008.

⁵ Azerbaijan in 2007: Sociological Monitoring, Azerbaijan/Baku: Friedrich-Ebert-Foundation, Brussels, 2008.

⁶ См.: *Popescu N., Wilson A.* The Limits of Enlargement: European and Russian Power in the Troubled Neighbourhood / ECFR Policy Report. 2009. P. 28.

⁷ В 2007 году на долю ЕС приходилось 50,6 проц. молдавского экспорта и 45,6 проц. импорта; для сравнения: на долю России приходится 17,3 проц. экспорта и 13,5 проц. импорта.

⁸ Institute for Public Policy, Public Opinion Barometer, Mar. 2009 (www.ipp.md).

Украина: плюрализм «по умолчанию», революция, термидор

В отличие от российских властей, украинские не могут создать социальную базу авторитаризма, опирающуюся на идею государственного величия и дешевой сырье. В отличие от Беларуси, Украина намного более плюралистична | **АЛЕКСЕЙ ГАРАНЬ**

Провозгласив в середине 1990-х годов своей официальной целью интеграцию в ЕС, Киев в то же время пытается балансировать между Россией и Западом. После «оранжевой» революции 2004-го Украина, согласно классификации *Freedom House*, стала единственной «свободной страной» на территории СНГ, однако через год после избрания в 2010 году президентом Виктора Януковича опять переместилась в категорию «частично свободных». Неожиданная для многих «оранжевая» революция, досрочные выборы, распады правительственных коалиций, скандальные противостояния, широко обсуждаемые в условиях свободы в СМИ, в том числе в ток-шоу в прямом эфире — все это создало впечатление об украинской политике как борьбе с «нулевой суммой», не на жизнь, а на смерть. Однако до последнего времени даже в периоды острейших кризисов Украине всегда удавалось отойти от края пропасти, избежать насильственного противостояния и достичь компромисса. Сохранятся ли эти балансы при президенте Януковиче или страна будет дрейфовать в сторону российской модели?

Компромиссы, балансы и передача власти

Со времени перестройки и достижения независимости в 1991 году наиболее важные решения в стране принимались в результате компромисса. В этом смысле Украина отличалась от многих советских республик, так как достигла независимости мирно, без межэтнических конфликтов, в результате договоренности между национально-демократической оппозицией и «национал-коммунистами» (то есть теми из коммунистической элиты, кто выступал за независимость республики). Украина также стала первой страной СНГ, в которой на демократических выборах (1994 год) произошла смена и президента, и парламента. Конституция Украины 1996 года была принята в результате компромисса между президентом и парламентом, в отличие от России, где принятию конституции предшествовал штурм парламента, а сам Основной закон был принят на референдуме в обход представительной власти.

После провозглашения независимости Украина должна была одновременно строить новое государство, современную политическую нацию, демократию и рыночные отношения (*quadruple transition*)¹. Поскольку

ни одну из этих задач невозможно решить в одночасье, а кроме того, нужно было постоянно отстаивать суверенитет страны, компромисс с посткоммунистической номенклатурой оказался почти неизбежным, а это, в свою очередь, ограничивало возможность радикального разрыва с советским прошлым.

Кроме того, Украина отличается региональным и политическим разнообразием, что не позволяет одной силе монополизировать власть (*pluralism by default*²). В результате приватизации 1990-х годов при президенте Леониде Кучме возникли «олигархи», открыто конвертирующие свой экономический и зачастую административный вес в контроль над СМИ, партиями и парламентскими фракциями. С целью контроля над ними Кучма создал, по выражению западных политологов, «шантажистское государство» (*blackmail state*): важнейшим инструментом власти был компромат на всех акторов³. Но Кучме так и не удалось воспользоваться результатами референдума 2000 года, которые наделяли его авторитарными полномочиями. Конституционный суд (КС) признал два из шести вопросов референдума неконституционными (ситуация, которую трудно представить в России). К тому же КС постановил, что результаты референдума должны воплощаться в жизнь на основе конституционной процедуры, то есть с одобрения двух третей парламента. Несмотря на кажущуюся всесильность, Кучме не хватило четырех голосов. В период с 1998-го по 2007 год, ни при Кучме, ни при Ющенко партиям, претендовавшим на то, чтобы стать «партиями власти», несмотря на использование «административного ресурса», не удавалось одержать победу на парламентских выборах: по партийным спискам они обычно показывали лишь третий результат.

Отличием украинской политической культуры от российской является более сильная традиция частной собственности на землю,

отсутствие широкой общественной поддержки авторитарного лидера. Кроме того, и во время «оранжевой» революции, и в 2007 году, в ходе политического кризиса после роспуска парламента президентом Виктором Ющенко, оказывалось, что противоборствующие элиты не желали углубления поляризации, которая могла привести к дестабилизации всей страны и тем самым поставила бы под угрозу их интересы. Показательно, что «оранжевая» революция с ее лозунгом «Бандитам — тюрьмы» также закончилась компромиссом.

Повторное голосование второго тура, в котором победил лидер «оранжевых», стало возможным в обмен на конституционную реформу с расширением полномочий парламента и правительства. В 2006 году создание новой парламентской коалиции вынудило президента Ющенко внести в парламента кандидатуру своего соперника Януковича на пост премьер-министра. В 2007-м уже премьер Янукович должен был согласиться на досрочные парламентские выборы и принять их результаты, что опять отбросило его в оппозицию.

Но подобные компромиссы имеют и отрицательную сторону, особенно когда договоренности являются закулисными: они откладывают необходимые стране радикальные реформы в политической и экономической сфере.

Этнолингвистическая ситуация

Результаты переписи 2001 года (первой в независимой Украине) показали постепенную украинизацию части ранее русифицированных украинцев. По сравнению с 1989 годом доля тех, кто причислял себя к этническим украинцам, увеличилась с 72,7 проц. до 77,8 проц., а этнических русских снизилась с 22,1 проц. до 17,3 проц., что приблизительно восстанавливало показатели 1959 года. Вместе с тем число тех, кто считал русский язык родным, было выше — 29,6 про-

цента. И хотя только украинский является государственным, русский язык доминирует в восточных и южных частях страны, в бизнесе, спорте, шоу-бизнесе. В 2009-м две трети тиража газет страны и 90 проц. журналов печатались на русском. Более половины телеэфира также составляли передачи, идущие по-русски⁴.

В 1990 году, перед распадом СССР, только 45 проц. школьников обучались на украинском (начиная с 1970-х, родители школьников могли написать заявление об отказе изучать украинский), а в сфере высшего образования около 90 проц. предметов пре-

ной страны, независимо от того, на каком языке они говорили.

Современный украинский национализм является «территориальным», а не «этническим» и скорее «включающим» (*inclusive*), чем «исключающим» (*exclusive*). Своеобразным примером стало польско-украинское примирение (несмотря на трагическую историю взаимоотношений сторон). В 1989 году польская «Солидарность» приветствовала создание украинского национально-демократического движения — «Рух», который в свою очередь призвал различные этнические группы поддержать процессы

“Украине нужна не федерализация, а реальное развитие местного самоуправления — об этом говорят все политические силы, но забывают, придя к власти”.

подавалось на русском языке. В независимой Украине русификацию в сфере образования удалось приостановить. Тем не менее в 2008/09 учебном году 17,6 проц. школьников обучались на русском языке, а если добавить сюда тех, кто изучает русский язык как «иностранный», то цифра увеличивается до 46,6 процента⁵. В том же учебном году около 12 проц. украинских студентов обучались на русском, но фактически эта цифра выше⁶. В вузах Крыма, как показывают данные за тот же период, на русском обучалось 90 проц. студентов, в Донецкой области — более 50 процентов⁷.

При этом этнолингвистические границы в Украине размыты, само деление на русско- и украиноязычных довольно условно, поскольку большинство населения является двуязычным. Русскоязычные политики не чувствуют себя исключенными из политического процесса в Киеве. Обретение Украиной независимости превратило тех, кто ранее был всего лишь провинциальной элитой, в политическую и деловую элиту 46-миллион-

взаимного национального возрождения.

Толерантная позиция национал-демократов в отношении этнических меньшинств повлияла на национал-коммунистов, которых возглавлял (1991–1994) первый президент независимой Украины Леонид Кравчук. В октябре 1991-го все проживавшие на тот момент в Украине получили право на гражданство без всяких условий. Таким образом, социально-экономические и политические возможности украинских граждан не были ограничены или поставлены в зависимость от этнических и языковых критериев. Радикальные националистические силы (как украинские, так и про-российские) не преодолевали трехпроцентный парламентский барьер (об относительно новом феномене радикальной «Свободы» см. ниже).

Вопреки своим предвыборным обещаниям, президент Янукович (как и ранее Кучма) понял, что для придания русскому языку статуса государственного у него, во-первых, нет необходимого конституционного большинства в парламенте (2/3 от общего числа

депутатов), а во-вторых, изменение статьи о государственном языке, согласно конституции, требует проведения общенационального референдума, который поляризует страну и подрывает его легитимность как президента Украины. Поэтому Янукович заявил, что украинский останется единственным государственным языком. Сохраняется, однако, вероятность, что Партия регионов простым большинством голосов в парламенте может принять новый закон о языках, который даст русскому языку существенные преференции и приведет к сужению прав и сферы распространения украинского.

Федерализация или развитие местного самоуправления?

Электоральный разрыв между более русифицированной южной и восточной Украиной, с одной стороны, и западной и центральной — с другой, проявляется на всех выборах. Но уже в первые годы независимости стало ясно, что федерализация страны может стимулировать центробежные тенденции. В Конституции 1996 года идея федерализации была отклонена, а русский язык так и не получил официального статуса. Тот факт, что национал-демократы (правые) объединились с центристами и к ним примкнула даже часть левых депутатов, сыграл важную роль в принятии конституции.

Во время «оранжевой» революции и после нее Партия регионов также использовала идею федерализации для защиты своих позиций на востоке и юге страны, для оппонирования «оранжевой» власти в Киеве, а также как слоган предвыборной кампании. В условиях региональной поляризации страны, в отсутствие административно-территориальной реформы и при слабом финансировании местного самоуправления федерализация может привести не к развитию самоуправления, а скорее к «феодализации» Украины на реги-

ональном уровне. Характерно, что в своей программе Партия регионов не упоминает о «федерализации».

В действительности стране нужна не федерализация, а реальное развитие местного самоуправления — об этом говорят все политические силы, но забывают свои обещания придя к власти. Пока что областные и районные рады (советы) даже не имеют собственных исполнительных органов — их функции исполняют госадминистрации, назначаемые из центра.

Специфика крымской автономии

Единственный регион в Украине, где русские составляют большинство (58 проц.), — Автономная Республика Крым. Это также историческая родина крымских татар, которые были депортированы Сталиным в 1944 году и получили разрешение вернуться только в 1989-м (татары составляют около 12 проц. населения Крыма). Крымско-татарское движение видит Крым в составе Украины, а не России. Лидеры крымских татар избирались в украинский парламент по партийному списку «Руха», а позже — по списку блока «Наша Украина». В официальной позиции Киева в целом отсутствует антимусульманская риторика (среди политических сил Украины она проявляется прежде всего у коммунистов, у пророссийских сил в Крыму и отдельных представителей Партии регионов).

Но поскольку права крымских татар в Крыму не защищены (прежде всего в вопросах предоставления земли для постройки домов), это создает риск укрепления позиции радикалов вне межджиса (де-факто крымско-татарский парламент), которому уже 20 лет удавалось сохранить движение ненасильственным. Следует учесть, что во время депортации крымских татар Крым был частью Российской Федерации, но сейчас основное финансовое бремя по обустройству

возвратившегося коренного населения лежит на Киеве.

Пророссийские силы в Крыму активно эксплуатируют угрозу «украинизации» (хотя в действительности не русский, а украинский язык и культура нуждаются в поддержке в Крыму⁸). Российская база в Севастополе остается инструментом давления на Украину⁹. Российское консульство выдает паспорта России украинским гражданам в Крыму, хотя двойное гражданство в Украине запрещено¹⁰.

Парадокс, однако, в том, что местной крымской элите (большинство которой уже является членами всеукраинских партий) выгоднее оставаться в составе Украины и «торговаться» одновременно и с Киевом, и с Москвой — по вопросам распределения собственности, крымской земли, финансовых вливаний. Контроль над Крымом со стороны российской вертикали власти ослабил бы возможности местной элиты для подобного торга. А уступки Януковича России в отношении продления сроков аренды базы в Севастополе¹¹ не усилили позиции местных элит. Дело в том, что хотя нынешний премьер Крыма Василий Джарты формально подчинен крымскому парламенту, он и его окружение не только принадлежат к Партии регионов (как и предыдущее руководство Крыма), но и являются выходцами из Донецкой области, и теперь именно они фактически контролируют полуостров.

Позиция крымских татар, Партии регионов, отсутствие реальной угрозы ассимиляции русских в Крыму — все это препятствует попыткам повторить на полуострове сценарий, подобный южноосетинскому/абхазскому. Однако российские политики могут использовать ситуацию в Крыму для давления на Киев и влияния на украинскую внутреннюю и внешнюю политику. Опасность подобной дестабилизации не устранена.

«Оранжевая» революция и ее последствия

На выборах 2002 года коммунисты впервые уступили первое место по партийным спискам¹² блоку «Наша Украина» во главе с бывшим премьер-министром Ющенко. «Наша Украина» объединила не только традиционную национально-демократическую оппозицию, но и ряд политиков и бизнесменов, ранее поддерживавших Кучму.

В перспективе президентских выборов 2004-го среди политиков, сохранивших лояльность Кучме, наибольший рейтинг имел Виктор Янукович, представитель донецкой группы и премьер-министр Украины с ноября 2002 года (статус главы правительства обеспечивал ему значительный административный ресурс). Правда, его прошлое (две судимости) снижало шансы на победу на президентских выборах 2004 года. Однако, возможно, с точки зрения Кучмы — а также Владимира Путина — это могло служить аргументом в пользу выдвижения Януковича в президенты, так как ослабленного политика легче контролировать.

Одной из причин успешной кампании Ющенко стало стремление объединить жителей востока и запада Украины на основе лозунгов справедливости, борьбы с коррупцией, необходимости реформирования страны по европейским образцам (хотя после избрания президентом, Ющенко вместо этого стал делать упор на вопросах языка, истории, церкви, НАТО, что вызвало серьезное неприятие на востоке страны). В отличие от команды Ющенко российские и украинские политтехнологи, работавшие на Януковича, противопоставляли «националистическую» Западную и «индустриальную» Восточную Украину, активно используя антизападную, антиамериканскую риторику. В результате кампания 2004 года резко усугубила поляризацию страны, которая остается не преодоленной до сих пор.

Несмотря на неприкрытое давление, манипуляции, поддержку Москвы, Кучмы так и не удалось повторить российский сценарий передачи власти назначенному «преемнику». Независимые экзит-поллы показали, что Ющенко победил на выборах с разрывом почти в 8 проц., однако результаты выборов были фальсифицированы в пользу Януковича.

Оппозиция готовилась вывести людей на улицы. Но даже она не ожидала таких масштабных митингов по всей Украине, сочетавших празднование победы (о которой было

стороны малого и среднего бизнеса; раскол внутри ведущих бизнес-групп, недовольных растущим авторитаризмом Кучмы; активность гражданского общества.

Основными достижениями «оранжевой» революции стали политические свободы, включая свободу СМИ и конкурентные выборы, в результате которых начиная с 2004 года кресло премьера переходило от власти к оппозиции уже пять раз.

С другой стороны, большинство лозунгов «оранжевой» революции оказались нереализованными, в особенности борьба с корруп-

“Лишь в течение первого года своего президентства Виктор Ющенко обладал полномочиями, необходимыми для проведения реформ”.

известно благодаря экзит-поллам) с протестами против фальсификаций, что и стало известно как «оранжевая» (*помаранчевая*) революция. Верховный суд Украины принял решение о проведении заново второго тура, так как из-за нарушений было невозможно установить победителя. При этом в парламенте удалось достичь компромисса путем спешного внесения изменений в конституцию, которые с 1 января 2006 года ограничивали полномочия будущего президента. Благодаря этим ограничениям, сторонники Кучмы и Януковича могли в меньшей степени опасаться победы Ющенко.

Безусловно, поддержка Западом гражданского общества в Украине, международное осуждение фальсификаций и требования, чтобы Кучма отказался от применения силы, имели важное значение, но причинами «оранжевой» революции были прежде всего внутренние факторы, среди которых — слабость режима и относительный плюрализм политической системы Украины (по сравнению с Россией и большинством постсоветских государств); поддержка «оранжевых» со-

стороны, реформа судебной системы, верховенство закона и т. д., что привело к разочарованию избирателей, прежде всего тех, кто в 2004-м голосовал за Ющенко, а в 2006 и 2007 годы — за его блок «Наша Украина».

Кроме слабости самого Ющенко как политика и постоянных распрей в его команде, на пути осуществления реформ возникло несколько институциональных препятствий:

1) Конституционная реформа ослабила роль президента, в результате чего Ющенко лишь в течение первого года своего президентства обладал полномочиями, необходимыми для проведения реформ. Согласно конституционным изменениям, премьер-министр должен был опираться на парламентское большинство, сформированное по результатам выборов, а президент не мог, как раньше, отправить его в отставку в любое время, без объяснения причин. На самом деле демократические силы на протяжении многих лет добивались законодательного закрепления ответственности правительства перед парламентом. Но реформа была поспешной и непоследовательной и заложи-

ла противоречия между полномочиями президента (Ющенко) и премьер-министра (как Януковича, так и Тимошенко).

2) Трудности становления демократии и череда выборов (парламентские 2006 года, досрочные парламентские 2007 года, президентские 2009–2010 годов) сделали «оранжевые» силы заложниками электоральной демократии и в целом способствовали сдвигу украинской политики в сторону популизма. В результате необходимые (но непопулярные) реформы так и не были проведены.

Политические свободы облегчили возможность критики «оранжевых» их противниками, гражданским обществом и СМИ. Хотя на выборах 2006 и 2007 годов «оранжевые» силы совместно получали большинство в парламенте, постоянная борьба между Ющенко и его бывшей союзницей Юлией Тимошенко (после «оранжевой» революции Ющенко дважды вынужден был назначать ее премьер-министром) укрепила позиции Партии регионов. В 2006–2007 годы Партия регионов даже сформировала правительственную коалицию, на что Ющенко был вынужден дать свое согласие. В отличие от ситуации 2004 года, теперь, в условиях свободных выборов, Партия регионов выглядела легитимным политическим игроком.

Кроме того, Партия регионов периодически формировала тактические альянсы с представителями «оранжевых» сил (то с «Нашей Украиной», то с Блоком Юлии Тимошенко — БЮТ) и вела с ними переговоры о создании так называемой «широкой коалиции». Президентская кампания 2009–2010 годов протекала на фоне последствий мирового экономического кризиса, что давало Партии регионов возможность критиковать — часто с популистских позиций — правительство Тимошенко. К тому же критика премьера Тимошенко со стороны президента Ющенко, а потом и его призыв не поддерживать во втором туре ни Януковича, ни

Тимошенко фактически подыграли лидеру Партии регионов.

Президентство Януковича и угроза авторитаризма

Результаты первого тура выборов 17 января 2010 года отразили раскол «оранжевых» сил (см. таблицу 1 на с. 69). Во втором туре 7 февраля 2010 года Янукович победил Тимошенко с небольшим отрывом: 49 проц. против 45,5 проц. (при явке 69 проц.). При этом Тимошенко вышла вперед в 17 регионах (в том числе столице), а Янукович — в 10. К тому же по итогам выборов 2007 года у Партии регионов не было большинства в парламенте, поэтому и украинские, и международные аналитики исходили из того, что ей придется вступить в коалицию с оппонентами — «Нашей Украиной» или даже сформировать «широкую коалицию» с БЮТ. В этом случае, с учетом реформы 2004 года, разделившей полномочия между президентом и правительством, расстановка сил была бы более или менее сбалансированной. Кроме того, в случае распада коалиции, поддерживавшей премьера Тимошенко, у Януковича оставался вполне конституционный путь: назначить досрочные выборы.

Но на этих выборах Партии регионов пришлось бы столкнуться с конкуренцией новых сил (в частности, формируемых Тигипко и Яценюком), и она решила не рисковать: вместо этого Партия регионов избрала путь нарушения конституции. В марте 2010 года при поддержке небольших фракций — коммунистов и Блока Литвина (спикера парламента) — Партия регионов внезапно внесла изменения в регламент Верховной Рады, которые давали право вступать в парламентскую коалицию отдельным депутатам из других фракций. Было сформировано правящее большинство из трех фракций, которые вместе насчитывали лишь 219 голосов (при необходимых 226), но к ним присоединились

Таблица 1

ДИНАМИКА РЕЙТИНГОВ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ, 2010—2011 ГГ.

Кандидат в президенты/возглавляемая им сила	Результаты первого тура президентских выборов 17 января 2010 года (в % к общему числу избирателей) (явка избирателей — 67%)	Рейтинг политической силы, возглавляемой кандидатом в президенты, в случае выборов в парламент в октябре 2010 года (в % к числу опрошенных) *	Рейтинг политической силы, возглавляемой кандидатом в президенты (2010 год), в случае выборов в парламент в апреле 2011 года (в % к числу опрошенных) ** (явка избирателей — 65,5% опрошенных)
В. Янукович /Партия регионов	35,32	29,0	22,1
Ю. Тимошенко /БЮТ	25,05	13,5	17,9
С. Тигипко /«Сильная Украина»	13,05	12,0	6,1
А. Яценюк /«Фронт перемен»	6,96	5,4	10,8
В. Ющенко /«Наша Украина»	5,45	1,4	1,9
П. Симоненко /КПУ	3,54	3,1	4,3
В. Литвин /Блок Литвина	2,35	3,2	1,5
О. Тягнибок /«Свобода»	1,43	3,6	4,6
А. Гриценко /«Гражданская позиция»	1,20	1,0	1,8
В. Кличко /партия «УДАР»	—	—	4,2
Другие	2,0	2,8	5,3
Против всех	2,2 + 1,45% <i>недействительных бюллетеней</i>	12,2	7,1
Не определились	—	12,8	12,4
Всего	100	100	100

* Опрос Центра Разумкова 30 сентября—5 октября 2010 года. Теоретическая погрешность выборки (без учета дизайн-эффекта) — 2,3 процента. Отдельный вопрос о явке не формулировался. См.: www.razumkov.org.ua/ukr/news.php?news_id=357

** Опрос Центра Разумкова 1—5 апреля 2011 года. Теоретическая погрешность выборки (без учета дизайн-эффекта) — 2,3 процента. См.: www.razumkov.org.ua/ukr/news.php?news_id=369

на индивидуальной основе 16 депутатов из «Нашей Украины» и БЮТ: среди них большинство составляли бизнесмены, на которых, судя по всему, оказали давление.

Полтора года ранее, 17 сентября 2008 года, КС подтвердил ст. 83 Конституции о том, что коалиция формируется только на основе парламентских фракций. Это было одним из положений конституционной реформы 2004-го, мотивом для которого стала практика давления на депутатов, получившая распространение при президенте Кучме. Поскольку отдельные депутаты легко

поддавались давлению, данное положение реформы имело целью закрепить структурирование парламента по партийным фракциям. Однако 6 апреля 2010 года те же члены КС прочитали эту статью диаметрально противоположным образом. Можно лишь догадываться, какое давление было оказано на них. При таком формировании коалиции и теперь чисто формально опирающегося на него правительства парламент послушно штампует решения Банковой (на Банковой улице находится резиденция президента и его администрации), игнорируя оппозицию

и нередко нарушая саму процедуру. Однако администрация Януковича на этом не остановилась и вскоре добилась еще большего расширения полномочий.

Ющенко не воспользовался возможностью оспорить реформу 2004 года, хотя формально имел на это право: тогда, в 2004-м, в КС не был заранее направлен ряд предложенных изменений, а согласно конституции перед парламентским голосованием необходимо получить заключение КС. После вступления реформы в силу конституционные изменения стали, по терминологии юристов, «телом Конституции». Тем не менее осенью

Была изменена система выборов в местные рады (советы): с пропорциональной на смешанную (50:50) — для Партии регионов это облегчало контроль над выборами в мажоритарных округах. Правила игры были изменены непосредственно перед местными выборами в октябре 2010 года, что было раскритиковано и Европарламентом и ПАСЕ¹³.

Используя «административный ресурс», Партия регионов получила 39 проц. мандатов по партийным спискам в областных и районных радах. Но поскольку Янукович оказался не способен выполнить данные им социально-экономические обещания, в абсо-

“Столкнувшись с давлением общества, Янукович наложил вето на налоговый кодекс и отложил те изменения, которые вызвали наибольший протест малого бизнеса”.

2010 года все тот же КС, вопреки мнению экспертов, автоматически восстановил Конституцию 1996 года, изъяв, таким образом, само упоминание о «парламентской коалиции» и вновь сделав правительство полностью зависимым от президента.

Еще ранее началось наступление на свободу слова. Оказалось, что позитивные изменения после «оранжевой» революции не были институционализированы. Общественное телевидение так и не было создано. Поскольку большинство украинских СМИ принадлежит олигархам, для которых медиа не являются главной сферой бизнеса, власти всегда могут угрожать их бизнес-интересам, если освещение событий в СМИ представляется им «неправильным». В Национальном совете по телевидению и радиовещанию сегодня нет ни одного представителя оппозиции (представители оппозиции входили в состав совета даже при Кучме). Вопреки очевидному конфликту интересов, мультимиллионер и медиамагнат Валерий Хорошковский был назначен главой Службы безопасности Украины.

лютных цифрах количество голосов за Партию регионов уменьшилось по сравнению с первым туром президентских выборов на 3 млн (включая потерю 800 тыс. голосов в ключевой для них Донецкой области). Одержатъ победу оказалось нелегко даже в некоторых оплотах «регионалов» на востоке страны. В Запорожье мэром стал представитель БЮТ. Экзит-поллы показали победу кандидата от «Батькивщины» (партии, возглавляемой Тимошенко) на выборах мэра в Харькове, но победителем, несмотря на зафиксированные нарушения, был провозглашен одиозный кандидат от Партии регионов Геннадий Кернес¹⁴. В Луганске кандидат от «регионалов» победил кандидата-коммуниста с перевесом в 25 голосов (что также привело к обвинениям в фальсификации). О том, как Янукович представляет себе институт местного самоуправления, говорит его заявление во время визита в Западную Украину (где победила оппозиция): «Как глава города может быть в оппозиции? Да я им головы пооткрываю»¹⁵.

Теперь Банковская хочет распространить смешанную избирательную систему и на парламентские выборы 2012 года. Но, как показал опыт 1990-х, избранные в мажоритарных округах депутаты становились объектами давления со стороны администрации Кучмы и в результате кочевали по фракциям, фракции раскалывались, создавались новые: к концу каждой каденции в парламенте насчитывалось около дюжины фракций, раза в два больше, чем после выборов. С 1998 года Украина перешла к смешанной (мажоритарно-пропорциональной) системе, а с 2006-го — к чисто пропорциональной системе с трехпроцентным проходным барьером. После выборов 2006 и 2007 годов в парламенте было представлено пять политических сил, то есть произошло структурирование украинского парламента по партийным линиям.

Правда, список формировали партийные лидеры, в чьих руках была сконцентрирована власть, так что избиратели должны были выбирать между закрытыми партийными списками. Во время президентской кампании 2010 года Янукович обещал ввести открытые партийные списки, но теперь он стремится восстановить смешанную систему, повысить избирательный барьер до 5 проц. и запретить блоки.

Ограничение демократии ради реформ?

Дрейф в сторону авторитаризма власти оправдывали необходимостью преодолеть «оранжевый хаос» и обеспечить стабильность для проведения давно назревших, но непопулярных реформ. Если во время президентской кампании Партия регионов подорвала сотрудничество Украины с МВФ, в условиях кризиса протолкнув популистский закон об увеличении зарплат и пенсий, то новое правительство согласилось с требованиями МВФ увеличить и коммунальные тарифы, и цены на газ для населения, а также постепенно повысить возраст выхода на пенсию.

Оказалось, однако, что у правительства нет настоящего плана реформ. Премьер-министр Николай Азаров в администрации Кучмы был главой налоговой администрации и представляет командный стиль управления экономикой. Заместитель главы администрации президента Ирина Акимова (связанная с олигархом Ринатом Ахметовым) и вице-премьер Сергей Тигипко (глава партии «Сильная Украина», занявший третье место в президентской кампании), которые считаются реформаторами, в действительности обладают ограниченным влиянием.

Коррупция на высшем уровне продолжается. Группа, связанная с одиозным газовым посредником «РосУкрЭнерго» (РУЭ) во главе с олигархом Дмитрием Фирташем, укрепила свои позиции по сравнению с группой Ахметова, получив посты руководителя президентской администрации (Сергий Левочкин), министра энергетики (Юрий Бойко), главы Службы безопасности (Валерий Хоршковский).

Борьба внутри Партии регионов и неэффективность власти стали очевидными во время принятия нового налогового кодекса, когда левая рука не ведала, что делает правая. Летом 2010 года, когда правительственный проект подвергся резкой критике со стороны оппозиции и гражданского общества, Янукович тоже был вынужден его раскритиковать. Но исправленный проект не улучшил ситуацию. Неожиданно для властей в ноябре мелкие предприниматели организовали протесты на Майдане (главной площади в Киеве, ассоциирующейся с «оранжевой» революцией), символически совпавшие с очередной годовщиной революции. Столкнувшись с мощным общественным давлением, Янукович наложил вето на налоговый кодекс и отложил те изменения, которые вызвали наибольший протест малого бизнеса, а затем... начал судебные преследования лидеров «предпринимательского Майдана».

В декабре 2010 года администрация президента объявила о давно назревшей административной реформе. Подобная реформа может стать успешной лишь в сочетании с эффективным антикоррупционным законодательством, однако вместо этого администрация занялась судебными преследованиями бывших членов правительства Тимошенко и ее самой. В последнее время президент Янукович все чаще использует правоохранные органы как политический инструмент. В ЕС это назвали «избирательным правосудием» (*selective justice*)¹⁶. Маневрируя и запугивая олигархов, власти, чтобы отвести от себя обвинения в избирательном использовании правосудия, даже привлекли бывшего президента Кучму к делу убитого в 2000 году журналиста Георгия Гонгадзе, но эксперты уверены, что основную вину возложат на правоохранителей, уже ушедших в мир иной.

Оппозиция и гражданское общество: произойдет ли обновление элит?

Оппозиция оказалась не готова к открытым нарушениям формальных и неформальных правил игры. К тому же поражение в президентских выборах серьезно ослабило Тимошенко. Одной из причин ее проигрыша стало то, что в глазах «оранжевого» электората подходы БЮТ и Партии регионов выглядели во многом схожими. В затяжной борьбе с Ющенко Тимошенко вела закулисные переговоры с олигархами и даже включала некоторых из них в избирательный список БЮТ. Но все же генетически БЮТ был силой, оппозиционной режиму Кучмы, и включал в себя национально-демократический компонент.

В ходе местных выборов 2010 года в условиях неприкрытого манипулирования со стороны властей «Батькивщина» Тимошенко получила в среднем по стране лишь 16,3 проц. по партийным спискам, но осталась главной силой оппозиции. На фоне дальней-

шего падения популярности Партии регионов весной 2011-го «Батькивщина» сократила разрыв в рейтингах (см. таблицу 1 на с. 69). Тем не менее перед БЮТ остро стоит задача модернизации и превращения из силы, опирающейся лишь на харизму лидера, в идеологически и программно ориентированную. Усилившаяся конкуренция за пост «оранжевый» электорат делает эту задачу жизненно важной для БЮТ.

В ходе президентской кампании у 35-летнего Арсения Яценюка неожиданно возникла возможность обойти Тимошенко и выйти во второй тур кампании. Но его партия «Фронт перемен» создавалась по старинке, «сверху», ключевые вопросы о команде, программе, спонсорах остались без ответа. Вдобавок он привлек российских политтехнологов, печально известных по кампании 2004 года. В результате бывший спикер и министр иностранных дел вместо евроинтеграции стал говорить о «большой Европе» с Россией и Казахстаном. Не удивительно, что он в значительной степени утратил поддержку со стороны «оранжевого» электората, а Партия регионов заговорила о нем как о «конструктивной оппозиции» (в отличие от «неконструктивной» Тимошенко). Тем не менее семь процентов, набранных Яценюком на президентских выборах, дают ему шанс сыграть активную роль в ходе парламентских выборов 2012-го.

Не замешанный в «теневых схемах» бывший министр обороны Анатолий Гриценко и его партия «Гражданская позиция», однако, не сумели эффективно организовать свои избирательные кампании. Новой партии «За Украину», отколовшейся от дискредитированной «Нашей Украины», почетным главой которой все еще является Ющенко, тоже не удалось показать хороший результат на местных выборах. Расколы и борьба амбиций по-прежнему являются болезнью национал-демократов.

Занявший третье место на президентских выборах (13 проц.) Сергей Тигипко пытался создать себе имидж либерального реформатора, но так и остался в роли, отведенной ему администрацией президента, — козла отпущения за непопулярные реформы, тем более что и реформ-то пока нет. Не удивительно, что партия Тигипко «Сильная Украина» получила на местных выборах лишь 5,4 проц. мандатов по партийным спискам.

Наиболее удачными результаты местных выборов 2010 года оказались для праворадикальной «Свободы» с ее националистической риторикой; «Свобода» взяла по стране 4,5 проц. мандатов по партийным спискам. Власть сняла с дистанции список «Батькивщины» во Львовской области (равно как и в Киевской), и «Свобода» победила во всех трех областях Галичины. Успех «Свободы» на руку администрации президента: планы Банковой состоят в том, чтобы «убить» рейтинг Тимошенко, как и любой потенциальной демократической оппозиции власти. Ряд аналитиков считают, что Банковая подыгрывает «Свободе», намеренно поляризуя страну и планируя вывести ее лидера Олега Тягныбока во второй тур президентских выборов 2015 года. Если этот план будет осуществлен и во втором туре Януковичу будет противостоять Тягныбок, то, с учетом радикализма и регионально ограниченной базы «Свободы», это должно обеспечить действующему президенту легкую победу. Однако такие сценарии опасны и для стабильности в Украине, и для самой власти. 9 мая 2011 года во Львове произошли столкновения между «Свободой» и представителями маргинальной пророссийской партии «Родина», специально приехавшими из Одессы. Правоохранительные органы знали о готовящейся провокации, но бездействовали. По мнению большинства аналитиков, Янукович и Партия регионов волей-неволей подыграли сценарию, разработанному в России. При этом пострадал

и имидж нынешней власти, и в целом имидж Украины в Европе¹⁷.

Пока что украинские партии остаются в основном политическими машинами, выстроенными вокруг лидеров или бизнес-структур. В условиях, когда оппозиция расколота, а в результате «бульдозерной политики» Партии регионов усиливается возможность неожиданного социального взрыва, роль гражданского общества возрастает. Журналисты организовали кампанию «Стоп цензуре!», предприниматели — «налоговый Майдан». Гражданские организации стремятся найти новые лозунги, новые лица и новые идеи, которые смогли бы объединить всех, кто недоволен ростом авторитаризма. Но пока неясно, когда, как и кто сможет возглавить этот процесс.

Внешний фактор: между ЕС и Россией
«Российский фактор» продолжает играть важную роль в украинской политике. Однако большинство аналитиков сходятся во мнении, что его значение за годы независимости снижалось (по крайней мере, до последнего времени) и вектор политического развития Украины определялся прежде всего внутренней динамикой украинских элит. Москва не смогла помешать Ющенко выиграть выборы в 2004 году или предотвратить досрочные выборы в 2007-м. Две страны, если говорить об институциональном развитии, двигались в разных направлениях.

Доля России во внешней торговле Украины с 1994 года по докризисный 2008-й снизилась с 47,5 проц. до 23,05 проц., украинский экспорт в Россию — с 37,4 проц. до 23,5 проц., импорт из России — с 58,1 проц. до 22,7 процента. При этом, вопреки утверждениям об антироссийскости «оранжевых», с 2004-го по 2008-й товарооборот с Россией в абсолютных цифрах вырос вдвое, а украинский экспорт — в 2,7 раза!¹⁸ Правда, зависимость Украины от российских энергоносителей пока остается неизменной.

Украинская дипломатия традиционно избегала участия в наднациональных интеграционных структурах и основное внимание уделяла двусторонним отношениям в рамках СНГ, а также ратификации Россией соглашения 1994 года о свободной торговле в рамках СНГ. Киев не подписал Устав СНГ, и несмотря на то, что Украина является одним из основателей Содружества, формально она — не член СНГ. Киев отказался подписывать Договор о коллективной безопасности 1992 года. Формально в 2003-м Украина вступила в Единое экономическое пространство (ЕЭП) с Россией, Беларусью и Казахстаном,

Янукович будет в большей мере заинтересован в поддержке Москвы (так как это ранее произошло при Кучме в начале 2000-х годов). Но и в этом случае существует «красная линия», которую Янукович и бизнес-спонсоры Партии регионов вряд ли смогут переступить: они не согласятся на меры, которые будут угрожать их власти, политической и экономической (действия того же Кучмы в период его президентства тому подтверждение).

Захочет ли Янукович стать президентом, имеющим поддержку лишь части Украины, вынужденным опираться на российскую

“Сложная экономическая ситуация рано или поздно заставит Киев проводить реформы, в том числе чтобы ослабить зависимость от России в энергетической сфере”.

однако ее участие ограничилось поддержкой создания зоны свободной торговли, но не Таможенного союза, поскольку это противоречило бы официальной цели вступления в Европейский союз.

В первые месяцы после избрания Януковича президентом маятник внешней политики резко качнулся с прозападного направления в сторону России. Однако Янукович пошел, прежде всего, на символические уступки России, которые, по мнению капитанов Партии регионов, не угрожают их экономическим интересам. Речь идет о продлении аренды военно-морской базы в Севастополе, отказе от курса на вступление в НАТО (провозглашение «внеблоковости»), а также от требования признать голод 1933 года геноцидом украинского народа и о явных предпочтениях той части украинского православия, которая признает верховенство московского патриарха.

В случае усиления авторитарных тенденций в политике Януковича не исключено охлаждение отношений с Западом. Тогда

власть, а значит, находящимся от нее в серьезной зависимости? Предложенные Москвой членство Украины в Таможенном союзе, Организации договора коллективной безопасности, слияние «Газпрома» и «Нафтогаза Украины», риск утратить контроль над газотранспортной системой Украины — все это несет угрозу и власти Януковича, и интересам бизнес-элит Партии регионов, которые в таком случае не смогут конкурировать с более мощным российским капиталом. Украинские бизнес-элиты потенциально заинтересованы в наличии устойчивых правил игры и в политике, и в экономике. Более того, сложная экономическая ситуация рано или поздно заставит Киев проводить реформы, в том числе чтобы ослабить зависимость от России в энергетической сфере.

Поэтому весьма вероятно, что российский вектор украинской внешней политики, вроде бы резко усилившийся после избрания президентом Януковича, со временем будет ослабевать и внешнеполитический баланс

в Украине будет восстановлен. Похоже, что украинское руководство постепенно будет вынуждено вернуться к подходам президента Кучмы, который балансировал между Западом и Россией, притом что геополитическая логика подталкивала Украину (несмотря на все зигзаги) к Европе. Вопреки распространенным стереотипам, бытующим среди российской элиты, успехи Украины на этом пути стали бы выигрышем, а не проигрышем для России, поскольку способствовали бы модернизации и российского общества.

К концу президентства Ющенко соглашение об ассоциации Украины с ЕС было готово, по его оценке, на три четверти. Но ЕС принял решение подписывать его только после завершения переговоров о зоне свободной торговли, которая должна стать неотъемлемой частью соглашения. Президент Янукович подтвердил официальный курс на вступление в ЕС и свой первый зарубежный визит нанес в Брюссель. Продолжились переговоры о создании безвизовой зоны для краткосрочных поездок между Украиной и ЕС — обе стороны объявили это своей общей задачей. Киев хотел бы добиться безвизового режима к чемпионату Европы по футболу 2012 года, который должны совместно проводить Украина и Польша, но, вероятно, отмена виз произойдет все-таки позже. Что касается создания зоны свободной торговли, украинский бизнес, с одной стороны, заинтересован в выходе на рынок ЕС, но с другой — отраслевые лоббисты выдвигают собственные условия. Тем не менее обе стороны в последнее время делают заявления о том, что, возможно, переговоры удастся завершить до конца 2011 года. Во всяком случае, именно в тот момент, когда эта перспектива стала реальной, Москва сделала новые заявления о предпочтениях Украине в случае ее присоединения к Таможенному союзу России, Казахстана и Беларуси, которые даже не входят в ВТО. Это означало

бы неслыханный в практике ВТО разворот Украины в другом направлении. Устоит ли Янукович? Пока что он подтвердил официальный курс Киева на ЕС, а в отношении Таможенного союза предложил достаточно традиционную для украинской дипломатии формулу сотрудничества «3+1», то есть без вступления в Таможенный союз.

Перспективы

Негативные тенденции — снижение уровня демократии в стране — после победы Януковича на выборах привели к ухудшению международных рейтингов Украины. По результатам 2010 года *Freedom House* снова перевел Украину в категорию «частично свободных государств»; на территории СНГ Украина уступила Молдове первенство в сфере демократии; она далеко отстает от Грузии в проведении реформ¹⁹ (хотя, по сравнению с обеими странами, Украина избежала проблемы сепаратизма).

Парламентские выборы 2012 года, скорее всего, пройдут в условиях нового избирательного закона, благоприятного для Партии регионов, и с использованием «административного ресурса». В то же время неспособность режима обеспечить выполнение социально-экономических обещаний объединяет электорат разных регионов, недовольный политикой президента и его администрации.

Янукович сконцентрировал в своих руках даже большую власть, нежели Кучма, но нынешний президент сталкивается с той же опасностью: против него теперь направлена и вся критика. В отличие от Кремля, Банковская не может создать социальную базу авторитаризма, опирающуюся на идею государственного величия и на дешевое сырье. В отличие от Беларуси, Украина более плюралистична; здесь намного сильнее национально-демократическая оппозиция, гражданское общество и традиции национальной государственности.

Даже у влиятельных фигур в правящей элите и у олигархов едва ли вызывает энтузиазм концентрация власти в руках одного лидера (хотя он и принадлежит к их партии) и одной бизнес-группы (РУЭ), которая сейчас доминирует в администрации Януковича. В этих условиях неизбежно возникают опасения, кто может оказаться в положении «украинского Ходорковского»: Тимошенко или кто-то из олигархов? Поэтому внутри-элитные расколы (как и при Кучме) кажутся весьма вероятными, хотя и неясно, когда они выйдут на поверхность. На протяжении последнего года создавалось впечатление, что кто-то намеренно способствует осложне-

нию отношений Украины с Западом, тем самым подталкивая Януковича в сторону России. Однако украинские бизнес-группы очевидно не хотят попасть под контроль Москвы, поскольку не смогут конкурировать с гораздо более мощными российскими бизнес-группами и государственными монополиями. В то же время завершение, пусть и нынешней олигархической властью, переговоров с ЕС об ассоциации и зоне свободной торговли означало бы реальное продвижение страны в сторону Европы. В этом смысле 2011 год может оказаться чрезвычайно важным для определения вектора дальнейшего движения Украины. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Kuzio T. The National Factor in Ukraine's Quadruple Transition // Contemporary Politics. Vol. 6. No 2. June 2000.*

² Термин ввел в научный оборот Лукан Уэй. См.: *Way L. Pluralism by Default in Moldova // Journal of Democracy. Vol. 13. No 4. Oct. 2002; Idem. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine // World Politics. Vol. 57. No 2. 2005.*

³ *Darden K. Blackmail as a Tool of State Domination: Ukraine under Kuchma // East European Constitutional Review. Vol. 10. No 2/3. Spring/Summer 2001.*

⁴ Большинство цифр здесь и ниже взяты из газеты «Зеркало недели» за 15 августа 2009 года и 25 сентября 2010 года. Детальное сопоставление сфер функционирования украинского и русского языков проведено Олегом Медведевым. См. его исследование «Мовний баланс-2» (К., 2010) (архив автора).

⁵ В России проживает 2,49 млн украинцев, но украинский язык в 2009 году изучали только около 200 учащихся.

⁶ Данную цифру трудно точно определить, так как один профессор может преподавать на русском, другой — на украинском.

⁷ См. примечание 4.

⁸ По данным опроса Всеукраинской социологической службы (декабрь 2009 года), проблема

повышения статуса русского языка стоит в Крыму на девятом месте по первоочередности проблем, волнующих респондентов (в Донбассе — на 15-м, по Украине в целом на 21-м месте из 25 проблем, включенных в список). Действительно, в 2008/09 учебном году в Крыму на русском обучалось 90 проц. студентов вузов III–IV уровня аккредитации, 96 проц. — вузов I–II уровня аккредитации, 100 проц. учащихся ПТУ. В то же время в Крыму нелегко купить прессу на украинском (лучше ситуация — на радио и телевидении), представители органов власти общаются с гражданами в основном на русском языке. См.: Мовний баланс-2.

⁹ В Конституции Украины 1996 года заявлено: «На территории Украины не допускается размещение иностранных военных баз» (ст. 17). Но поскольку на момент принятия конституции на территории Украины размещалась база российского ВМФ в Севастополе, в «*переходные положения*» конституции была включена специальная статья: «Использование существующих военных баз для временного пребывания иностранных военных формирований возможно на условиях аренды в порядке, определенном международными договорами Украины, ратифицированными Верховной Радой Украины» (курсив мой. — А. Г.). В 1997 году Россия и Украина достигли компромисса: Москва признала территориальную целостность Украины, Киев согласился на присутствие российского ВМФ

в Севастополе до 2017 года. Однако в апреле 2010-го в Харькове президенты Виктор Янукович и Дмитрий Медведев неожиданно договорились (в обмен на снижение для Украины цены на российский газ на 30 проц.) о продлении срока аренды до 2042 года с возможностью дальнейшего продления на следующие пятилетние сроки. Соглашение и процедура его ратификации вызвали в украинском обществе крайне противоречивую реакцию.

¹⁰ Москва в этом отношении не одинока: Румыния и Венгрия предоставляют гражданство жителям, соответственно, Буковины и Закарпатья. Поскольку российские власти не уведомляют своих украинских коллег о предоставлении гражданства жителям Крыма, в Украине де-факто появляется категория лиц с двойным гражданством — вопреки национальному законодательству. Принимая данное положение в начале 1990-х, украинские парламентарии исходили из того, что наличие значительной категории лиц с гражданством другого государства может создать предлог для вмешательства во внутренние дела Украины. Такие опасения усилились после действий Москвы по предоставлению российских паспортов жителям Абхазии и Южной Осетии и последующей эскалации российско-грузинского конфликта.

¹¹ См. примечание 9.

¹² Коммунисты получили тогда 20 проц. (на выборах 1998 года — 24,7 проц.). На президентских выборах 2004-го и 2010-го, парламентских 2006-го и 2007-го коммунисты уже набирали лишь 3,5–5 процентов. И хотя их позиция до сих пор важна при голосованиях в парламенте, восстановить свое прежнее влияние коммунисты уже не смогут.

¹³ Резолюция по Украине Европейского парламента 24 ноября 2010 года ([http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=MOTION&reference=P7-RC-2010-0650&language=EN)

<http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=MOTION&reference=P7-RC-2010-0650&language=EN>) и Парламентской ассамблеи Совета Европы 4 октября 2010 года (<http://assembly.coe.int/Documents/WorkingDocs/doc10/edoc12357Add.htm>).

¹⁴ Геннадий Кернес — человек с криминальным прошлым, о чем в Украине широко известно. См., например: *Аласанія З.* Як посварилися Євген Петрович із Володимиром Андрійовичем? // *Дзеркало тижня.* №1. 2003. 11 янв. (<http://dt.ua/articles/30759>).

¹⁵ Цит. по: Янукович обявлял мэров забыть о политике // *Подробности-ТВ.* 2010. 14 ноября (<http://podrobnosti.ua/podrobnosti/2010/11/14/731116.html>).

¹⁶ См., например, высказывания комиссара по вопросам расширения ЕС Стефана Фюле: *EU Official Warns Ukraine about "Selective Justice"* // *Kyiv Post.* 2011. Jan. 11 (<http://www.kyivpost.com/news/nation/detail/94543/#ixzz1CHQVfPKx>).

¹⁷ *Мищенко М.* 9 мая во Львове: технология классической провокации // *УНИАН.* 2011. 10 мая (<http://www.unian.net/rus/news/news-435043.html>).

¹⁸ Данные Госкомстата Украины. См. также: *Гафань А.В.* Украина в Европе: Вопросы и ответы. К., 2010. С. 32.

¹⁹ См.: *Freedom in the World 2011: The Authoritarian Challenge to Democracy.* Freedom House, 2011 (<http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=594>). По «Индексу демократии», определяемому *Economist Intelligence Unit*, Украина опустилась с 53-го места в 2008 году на 67-е место в 2010-м. См.: *Democracy Index 2010. Democracy in Retreat.* Economist Intelligence Unit, 2010 (http://graphics.eiu.com/PDF/Democracy_Index_2010_web.pdf).

Обреченные на вечность и прозябание

Политическая погода Центральной Азии может меняться, иной раз существенно, но авторитарный «климат» все равно останется прежним | **АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО**

Установившиеся в Центральной Азии режимы за 20 лет существования прошли проверку на прочность. Речь идет даже не о режимах, а об одном, авторитарном режиме — в разных модификациях. Центральноазиатский авторитаризм пережил серьезные испытания — общественно-политическими потрясениями, исламским радикализмом, внутренней междоусобицей. Напомним выступления в Намангане узбекской исламской организации «Адолат» (1991 год), теракты в Ташкенте (1999 год), восстание в Андижане (2005 год), обвинение Назарбаева в коррупции — «казахгейт»¹, чуть не обрушивший его легитимность за рубежом (1999–2000 годы), длительную острейшую борьбу внутри «большой семьи» в Казахстане, попытку государственного переворота в Туркменистане (2006 год), революции в 2005 и 2010 годах в Кыргызстане.

Но повсюду авторитаризм доказал свою политическую состоятельность: устоял и обеспечил относительную стабильность в государствах. Ни в одной из стран Центральной Азии никому не удалось выдвинуть ему реальную и понятную обществу альтернативу. В некоторых странах имело место внутривластное (в том числе внутриаполитическое) противостояние, но оно не могло

закончиться успехом «либеральных» сил, поскольку они просто-напросто отсутствуют на политической карте региона. Но даже если бы каким-то чудом в какой-нибудь стране Центральной Азии у власти оказались политики, склонные к либерализму и демократии, в конце концов им все равно пришлось бы использовать все те же старые схемы удержания власти.

Центральноазиатский авторитаризм привычно подразделяют на жесткий и мягкий. К жесткому относят узбекский и туркменский режимы (при Туркменбаши этот режим не без основания именовался «неототалитарным»). К мягким — казахстанский, кыргызстанский и таджикистанский. Отличие второго типа авторитаризма от первого состоит в наличии относительной свободы прессы и неправительственных организаций. Многопартийность, которая номинально присутствует везде, кроме Туркменистана, не является признаком, позволяющим разделить режимы на мягкие и жесткие. В Узбекистане, Казахстане, Таджикистане многопартийность носит чисто декоративный характер, о чем наглядно свидетельствуют результаты выборов.

Мягкий и жесткий варианты — это разновидности одной формы правления, а

мягкость повсеместно трансформируется в жесткость. Тенденция ужесточения режима характерна и для «мягкого» авторитаризма Кыргызстана и Казахстана, и для авторитарного правления, которое установилось после гражданской войны (1992–1996 годы) в Таджикистане.

Основы авторитаризма в странах Центральной Азии

На чем основана центральноазиатская «вертикаль власти», построенная задолго до российской модели, провозглашенной Путиным?

Прежде всего, отметим, что эту вертикаль вообще не надо было выстраивать: она существовала здесь всегда и не прерывалась. Из общей картины выпадает Таджикистан, где в 1992–1997 годах шла кровавая гражданская война. Однако обе противостоящие стороны боролись отнюдь не за демократию, а за право выстроить собственную — национальную, светскую или исламскую — вертикаль власти. Наконец, это была война между регионами за установление своего контроля над страной. В то же время центральноазиатским правителям нужно было, во-первых, всячески укреплять властную вертикаль, чтобы избавляться от конкурентов, во-вторых, адаптировать ее к местной традиции, а в-третьих, формально придать ей демократическое обличье.

Все это и было успешно проделано местными кланами, оказавшимися у власти после распада Советского Союза. Успех был предопределен тем, что казахстанский президент Нурсултан Назарбаев, узбекистанский — Ислам Каримов и туркменистанский — Сапармурат Ниязов в качестве первых секретарей ЦК местных компартий пришли к власти еще в советское время (Назарбаев и Каримов заняли высший партийный пост в 1989 году, Ниязов — в 1985-м, а в 1990-м стал председателем Верховного совета Туркменской ССР). В Туркменистане полномочия первого президента Сапармурата

Ниязова прекратились в 2006 году лишь в связи с его кончиной, а сущность и принципы управления при его преемнике Гурбангулы Бердымухамедове остались неизменными. В 1990-м президентом Кыргызстана стал Аскар Акаев, совершивший прыжок в президентское кресло с должности главы Академии наук Киргизии. С одной стороны, приход на высший пост ученого оказался неожиданно, но с другой — по мере пребывания у власти Акаев также стал проявлять авторитарные наклонности. Едва ли можно было ожидать, что сразу после обрушения коммунистического строя начнется обустройство политического пространства по демократическому образцу. Новым президентам не пришлось завоевывать власть — они унаследовали ее, как и соответствующий аппарат, в том числе силовой, от советских структур, а в дальнейшем всю энергию тратили на удержание властных полномочий.

Оказавшись во главе независимых государств, центральноазиатские лидеры методически закрепляли собственную монополию на власть путем подавления конкурентов, заключения с ними соглашений, а также выступая посредниками между соперничающими кланами.

В Узбекистане сложился устойчивый межклановый консенсус (между ташкентцами, самаркандцами и бухарцами), из которого был, правда, исключен ферганский клан. Ислам Каримов блестяще манипулировал и манипулирует амбициями своих сторонников, контролирует ситуацию в собственной семье. Это особенно важно, поскольку внутрисемейные отношения, амбиции близких родственников вождя, а также раздражение, которое они вызывают у людей, оказывают значительное влияние на общую политическую ситуацию. Еще в 1990-е Каримов полностью устранил с политического поля светскую оппозицию — движение «Бирлик» и партию «Эрк». Лидер «Эрк», известный

узбекский интеллектуал Мухаммад Салих, был, по существу, единственным оппозиционным деятелем, который пользовался уважением в обществе и был способен всерьез конкурировать с Каримовым. (На президентских выборах 1991 года, по официальным данным, Салих получил 12,7 проц. голосов, по предварительной, впоследствии не повторявшейся информации Ташкентского радио — 33 проц., а по сведениям его сторонников, — свыше 50 процентов.)

Угроза Каримову исходила, особенно в 1990-е годы, от исламистской оппозиции, которая поначалу была представлена движе-

Павлодарской области; осужден в 2002 году), Мухтар Аблязов (бывший министр энергетики, индустрии и торговли; в 2000 году осужден на 7 лет), Жармахан Туякбай (спикер парламента в 1999–2004 годах).

Назарбаев одержал победу в тяжелой семейной борьбе, которая закончилась бегством из страны его зятя, мужа старшей дочери Дариги — Рахата Алиева. Заметим, что и сама Дарига некоторое время позиционировала себя как самостоятельный политик с далеко идущими претензиями.

Действия узбекистанского и казахстанского президентов отличались друг от друга

“Для Рахмонова ослабление жесткости оборачивается ослаблением власти: в Таджикистане остались силы, которые способны открыто оппонировать президенту”.

нием «Адолат», а затем Исламским движением Узбекистана (ИДУ) и Хизб ат-Тахрир аль-ислами² (ХТИ, Исламской партией освобождения). Потенциал исламистов остается сравнительно высоким и сегодня, но в целом Каримов, используя крайне жесткие меры против ИДУ и ХТИ, держит ситуацию под контролем.

В Казахстане президент действовал так же жестко, но допускал существование оппозиционных групп. «Он и его советники... начав экспериментировать с политическими реформами, быстро обнаружили, насколько трудно ввести в рамки устремления общества»³. За критиками Назарбаева стояли небольшие партии, так что в стране сложился своеобразный политический плюрализм, ограниченный президентской волей. Назарбаев «зачищал» элиту не спеша, зато целенаправленно, удаляя из нее своих соперников, многие из которых пользовались немалым влиянием в обществе. В разное время ему оппонировали такие влиятельные фигуры, как Акежан Кажегельдин (премьер-министр в 1994–1997 годах; в 1999-м покинул страну), Галымжан Жакиянов (аким

тем, что первый уничтожал в зародыше рост любого политического авторитета, в то время как второй давал возможность конкурентам проявить себя не только на административной стезе, но также в сфере «высокой политики». Постепенная концентрация власти и постоянное противоборство с оппонентами формировали основные черты мягкого авторитаризма, который оставлял оппозиции некоторую возможность для идейного и даже политического самовыражения.

Ниязов был практически «обречен» на победу. *Организованной* оппозиции в Туркменистане не существовало вовсе, попытки ее создать беспощадно пресекались; противники президента оказывались в тюрьме или эмигрировали, а трения между ним и его соратниками происходили на личностном уровне. Противники президента, например, премьер Назар Суюнов, министр иностранных дел Авды Кулиев, решались выступить против него, лишь оказавшись за пределами Туркменистана. Общество оставалось крайне пассивным. Лишь однажды оппонент Ниязова отважился на действия внутри

страны: в 2002 году бывший министр иностранных Борис Шихмурадов со своими малочисленными соратниками предпринял попытку государственного переворота. Попытка провалилась, сам Шихмурадов попал в тюрьму, и судьба его неизвестна.

У Туркменбаши не было проблем и с семьей. Ни его сын Мурад, ни дочь политикой никогда не интересовались. Не сложилась в Туркменистане и исламская оппозиция. Так что преемник Ниязова Бердымухамедов унаследовал полностью подконтрольную систему, которую он лишь слегка «подкорректировал», келейно и безболезненно устранив из политики потенциальных конкурентов — спикера меджлиса Овезгельды Атаева и руководителя Службы охраны президента Акмурада Рэджепова.

Отличия Таджикистана и Кыргызстана в том, что здесь вертикаль власти изначально не была столь прочна, как в Узбекистане или Казахстане. Но предпосылки к авторитаризму в этих странах также присутствовали изначально, так что применительно к ним можно говорить об «отложенном» или «откладывавшемся» авторитаризме. Авторитаристская тенденция проявлялась и крепла всякий раз, когда для нее возникали минимально необходимые возможности.

Разразившаяся в Таджикистане гражданская война длительное время препятствовала установлению консолидированного, прочного режима. Однако после ее завершения в 1996 году пришедший к власти Эмомали Рахмонов (отказавшийся от русского правописания своей фамилии и ставший Рахмоном) начал действовать примерно так же, как и его центральноазиатские коллеги, то есть приступил к строительству авторитарной системы. Положение Рахмонова осложнялось тем, что в 1996–1997 годах ему пришлось неоднократно подавлять военные мятежи, а порой и идти на уступки мятежникам. На его жизнь дважды покушались — в 1997-м и 2001-м.

В послевоенных условиях давление на бывших противников из Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) было чревато новым обострением ситуации. К тому же крайне тяжелое экономическое положение грозило локальными волнениями (их ожидали, например, в 2007–2008 годах). Поэтому Рахмонов проводил политику «кнута и пряника», предоставляя одним участникам ОТО возможности для бизнеса, других (в крайне редких случаях) допуская к политической деятельности, но одновременно лишая возможности участвовать в принятии ключевых решений. Количество депутатов от оппозиции в итоге было сведено к минимуму, парламент стал полностью ручным. К 2006 году Рахмонову удалось «зачистить» политическое пространство, внести изменения в конституцию, в соответствии с которой он получал право занимать пост президента еще два семилетних срока *. В том же году он одержал победу на выборах, собрав 79,3 проц. голосов.

Для Рахмонова ослабление жесткости оборачивается ослаблением власти. Тем более что в стране остались силы, которые, почувствовав слабость, способны открыто оппонировать президенту. В 2009–2010 годах Рахмонов провел ряд военных акций по подавлению недовольства в стране, направлен-

* Неоднократно продлевали свои полномочия Нурсултан Назарбаев и Ислам Каримов. Впервые они сделали это «синхронно» в 1995 году и оба до 2000 года. 9 января 2000 года Каримов был вновь избран на пост главы государства. В 2002-м полномочия президента Узбекистана были продлены еще раз — с 5 до 7 лет. Очередные президентские выборы прошли в 2007-м. Назарбаев в 1999-м и в 2005-м избирался президентом Казахстана. В 2010 году Назарбаеву был присвоен многозначительный статус «лидера нации». В 2011-м была предпринята попытка сделать его пожизненным президентом Казахстана, однако в последнюю минуту он сам отказался от этой идеи. В 1993-м до 2002 года были продлены полномочия Сапармурата Ниязова, в 1999-м он был объявлен пожизненным президентом.

ные на ослабление оппозиционеров, прежде всего исламистских.

Зато сравнительно гладко обстоят дела в рахмоновской семье, где трения если и возникают, то ограничиваются сугубо материальными вопросами, так что глава семьи может быстро и безболезненно их разрешить.

Наиболее сложным путем авторитаризм складывается в Кыргызстане — единственном государстве региона, где успели возникнуть некоторые элементы демократии. В значительной степени это было обусловлено личностью первого президента страны Аскара Акаева, уникального «полуноменклатурного» политика, советского интеллигента, который, придя к власти, действительно был настроен на либеральный лад. (В 1991 году Киргизия была единственной советской республикой Средней Азии, отказавшейся признать ГКЧП, а ее тогдашний министр внутренних дел Феликс Кулов даже предпринял меры, чтобы избежать возможного военного вторжения на территорию республики.)

В стране действовала, по выражению Акаева, «зубастая и порой весьма агрессивная оппозиция»⁴. Однако и кыргызстанский авторитаризм, изначально мягкий, постепенно становился более ригидным. Подобно остальным президентам, Аскар Акаев выводил из политической игры своих оппонентов, однако использовал при этом преимущественно приемы дворцовой дипломатии. Мягкий авторитаризм Акаева привел к революции 2005 года, итогом которой стал очередной мягкий авторитаризм во главе с новым президентом Курманбеком Бакиевым. Бакиевский авторитаризм за пять лет хотя и «очерствел», но не смог обрести достаточно сил, в результате чего в 2010 году режим Бакиева пал в ходе «Второй кыргызстанской революции». К тому же Бакиев все более опирался на южный регион республики (члены бакиевской семьи — выходцы с юга), вследствие чего его авторитаризм имел «географи-

ческие» ограничения, а выступление против него в значительной степени носило характер противостояния между севером и югом.

Таким образом, в Кыргызстане авторитаризм так и остался непрочным — он дважды рождался и дважды же обрушивался. Как пишет отечественный исследователь Александр Верховский, «проблема неустойчивости мягкого авторитарного режима может решаться двумя способами. Первый вариант — восстановление демократических институтов... Второй вариант — переход в режим жесткого авторитаризма...»⁵. В Кыргызстане не случилось ни того ни другого.

Общей чертой обоих кыргызстанских авторитаризмов стала неспособность президентов контролировать амбиции членов семейного клана. Хотя причины обеих революций крылись в социально-экономических проблемах, главным внешним раздражителем для общества были именно президентские родственники, особенно бакиевские, которые, по распространенному в Кыргызстане выражению, «приватизировали страну».

Словом, в четырех из пяти центральноазиатских государств авторитаризм сумел подавить (или полностью уничтожить) оппозицию; избавившись от конкурентов, его лидеры получили полную свободу действий.

Кровавая гражданская война в Таджикистане, а позднее две революции в Кыргызстане, особенно последняя, приведшая к погромам в Оше и Джалал-Абаде, стали для правящих режимов в Центральной Азии серьезнейшим аргументом в пользу авторитарного правления. В 2010 году и политики, и эксперты видели главную причину кровавых событий в Кыргызстане именно в слабости власти, а в самой стране многие считают, что очередная «твердая рука» может помочь найти выход из тупика.

Будучи полновластными правителями, центральноазиатские авторитаристы заяв-

ляют о приверженности идеалам демократии. Туркменбаши: «Мы идем к созданию демократического светского государства, в котором будут гарантированы все права и свободы человека...»⁶. Ислам Каримов: «Мы строим гражданское общество. Это значит, что по мере становления нашей государственности многообразные функции управления будут передаваться самому народу, общественным органам самоуправления»⁷. Он же: «Формирование демократического государства с сильными социальными гарантиями — наша цель»⁸. Один из приближенных к

европейцы и американцы на самом деле отдают себе отчет в том, что им предлагается имитация демократичности, а то и просто обман, но готовы вежливо «обманываться». Они все чаще «прощают» своим центральноазиатским партнерам их авторитаризм (здесь показательно то, что Запад практически предал забвению андижанскую трагедию), принимая местные режимы такими, какие они есть, и выстраивают с ними отношения, исходя из собственных прагматических интересов.

Кое-какие внешние признаки демократии в странах Центральной Азии действительно

“Общей чертой обоих кыргызстанских авторитаризмов стала неспособность президентов контролировать амбиции членов семейного клана”.

власти узбекских аналитиков утверждает, что «с приобретением государственной независимости страны Центральной Азии выбрали либерально-демократическую модель политической культуры»⁹. Такое мнение полностью разделяет его коллега из Таджикистана, также входящий в административно-интеллектуальную элиту: «Несмотря на то, что в политических системах Центральной Азии просматриваются некоторые авторитарные элементы, практически во всех государствах региона де-юре существуют многопартийные системы и провозглашается приверженность демократическим принципам»¹⁰.

Формальные атрибуты демократии нужны центральноазиатским авторитаристам для того, чтобы продемонстрировать США и Европе, что они «десовветизировались», готовы к постепенному восприятию общечеловеческих ценностей и включены в процесс глобализации, неизбежность которой они осознают. Местные правители полагают, что таким образом они могут в большей степени расположить к себе Америку и Европу, в частности, добиться получения инвестиций и кредитов. При этом

присутствуют. Везде, кроме Туркменистана, существуют несколько партий, действуют неправительственные организации. В Казахстане, Кыргызстане (при Акаеве и Бакиеве) и даже в Таджикистане действуют оппозиционные партии, хотя они и не имеют сколько-нибудь серьезного влияния. Отмечены даже элементы свободы выражения, однако, за исключением Кыргызстана, свобода слова ограничена неформальной, а иногда и формальной цензурой.

Говоря о демократии, руководители центральноазиатских стран исходят из того, что на их территориях она имеет специфический характер: во-первых, она должна соответствовать национальным, религиозным (некоторые говорят, цивилизационным) особенностям общества, а во-вторых, демократия является, пусть и важным, но не главным приоритетом. Главный — стабильность и безопасность. Как говорил Туркменбаши, «демократия в чистом лозунговом виде, искусственно привитая на неподготовленной почве, родит охлократию. Мы бы не хотели получить ее взамен стабильности»¹¹.

Тем временем в самом центральноазиатском обществе либерально-демократические ценности воспринимаются двояко. С одной стороны, они ассоциируются с благополучием, в котором живут далекие, неведомые страны Запада. Интернет, кинофильмы, телевидение «из тарелок», рассказы тех, кто побывал в Европе и Штатах, особенно молодых людей, создают позитивное представление о западном мире. К тому же, в отличие от большинства российских обывателей, у жителей Центральной Азии, которые не имеют опыта демократических реформ, демократия не связывается с внезапным обеднением людей, политической нестабильностью. С другой стороны, демократические ценности воспринимаются как нечто далекое, недостижимое и уже потому чуждое. Тем не менее это «иное» в глазах значительной части населения, особенно молодежи, имеет свою привлекательность, и власть с этим считается.

Неподготовленность Центральной Азии к восприятию либерально-демократических ценностей и к формированию гражданского общества является важнейшим аргументом защитников авторитарной системы. По словам казахстанского исследователя Юрия Булуктаева, «одна из главных проблем, тормозивших выход на авансцену гражданских инициатив, заключалась в том, что в стране еще не сформировался реальный субъект гражданского общества, то есть личность, обладающая инициативой и достаточной экономической самостоятельностью, осознавшая свои гражданские, политические, социальные права, способная активно защищать собственные интересы на конституционно-правовой основе»¹².

Центральноазиатские режимы и национальная традиция

Авторитарным правителям в Центральной Азии важно показать соответствие, ответственность своего правления национальной

и религиозной традиции, которая провозглашается одним из главнейших регуляторов социальных отношений, служит консолидации общества и лежит в основе национальной идеи. Это соответствие для глав центральноазиатских государств важнее соответствия демократическим образцам; более того, необходимость действовать в рамках национальных традиций служит оправданием перед Западом крайне медленного продвижения к демократии, практически отсутствия всякого движения в этом направлении.

В поисках национальной идеи в этой части постсоветского пространства обращаются ко временам расцвета некогда существовавших здесь центральноазиатских династий, а также к реальным или мифическим фигурам истории. Для Узбекистана это хан Тимур (1336–1405 годы), для Таджикистана – правившая в IX–X веках династия Саманидов, для Кыргызстана – мифический батыр Манас, давший название знаменитому киргизскому эпосу, для Казахстана – создатель казахского протогосударства хан Аблай (XVIII век). Характерно высказывание одного из официальных узбекских ученых: «Подобно Великому Темуру, мы тоже охвачены стремлением построить государство великого будущего»¹³.

Поскольку в истории Туркменистана не удалось отыскать ни устойчивой государственности, ни великого вождя, в качестве символа величия и славы страны Сапармурат Ниязов предложил самого себя. Он принял титул Туркменбаши («отец туркмен») и выступил в качестве автора новейшего туркменского «эпоса» «Рухнама».

В сфере практической политики приверженность авторитаристов традиции выражается в первую очередь в утверждении доминирующей роли государства (то есть их собственной) во всех сферах жизни, а также приверженности семье, авлоду (большой семье), роду, клану. Приверженность тради-

ции обеспечивает патернализм, на котором строятся отношения государства и общества, государства и личности.

Всячески превозносится традиционная организация людей по месту жительства — община, городская махалля. «Все мы выросли в махалле, — говорит Ислам Каримов. — Мы должны сделать все возможное, чтобы авторитет махалли поднять на подобающую высоту, мы должны рассматривать этот вопрос не только как экономический, не только как социальный, а как политический, воспитательный, если хоти-

«система жузов (исторически сложившихся регионально-клановых объединений Казахстана. — А. М.) как уклад жизни надуманна. Нет такого уклада. Осталось родственно-территориальное деление казахов». Тремя строками ниже читаем: «Нет особого уклада жизни. Был период, когда военно-родовые союзы формировались таким образом. *Он проявляется в жизни и сейчас*» (курсив мой. — А. М.)¹⁵. Безусловно, сегодня жузовая система — это архаика, но что-то от нее все-таки осталось. Каждый казах знает,

“Национальная и религиозная традиция провозглашается одним из главнейших регуляторов социальных отношений и служит консолидации общества”.

те, как духовный вопрос»¹⁴. В Узбекистане, Таджикистане деревенская община и махалля рассматриваются как скрепы общества и опора стабильности. В Туркменистане власть поддерживает племенные традиции, а заодно и иерархию племен, самым многочисленным и сильным из которых являются текинцы. И первый, и второй президенты являются выходцами из этого племени.

В куда более урбанизированном и экономически продвинутом Казахстане традиции отводится меньшая роль. Начиная с 1930-х годов традиционные связи здесь подвергались систематической деформации и разрушению, а в советское время половину населения составляли славяне. Однако в южных, более исламизированных районах страны окрепли и сохраняются нормы традиционного устройства общества.

Существуют разногласия относительно роли традиционных структур в современной организации общества, причем иной раз противоречия присутствуют во взглядах одного и того же автора. К примеру, Акежан Кажегельдин, бывший премьер-министр Казахстана (1994—1997 годы), считает, что

к какому жузу он принадлежит, также о своей клановой и родовой принадлежности никогда не забывает ни узбек, ни таджик, ни киргиз. И это обстоятельство не может игнорировать ни один президент, который должен выступать в качестве посредника и поддерживать баланс между разными клановыми группами. Традиционные родовые связи — один из факторов, учитываемый при назначении на административные должности самых разных уровней.

Все президенты заявляют о своей приверженности к исламу. Особенно это характерно для Узбекистана и Таджикистана, где уровень религиозности населения наиболее высок. В других странах обращение власти к исламу носит преимущественно ритуальный характер, а также объясняется желанием развивать отношения с богатыми единоверцами (Турцией, Малайзией, странами Персидского залива). Еще одной причиной подчеркнутого внимания к исламу со стороны власти является его политизация, рост популярности исламских оппозиционеров.

В целом авторитаризм в Центральной Азии вписался в традицию и научился ею

манипулировать, используя ее как политический инструмент и источник официальной идеологии.

За 20 лет авторитарные режимы Центральной Азии получили тройную легитимизацию: 1) «силовую», поскольку доказали свою силу и эффективность; 2) юридическую, поскольку приняли конституции и, демонстрируя приверженность внешним атрибутам демократии, неоднократно побеждали на выборах; 3) традиционалистскую, поскольку подтвердили приверженность ценностям и общественному устройству, понятным и привычным для большинства

дятся в состоянии хронического кризиса. Политическая устойчивость режимов оборачивается стагнацией, отдача от проводимых реформ крайне незначительна.

Авторитарная власть в ее центральноазиатском варианте не способна найти выход из тяжелейшей ситуации. Потребность в политическом переустройстве становится все более очевидной.

Думается, верхи, во всяком случае какая-то часть элиты, это осознают, но ни за что не пойдут на перемены, связанные с риском потери собственного влияния. Они не умеют жить в условиях политической конкурен-

“Уже в первое десятилетие существования центральноазиатских государств авторитаризм пресек «либеральные» поползновения”.

сограждан. Кроме того, режимы смогли обеспечить стабильность — важнейшее условие жизни любой нации.

Однако, обеспечив прочность собственной власти и относительную устойчивость режимов, авторитарные правители Центральной Азии не смогли ни модернизировать экономику, ни качественно улучшить жизнь людей. Обещания превратить Туркменистан в Кувейт, Таджикистан и Кыргызстан — в Швейцарию, которые в 1990-е годы раздавали президенты и их советники, не оправдались. Даже обещание Туркменбаши, что к 2000 году каждая семья будет иметь телефон, дом, корову, осталось невыполненным¹⁶. Все меньше людей верят в «светлое будущее».

За исключением Казахстана, остальные страны региона продолжают жить в изнуряющей бедности. Несколько лучше положение в Узбекистане и в Туркменистане, где колоссальные, по местным масштабам, доходы от продажи газа позволяют обеспечивать скромные социальные льготы для населения. Кыргызстан и Таджикистан нахо-

дятся в состоянии хронического кризиса. Политическая устойчивость режимов оборачивается стагнацией, отдача от проводимых реформ крайне незначительна. Авторитарная власть в ее центральноазиатском варианте не способна найти выход из тяжелейшей ситуации. Потребность в политическом переустройстве становится все более очевидной. Думается, верхи, во всяком случае какая-то часть элиты, это осознают, но ни за что не пойдут на перемены, связанные с риском потери собственного влияния. Они не умеют жить в условиях политической конкурен-

ции, которая обязательно возникнет при «смягчении» режима. Пытаясь решить экономические вопросы, оставляя неизменной сферу политики, авторитарные правители заводят свои страны в тупик. Немалую роль играет здесь их «свита», которая часто сознательно дезинформирует «хозяина», сообщая ему о якобы постоянном улучшении экономического положения. Известен, например, такой забавный эпизод, когда перед посещением одним центральноазиатским президентом городского рынка торговцам приказали понизить цены на товары, переписав ценники. Сформировавшееся вокруг авторитарного правителя, выстроенное по кланово-семейному признаку, зацикленное на собственных корыстных интересах окружение не приспособлено к более свободной, конкурентной среде, требующей иных навыков и более высокого уровня профессионализма. Неслучайно многие квалифицированные кадры покидают свои страны, поскольку не могут найти себе должного применения в существующей авторитарной системе.

На словах все режимы объявляют главной задачей не только экономическую модернизацию и внедрение передовых технологий, но также и совершенствование политического устройства. При этом не говорится о том, что любое развитие — экономическое, а тем более политическое — неизбежно влечет за собой изменения сложившегося положения вещей, ибо главной ценностью всегда признается стабильность. Развитие должно происходить как бы само по себе, не нарушая установившийся распорядок жизни. Модернизация без коренных перемен — идеал авторитаристской идеологии, ярким выражением которого является тезис о «консервативной модернизации», сформулированный в России в 2009 году¹⁷.

Возникают два вопроса: движутся ли куда-то эти режимы? если да, то куда именно?

Первый вопрос связан с идеей транзита центральноазиатских стран, их перехода от советского бытия в политике, экономике, культуре и появления новой идентичности. В начале 1990-х конечная цель транзита казалась очевидной — создание национального государства. Из-за сложности стоящих перед ним задач государство виделось неизбежно авторитарным (без «твердой руки» не обойтись), но все-таки с некоторыми формальными атрибутами демократии — парламентами, многопартийностью, выборами, и перспективами — крайне туманными — последующей эволюции в либеральном направлении.

Однако уже в первое десятилетие существования этих государств авторитаризм пресек «либеральные» поползновения. (Транзит в либеральную неизвестность режимам был решительно ни к чему.) Авторитарные режимы на самом деле пытались проводить экономические и финансовые реформы, способствовать созданию малого и среднего бизнеса. Все это означало социально-экономический, но отнюдь не политический

транзит, попытку усовершенствования собственной авторитарной системы.

Здесь нужно отметить качественные отличия центральноазиатского авторитаризма, отягощенного советским тоталитарным наследием, от авторитаризма, к примеру, стран Восточной Азии, где экономические реформы постепенно приводили к политическим переменам. Казахский политолог Константин Сыроежкин задается вопросом, «каким образом авторитарный режим решает проблемы переходного периода и какие условия он создает для своей собственной эволюции? Если он решает задачу изживания колониального прошлого из общественной жизни своей страны, способствует сохранению достигнутого уровня социальной гетерогенности либо переходу к ней из фазы культурного, социального и структурного плюрализма, создает условия для формирования новых социальных страт и среднего класса в качестве основы общества, вырабатывает относительно эффективный механизм межэтнической интеграции, то его можно считать просвещенным авторитаризмом, имеющим тенденцию к демократической эволюции. Если этого нет либо указанные мероприятия осуществляются в отрицательном аспекте, то речь идет о марионеточном пронеоколониалистском режиме»¹⁸. Не пытаясь интерпретировать термин «пронеоколониалистский режим», отметим, что на свой манер Сыроежкин перечисляет компоненты *реального транзита*, в Центральной Азии отсутствующего.

Наиболее продуктивным для государств Центральной Азии могло бы явиться движение в направлении полуавторитарного режима. Такой «полуавторитаризм» существовал до недавнего времени во многих мусульманских странах, в частности, Египте, Алжире, Марокко и др. Там при общем контроле власти над политической обстановкой у оппозиции были возможности собирать заметное число голосов на выборах, принимать реаль-

ное участие в работе парламентов, обсуждать важнейшие политические решения, оказывая влияние на их принятие. Но в Центральной Азии движение в этом направлении не наблюдается.

«Арабская весна», свержение режимов в Египте, Тунисе (а к моменту, когда статья будет опубликована, быть может, в Ливии и Йемене), поставила вопрос о возможном влиянии этих процессов — или даже их распространении — на страны Центральной Азии. Это закономерный вопрос, поскольку налицо общие глубинные факторы — коррупция, экономический застой, крайне обострившаяся демографическая ситуация и т. д. Думается, однако, что влияние «арабской весны» на Центральную Азию крайне незначительно, а о свержении местных режимов на сегодняшний день вообще не приходится говорить. Не вдаваясь в детальные объяснения, хотел бы заострить внимание лишь на различиях в *качестве общества* в арабском мире и центральноазиатском регионе. Первые страны — пусть в ограниченной степени — все-таки имели доступ к западной политической культуре, вторые остаются в значительной степени заложниками советской эпохи. Идущая в авангарде «революций» арабская молодежь мобильнее, социализированнее, образованнее, чем ее центральноазиатские одногодки. Она настроена на конкретные перемены и готова пожертвовать во имя них стабильностью. Между тем в Центральной Азии перешедшая в стагнацию стабильность воспринимается едва ли не как главное достижение местных режимов. Последние, в свою очередь, скорее всего, используют «арабский бунт» как последний повод для того, чтобы испугать своих сограждан, и еще раз (как это было в годы гражданской войны в Таджикистане) убедить их в том, что дестабилизация в стране и в обществе чревата очень серьезными опасностями.

Американский специалист Марта Олкотт назвала свою книгу «Центральная Азия: второй шанс». По мнению автора, выход из нынешнего тупика состоит не в постоянном преодолении хронических кризисов, а в создании жизнеспособной современной модели, включающей не только экономические, но и политические компоненты. Но такая модель не была выстроена. Занимающийся экономикой региона Борис Румер делает заключение о конце транзита в Центральной Азии¹⁹.

Само понятие «транзит» зачастую трактуется односторонне: под ним подразумевается движение лишь в одном, так сказать, позитивном направлении, которое в итоге приведет к глубоким экономическим и социальным реформам, демократизации и т. д. Однако транзит может означать как модернизацию, так и движение вспять — ужесточение авторитаризма, демодернизацию экономики, ретрадиционализацию общества, в том числе культурную и идейную. Именно такой консервативный транзит происходит сегодня в Центральной Азии, за исключением разве что Казахстана, где сохраняется шанс для продвижения в ином направлении.

Ретрадиционализация является одной из доминирующих тенденций в Центральной Азии. (Аналогичная тенденция наблюдается и на российском Северном Кавказе.) Влияние традиционного фактора на общественные отношения сохранялось и при советской власти. Верхушка КПСС боролась с традиционализмом, но в то же время и использовала его: ключевые партийные и административные позиции распределялись в соответствии с относительным весом кланов и с учетом их частных интересов. После распада СССР, избавившись от «внешнего присмотра», кланы усилили свое влияние, а президенты новых государств взяли на себя роль медиаторов между ними. Управлять традиционным политическим механизмом было привычнее и удобнее. Такая схема в наи-

большей степени подходила к авторитарной модели, подстраивая авторитаризм к системе традиционных норм.

Утверждения об архаичном, «феодалном» характере общественных отношений и политических систем Центральной Азии стали общим местом. Эксперты говорят о том, что «кланово-земляческое влияние на все сферы общественной и политической жизни среднеазиатского общества — объективный эпохальный процесс»²⁰, о том, что «Туркменистан превратился в племенное государство классического восточного типа...»²¹.

связан почти исключительно с угрозой усиления там религиозного экстремизма.

Есть, конечно, и иное, более оптимистичное мнение, что «восточный тип политической культуры, существующий в Центральной Азии, одновременно обладает и некоторым числом устойчивых черт, и лабильностью, а потому может быть уверенно отнесен к переходному периоду. Эта культура объединяет в себе традиционное и современное начала»²². Эта позиция выглядит почти безупречной. Вопрос, однако, в том, каково на данный момент, в данном

“Модернизация окончательно переходит в разряд утопии, а сам центральноазиатский регион оказывается обреченным на превращение в глобальную периферию”.

Что нового в нынешней ретрадиционализации, или, как порой еще определяется этот феномен, архаизации либо демодернизации? На мой взгляд, новое — и крайне тревожное — явление в том, что нынешнее погружение в традицию в некоторых странах вплотную подошло к «точке невозврата». Социум деградирует, возникают непреодолимые препятствия на пути создания современного государства и становления гражданского общества. Происходит примитивизация экономики, которая бесповоротно становится сырьевой; падает качество труда, который, по выражению коллеги из Таджикистана, «становится средневековым». Стремительно снижается уровень образования, прежде всего технического. (Можно сказать, что оно компенсируется развитием образования религиозного.) Массово и безвозвратно «бегут мозги».

Модернизация окончательно переходит в разряд утопии, а сам центральноазиатский регион оказывается обреченным на вечное прозябание, превращение в глобальную периферию. Интерес к Центральной Азии будет

обществе соотношение между традиционным укладом и модернизационной эволюцией. Какова здесь динамика? Сегодня в Центральной Азии это соотношение явно в пользу первого, традиционного уклада. Альтернатива традиционности слаба в экономике, где практически отсутствует высокотехнологичный сектор. (Добыча газа в Туркменистане обеспечивает средства для прокормления людей, но отнюдь не стимулирует модернизационный процесс. Этим Центральная Азия отличается от стран Персидского залива, где разумное использование нефтедолларов действительно привело к изменению облика региона, сохранив разумный баланс между традицией и современностью.) Альтернатива традиции в политике, которая проявляется в существовании партий, в выборах, на деле чисто формальна. Авторитарные режимы являются именно традиционными, а ретрадионализация еще более способствует их укреплению. Публично признать, что гипертрофия традиции опасна для государства, не может и не хочет ни один лидер.

Президенты и их соратники говорят о поисках синтеза современности и традиции; это эффектно звучит, но по существу представляет собой апологию традиции. «Прошло уже более пятнадцати лет с тех пор, как центральноазиатские государства стали независимыми, но за это время они так и не смогли создать политические институты, которые могли бы считаться демократическими или обеспечивали бы передачу власти таким способом, который общество считало бы легитимным»²³. Нежелание власти двигаться в этом направлении сопровождается усилением традиции, которая становится все

В кыргызской этнической среде совокупность неформальных институтов получила наименование “кыргызчылык”. Нечто подобное есть у наших соседей, например, у казахов это называется “казакшылык”²⁵.

Та же ситуация складывается и в остальных центральноазиатских обществах, где она выражена еще ярче. Традиционные институты подменяют собой, имитируют «на восточный манер» гражданское общество, но не способны выполнять его главные функции. Такова, например, подконтрольная государству махалля, и, по справедливому замечанию Ирины Звягельской, «наивными представ-

“Идея исламской альтернативы обретает новых приверженцев — религиозная утопия особенно привлекательна, когда доверие к власти падает”.

более агрессивной. Она превращает современные институты в пустую формальность и делает их неэффективными: «Существующая патерналистско-клановая система нивелирует все общественные объединения, в том числе политические партии, — пишет Айгуль Омарова. — При этой системе политические партии встроены в нее...»²⁴. А значит, бессильны.

Бывший министр иностранных дел Кыргызстана, исследователь Мурат Иманалиев, рассуждая о роли и уместности обращения к традиции для обновления общества, замечает, что «кочевничество, исламизм и советскость не могут быть синтезированы в нечто новое на их основе — они могут лишь сосуществовать». Но именно эти источники «провоцируют базовые линии этнической поведенческой культуры». На этом фундаменте возникают неформальные институты, которые «имеют безусловное и непосредственное влияние на формирование самоидентификационных моделей кыргызского этноса. В первую очередь элит.

ляются попытки малознакомых с ситуацией людей представить махаллю как зародыш гражданского общества»²⁶.

В суждении Иманалиева обращает на себя внимание то, что, перечисляя векторы традиции, он в тот же ряд ставит «советскость». Такой подход многим может не понравиться, но в Центральной Азии среднее и старшее поколение воспринимает «советскость» (несмотря на ее атеистический характер) как органическую, пусть и недавно сформировавшуюся часть местной традиции. Старая и новая традиция оказываются совместимы. У простых людей старшего поколения сохраняется память о Советском Союзе, но параллельно идет процесс ретрадиционализации*.

* Зато против памяти о Советском Союзе борется власть, которая рассматривает эту память как своего рода конкурента для обновленной национальной традиции. Разрушаются памятники советской эпохи, связанные с Великой Отечественной войной, а также те, которые напоминают о совместной жизни русских и «коренных» жителей.

коллективистским ценностям и патерналистские настроения, которые умело поощряла и пропагандировала советская власть. Именно государство в лице его московских и республиканских вождей обеспечивало существование, которое воспринималось как спокойное и благополучное. И СССР, и империя Тимура были сильными и процветающими. Жестокость и Тимура, и большевиков выглядит вполне оправданной: их целью было построение великого государства. Но в обоих случаях — и в Средневековье, и в недавнем прошлом — модернизация в конечном счете оказалась тупиковой.

Исламский фактор

Важнейшим аспектом ретрадиционализации является усиление роли ислама — как политического фактора и как одного из регуляторов общественных отношений. Значение ислама возросло на всем пространстве Центральной Азии, но заметнее всего в Узбекистане и Таджикистане, население которых всегда было более исламизировано, чем у соседей.

Главной причиной политизации ислама является то, что в отсутствие светской оппозиции протестные настроения находят выражение в религиозной форме. В регионе действуют несколько оппозиционных исламистских группировок: Исламское движение Узбекистана, Хизб ат-Тахрир аль-ислами (ХТИ), Партия исламского возрождения Таджикистана, более мелкие группировки. Всех их объединяет одна стратегическая цель — замена нынешних режимов на исламский, будь то халифат или исламское государство на национальной основе. «Можно ли следовать Исламу, возрождать исламский образ жизни и поднять исламский призыв и джихад на мировой уровень без Исламского государства халифат?» — гласит одна из листовок ХТИ.

Между тем идею исламского государства в данном регионе невозможно реализовать

ни в форме халифата, ни в какой-то иной: не всех граждан центральноазиатских республик такое государство устраивает, да и внешние силы резко воспротивились бы его появлению. Однако борьба за создание исламского государства, которую ведут радикальные исламистские организации и движения, и поддержка подобных организаций со стороны части населения давно стали устойчивой тенденцией. Точное количество членов исламистских групп неизвестно, как и число тех, кто им симпатизирует. В качестве косвенных данных можно привести количество сторонников ХТИ, находящихся в узбекских тюрьмах (5–7 тыс. человек), а также регулярные судебные процессы над исламистами. Судя по этим данным, число сторонников исламистских организаций велико и продолжает увеличиваться по мере роста разочарования в режимах, которые находятся у власти. Идея исламской альтернативы обретает новых приверженцев, поскольку религиозная утопия всегда привлекательна, особенно когда ситуация приближается к критической, а доверие к власти падает. По существу, исламисты предлагают переход к исламской системе, в которой не существует разрыва между правителем и обществом (мусульманской общиной) и которая основана на принципе социальной справедливости.

В среде оппозиции присутствует и экстремистское крыло, действующее террористическими методами и связанное с зарубежными единомышленниками — «Аль-Каидой» и движением «Талибан». Это способствует проникновению в Центральную Азию экстремистской квазиталибской идеологии.

Оппозиция является объектом систематического преследования, ее участники, а зачастую члены их семей подвергаются арестам и иным формам давления. Однако опыт показывает, что борьба с радикалами-исламистами исключительно силовыми мето-

дами окончательной победы не приносит и власти приходится действовать более гибко. Во-первых, не избежать неофициального диалога с исламистами. В 1990-е годы такой диалог стал главным условием прекращения гражданской войны в Таджикистане. В скрытой форме диалог происходит и в Узбекистане. Несмотря на категорический отказ верхов признавать ХТИ и исламистскую группировку «Акромия» политической оппозицией, чиновники среднего и низшего уровня, в том числе и в силовых структурах, негласно общаются с исламистами, а по неофициальной информации, разделяют некоторые их взгляды.

Во-вторых, сама правящая элита должна активно действовать на «исламском поле»: президенты и их приближенные соблюдают обряды, участвуют в религиозных празднествах, совершают хадж в Мекку. Президенты стремятся быть не только политическими лидерами, но и своего рода идейными, или духовными, вождями. Совмещение политического и духовного лидерства предполагает, что светский политик наделен правом интерпретировать религиозные тексты. Ни Каримов, ни Назарбаев этим не пользуются, но президент Таджикистана Рахмонов дерзает вступать в сферу богословия. Так, в 2009 году он произнес обстоятельный «теологический» доклад на конференции «Наследие имама Абу Ханифы и его значение в межкультурном диалоге». Абу Ханифа — основоположник ханафитского мазхаба (богословско-юридического толка), который сегодня усиленно распространяется в этой стране. В то время в Таджикистане ходили слухи, будто в окружении президента муссируется вопрос о его готовности стать имамом, что означало бы сосредоточение в его руках светской и духовной власти. Впрочем, дальше слухов дело не пошло.

Уязвимым местом политиков и чиновников является их коммунистическое, атеисти-

ческое прошлое, не соответствующее нормам ислама поведение в быту (употребление алкоголя), формальное отношение к обрядности. И конечно, погрязшая в коррупции бюрократия давно предала забвению социальную справедливость, декларируемую со времен пророка Мухаммада.

Главными объектами борьбы между властью и оппозицией являются мечети и медресе, шире — система исламского образования. Большинство мечетей контролируется государством, однако есть немало храмов (точное число неизвестно, но счет идет на сотни и тысячи), где имамы пытаются сохранить самостоятельность, где работают неофициальные проповедники, проповеди которых отличаются от официальных. В этих мечетях служат «неортодоксальные» имамы, пользующиеся высоким авторитетом среди верующих, особенно среди молодежи. Мечеть в исламе это не только религиозное учреждение. Она всегда была и остается общественно-политическим центром, где обсуждается все происходящее в мусульманской общине, в мусульманской стране. От того, на чьей стороне мечеть, зависит стабильность государства, прочность его правителя. Наиболее актуальна эта проблема для Узбекистана и Таджикистана и особенно остра для «исламского сердца» — Ферганской долины, от положения дел в которой зависит стабильность во всем регионе. Игнорировать мечеть невозможно даже в Казахстане, особенно в его южной части, где ее позиции как социально-политического центра становятся все более влиятельными.

Что касается религиозного образования, то власти повсеместно открывают исламские институты; большинство медресе взято под государственный контроль. При этом в регионе параллельно действует неофициальная система обучения, в которую вовлечены десятки тысяч мусульман. Благодаря ей молодые верующие знакомятся с иными, в том

числе фундаменталистскими, салафитскими толкованиям ислама. Наставниками в подобных учебных заведениях часто работают молодые люди, окончившие университеты в Саудовской Аравии, Кувейте, ОАЭ, других мусульманских странах. Эти учителя не только привозят в Центральную Азию иные трактовки ислама, но и оказываются связующим звеном между местными мусульманами и их радикально настроенными единоверцами за рубежом. Здесь исламисты готовят своих единомышленников.

«Деградация Киргизии и Таджикистана может вступить в завершающую фазу...» В Узбекистане «нынешняя элита не может предложить новые варианты социально-экономической и политической стратегии... Угроза политической дестабилизации будет возрастать, что помимо неминуемой исламизации конфликта вызовет массовую миграцию». «Кризисные явления будут нарастать в Туркмении». Правда, «лидером трансформации останется Казахстан, где продолжится политическая модернизация с целью закре-

“Де-факто светский авторитаризм противостоит исламистам, которые претендуют на спасение людей от бедности и несправедливости”.

Существует вечное противостояние между де-факто светским авторитаризмом и исламистами, которые претендуют на спасение людей от бедности и несправедливости. Власть, неспособная разрешить главные проблемы общества, будет постоянно сталкиваться с протестом в религиозной форме. (Сегодня это справедливо и в отношении Киргизии, где еще недавно угроза исламизма была не так велика, как в других странах региона: кто бы ни пришел к власти в Бишкеке, ему неизбежно придется иметь дело с усилившимся и набравшимся опыта исламским радикализмом.)

Но если авторитаризм не может избавить себя от религиозной оппозиции, то и у исламистов в ближайшее десятилетие вряд ли хватит сил для свержения нынешней политической системы и замены ее на «исламское государство».

В 2007 году несколько московских аналитических центров (Совет по внешней и оборонной политике, Высшая школа экономики, РИО-Центр) подготовили прогноз, как будет выглядеть мир в 2017 году. Для Центральной Азии этот прогноз выглядит удручающе.

пить власть в руках тщательно отсортированного политического класса»²⁷.

С одной стороны, повода для оптимизма (Казахстан — исключение, хотя и не беспорочное) не остается. Но с другой — какие бы спорадические катаклизмы ни сотрясали регион, авторитаризм уцелеет и вряд ли существенно эволюционирует. Достаточно взглянуть на минувшее десятилетие, чтобы в этом убедиться. Предпосылок для кардинальных перемен не наблюдается.

В Туркменистане смена правителя уже произошла. В Узбекистане и Казахстане она ожидается. В Киргизии происходит. Некоторые возлагают особые надежды на приход к власти качественно новых лидеров, на обновление элит. Однако «не следует чрезмерно персонифицировать правящие режимы»²⁸. В зависимости от личности правителя авторитаризм может быть относительно мягким или жестким, но он останется авторитаризмом. Его эволюция к «полуавторитарному» правлению или, допустим, к полиархии пока невозможна.

Систематическое воздействие внешнего фактора может оказаться источником перемен, но на сегодня этот фактор незначителен

и непостоянен. США и Европа отказались от вмешательства в политические дела центральноазиатских стран, тем более от их демократизации. Национальное строительство (в Центральной Азии) не было их приоритетом²⁹. Спустя несколько лет после событий в Андижане это особенно очевидно.

К тому же в мусульманском мире демократией с большим успехом смогут воспользоваться отнюдь не демократы, а исламские радикалы, чему в последние годы было немало ярких свидетельств.

России также не нужны политические перемены в регионе. В Москве надеются, что никаких либерализационных новаций в регионе случиться не может. Либерализация внутренней политики в центральноазиатских

государствах является для Москвы знаком их отхода от России и сближения с Западом, как это случилось в середине 1990-х на Украине и в Грузии. Москва продолжает оказывать содействие близким ей авторитарным режимам, даже несмотря на их отказ выступить в поддержку России в ее войне с Грузией и признать независимость Абхазии и Южной Осетии.

Можно допустить, что уход некоторых президентов и приход их преемников будет сопровождаться конфликтами, появлением нескольких новых, непривычных политических фигур, ожиданиями глубоких перемен. Политическая погода Центральной Азии может меняться, иной раз существенно, но авторитарный «климат» все равно останется прежним. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ В 1999 году американский юрист, бывший советник президента Казахстана Нурсултана Назарбаева Джеймс Гиффен был обвинен и судим за дачу взяток в несколько миллионов долларов США руководителям Казахстана, включая президента, за право доступа к нефтяным месторождениям страны. Когда афера вскрылась, Департамент юстиции США принял решение конфисковать 84 млн долларов с принадлежащего Министерству финансов Казахстана счета в швейцарском банке «Пикте и Си». Впоследствии по договоренности с американскими властями Казахстан отказался от претензий на изъятую со счета его Минфина сумму, которая была затем переведена в фонд помощи казахстанским детям «Бота». Это было расценено как косвенное признание в совершенном коррупционном преступлении.

² В отличие от большинства российских авторов я пользуюсь написанием ХТИ, идущим от арабского языка. Сама эта партия возникла в Иордании в 1954 году.

³ *Olcott M. B. Kazakhstan: Unfulfilled Promise.* Wash., DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2002. P. 87.

⁴ *Акаев А. Пмятное десятилетие.* Бишкек, 2001. С. 462.

⁵ *Верховский А. Энтропия растет. Вместо введения: Демократия вертикали.* М.: Центр «Демос»; Центр «Сова», 2006. С. 8–9.

⁶ Туркменистан: Стабильность, реформы, нейтралитет. Ашхабад, 1996. С. 49.

⁷ Родина священна для каждого. Ташкент: Узбекистон, 1995. С. 176.

⁸ *Каримов И. Стабильность и реформы.* М.: Паляя, 1996. С. 308.

⁹ *Шамолов А.А. Политическая культура в Центральной Азии: традиция и модернизация // Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии. Материалы международной конференции в Душанбе, 16–17 января 2009. М., 2009. С. 36.*

¹⁰ *Ахмедов Д. Специфика развития многопартийности в Центральной Азии и ее влияние на политическую культуру (на примере Республики Таджикистан) // Вестник Таджикского национального университета. 2009. № 2. С. 115.*

¹¹ Туркменистан: Стабильность, реформы, нейтралитет. С. 32.

¹² *Булуқтаев Ю. О. Проблемы формирования гражданского общества в контексте глобализации демократических процессов // Казахстан в условиях глобализации: Философско-политологический анализ. Алматы, 2006. С. 291.*

¹³ *Искандеров И.* Амир Темура и созвучие времен. Тезисы международной конференции «Амир Темура и его место в мировой истории». Ташкент, 1996. С. 40.

¹⁴ Родина священна для каждого. С. 75.

¹⁵ *Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. Лондон, М., 2000. С. 142–143.

¹⁶ *Кадыров Ш.* О том, что должно уйти // Эркин Туркменистан. № 7. Апр. 2001. С. 20.

¹⁷ См. доклад партии «Единая Россия» «Консервативные модернизации в странах «большой восьмерки»» (<http://old.er.ru/er/text.shtml?20/0854,111110>).

¹⁸ *Сыроежкин К.Л.* Государственность и этничность: проблемы и приоритеты развития Республики Казахстан // Государство и общество в странах постсоветского Востока: История, современность, перспективы. Материалы международной конференции. Алматы, 1999. С. 143.

¹⁹ *Румер Б.* Центральная Азия. Конец транзита // Специальное приложение к журналу «Эксклюзив». Алматы. Окт. 2004. Сходное заключение, но уже применительно к России, сделала Лилия Шевцова: страна, по ее мнению, «застряла в транзите». См.: *Shevtsova L.* Russia — Lost in

Transition: The Yeltsin and Putin Legacies. Wash.: Carnegie Endowment for International Peace, 2007.

²⁰ *Кадыров Ш.* Российско-туркменский исторический словарь. Берген, 2001. С. 359.

²¹ *Лаумулин М.* Туркменский феномен // Экономические стратегии — Центральная Азия. 2006. № 2. С. 71.

²² *Наушкин В.В.* Структурные элементы политической культуры: Тезисы // Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии. С. 23.

²³ *Olcott M. B.* Central Asia's Second Chance. Wash., DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. P. 229.

²⁴ *Омарова А.* К политической модернизации на деле, а не на словах?.. // Правила Игры. 2007. № 2. Март. С. 31.

²⁵ *Иманалиев М.* Сборник статей о Центральной Азии. Бишкек, 2008. С. 154.

²⁶ *Звягельская И.* Становление государств Центральной Азии. М.: Аспект-Пресс, 2009. С. 44.

²⁷ Мир вокруг России: 2017: Контуры недалекого будущего. М., 2007. С. 130.

²⁸ *Румер Б.* Центральная Азия. Конец транзита. С. 2.

²⁹ *Olcott M. B.* Central Asia's Second Chance. P. 229.

Тема прошлого в риторике президентов России

Властвующая элита воспроизводит старый культурный алгоритм «разрыва с традицией» — хотя сейчас, в отличие от петровского и советского переворотов, когда происходила ломка мировоззренческих принципов, для этого нет оснований

Ольга Малинова

«Общепринятые» представления о прошлом играют важную роль в жизни современных политических сообществ, поскольку являются одной из главных несущих конструкций коллективной идентичности¹. «Публичная история», в отличие от «формальной» или «профессиональной», представляет собой репрезентации и интерпретации прошлого, адресованные широкой аудитории неспециалистов. Это значимый элемент символической политики, который направлен на формирование определенных представлений о Нас и мобилизацию групповой солидарности. Опираясь на концепцию символической борьбы Пьера Бурдьё², под символической политикой мы предлагаем понимать *деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих*. Рассматриваемая таким образом символическая политика является не противоположностью³, а скорее специфическим аспектом «реальной» политики.

Хотя государство — не единственный актор символической политики, оно занимает

особое положение на этом поле, поскольку обладает возможностью навязывать подерживаемые им способы интерпретации социальной реальности с помощью властного распределения ресурсов (например, при утверждении образовательных стандартов), правовой категоризации (как в случае законодательства о гражданстве), придания символам особого статуса (с помощью утверждения официальной символики, государственных праздников, учреждения наград), способности представлять Нас на международной арене и т. п. В связи с этим и публичные высказывания акторов, выступающих от имени государства и/или оказывающих влияние на принятие решений, имеют особое символическое значение и, как правило, становятся объектами соотнесения для других участников коммуникации. Тем не менее государственная поддержка тех или иных интерпретаций социальной реальности вовсе не гарантирует им доминирующей роли: даже если «нужная» нормативно-ценностная система навязывается насильственными методами, у индивидов остается возможность «лукавого приспособления»⁴ и двоемыслия. Символическая политика осуществляется в *публичной сфере*, то есть виртуальном пространстве, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формирует-

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОВОДИТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА, ГРАНТ № 11-03-00202 А

ся общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности, иными словами — имеет место конкуренция разных способов интерпретации социальной реальности. При этом институциональные параметры публичной сферы оказывают значимое влияние на стратегии и возможности акторов символической политики⁵.

Президентские послания как объект исследования

В настоящей статье мы попытаемся проследить некоторые тенденции, связанные с использованием прошлого в официальной символической политике постсоветской России. В основу данного исследования положен анализ семнадцати президентских посланий Федеральному собранию РФ и некоторых других логически дополняющих их выступлений⁶. Выбор в качестве основного объекта изучения ежегодных президентских посланий определяется их жанровыми особенностями: это тексты программного характера, призванные дать оценку результатов проводимого политического курса и определить задачи на перспективу, а также оправдать действия властей, увязав их с целями и ценностями, которые предположительно значимы для общества. То, что послания появляются ежегодно и затрагивают относительно устойчивый набор вопросов⁷, делают их удобными объектами для анализа⁸. Содержание посланий позволяет делать некоторые выводы относительно того, как изменяется подход правящей части федеральной элиты к публичной репрезентации и к обоснованию текущего политического курса. Очевидно, что тексты посланий не исчерпывают «историческую» составляющую официальной символической политики. Однако они могут служить хорошей отправной точкой для дальнейшего исследования — в том числе и в рамках данного проекта, поскольку отражают наиболее важные тенденции в

использовании (или неиспользовании) прошлого для легитимации действующей власти.

С помощью контент-анализа и дискурс-анализа президентских посланий⁹ мы посмотрим, каким образом символический ресурс коллективного прошлого привлекался для обоснования политического курса. Объектами изучения стали фрагменты президентских посланий, содержащие прямые или косвенные упоминания о событиях, явлениях, процессах или действующих лицах отечественной истории, как давней, так и современной (отражение в этих текстах событий и лиц всеобщей истории — это самостоятельная тема¹⁰). В качестве классифицирующих категорий для контент-анализа были взяты исторические периоды, упоминавшиеся в посланиях (история России до 1917 года, история советского периода, постсоветская история, история вообще, то есть все, что предшествовало настоящему моменту). При этом оценивалась функция высказывания, содержавшего ссылку на прошлое: положительная оценка прошлого, в том числе — по контрасту с критической оценкой настоящего (прошлое как пример, которому нужно следовать / как традиция, которую нужно возродить); критическая оценка прошлого по контрасту с современным положением дел (прошлое как фон, оттеняющий сегодняшние достижения / как источник проблем, которые приходится преодолевать / как урок, из которого надо сделать выводы); нейтральная констатация преемственности прошлого и настоящего. Единицами подсчета выступали упоминания прошлого, то есть связные фрагменты текста, содержавшие ссылку на конкретные исторические события, явления, процессы, действующих лиц или на коллективное прошлое вообще (количество слов в высказывании и его доля в тексте не учитывались, поскольку для наших целей был важен сам факт номинации). В рамках дискурс-анализа основное внимание было

уделено репрезентации в текстах посланий представлений о преемственности и прерывности отечественной истории.

Отсылки к истории имеются во всех текстах президентских посланий, однако их количество и функции заметно варьируются. Больше всего упоминаний о прошлом содержалось в посланиях Бориса Ельцина (в шести его обращениях к Федеральному собранию удалось обнаружить 46 ссылок на события, явления и процессы российской истории, в восьми посланиях Владимира Путина — 22,

В посланиях Ельцина так или иначе представлены все периоды отечественной истории, однако наибольшее количество ссылок — на советский и постсоветский периоды (соответственно, 15 и 9 из 46); в его текстах — всего 3 упоминания о событиях и явлениях истории России до 1917 года и одна ссылка на русского писателя (в послании 1999-го в контексте рассуждений о национальной идее и людях как основе преемственности истории цитируется мысль Александра Солженицына о «сбережении народа»).

“Ельцин уделял много внимания репрезентации себя в качестве политического лидера, меняющего ход истории, своей волей возвращающего ее в «естественное» русло”.

в трех посланиях Дмитрия Медведева — 15). Надо отметить, что программные речи первого Президента РФ были в 2–4 раза длиннее аналогичных выступлений его преемников¹¹. Но думается, что дело не только в этом: Ельцин действительно уделял много внимания репрезентации себя в качестве политического лидера, меняющего ход истории (своей волей возвращающего ее в «естественное» русло). Весьма характерны слова, сказанные им в заявлении об отставке:

«Главное дело своей жизни я сделал. Россия уже никогда не вернется в прошлое — Россия всегда теперь будет двигаться только вперед. И я не должен мешать этому естественному ходу истории»¹².

По-видимому, первому Президенту РФ было свойственно особое, личностно-заинтересованное отношение к истории; подходы его преемников не столь эмоциональны. Однако тексты посланий различаются не только по количеству упоминаний о прошлом — наблюдаются заметные различия в объектах ссылок и их оценке.

Кроме того, нам удалось насчитать 18 высказываний, в которых история рассматривается как общий контекст происходящего, без конкретизации периода.

В посланиях Владимира Путина почти нет прямых ссылок на историю России до 1917 года (единственное исключение — упоминание о «дореволюционном историческом опыте» местного самоуправления в качестве образца для федеральных законодателей в послании 2002-го; любопытно, что Ельцин (в 1994-м) также ссылался на опыт земств как доказательство наличия «глубоких исторических корней» местного самоуправления «в российской политической культуре»). Зато Путин больше цитировал деятелей отечественной культуры: всего 6 ссылок, из которых две — на Ивана Ильина (в 2005 и 2006 годах), две — на Дмитрия Лихачева (в 2006 и 2007 годах), по одной — на Льва Петражицкого (2005 год) и Александра Солженицына (в 2006-м Путин тоже говорил о «сбережении народа»). Его послания содержат 4 упоминания о советском периоде, 4 фрагмента, посвященных достижениям и ошибкам 1990-х годов, и 7 общих ссылок на прошлое.

Дмитрий Медведев продолжил традицию обращения к именам деятелей отечественной культуры (послание 2008 года содержит ссылки на Петра Столыпина, Бориса Чичерина и Василия Леонтьева; в тексте 2010-го упоминаются имена Николая Некрасова, Антона Чехова, Юрия Гагарина и Анны Ахматовой как третьих детей в семье — в контексте обсуждения демографической проблемы). За исключением этих имен, в его обращениях нет упоминаний об истории России до 1917 года; есть 4 ссылки на историю советского периода (3 из них — на Великую Отечественную войну и одна — на опыт советской модернизации) и 4 ссылки на новейшую, постсоветскую историю.

В целом структура «исторической» составляющей в символическом репертуаре президентских посланий выглядит следующим образом: в общей массе упоминаний о прошлом лишь 5 проц. составляют события и явления дореволюционной истории, 17 проц. — ссылки на имена деятелей отечественной культуры, 20 проц. — оценки постсоветского периода, 28 проц. — воспоминания о советской эпохе и 30 проц. — рассуждения общего характера. Таким образом, в репрезентации коллективного прошлого в контексте ценностного обоснования политического курса наблюдается определенный перекося в сторону новейшей истории. О причинах этого мы порассуждаем позже, а пока обратимся к содержательному анализу выделенных фрагментов и проследим эволюцию оценок прошлого в президентских посланиях.

Тема преемственности и разрыва с традицией в президентских посланиях Бориса Ельцина

Ссылки на прошлое при обсуждении политической стратегии могут выполнять разные функции. Наиболее важные из них — демонстрация преемственности между настоящим и прошлым (легитимация традицией) и указание на отличие настоящего от прошлого (в одних

случаях — со знаком «плюс», с целью подчеркнуть сегодняшние достижения; в других — со знаком «минус», как правило — в контексте обоснования необходимости изменений и/или объяснения причин трудностей и неудач).

Тема прерывности и преемственности была главным рефреном ссылок на прошлое в посланиях Ельцина. С одной стороны, начатые под его руководством реформы представлялись как восстановление связи времен, разорванной в годы Советской власти. См. в послании 1994 года:

«Разложилась доминировавшая в течение десятилетий тоталитарная государственная идеология, выразителем которой была КПСС. На смену приходит осознание естественной исторической и культурной преемственности...»

Ср. с посланием 1999 года:

«Завершается десятилетие, ознаменованное возвращением России на магистральный путь мирового развития.»

Восстановление исторической истины рассматривалось как одно из условий успеха совершающихся преобразований:

«Мы все еще плохо знаем свою историю, оттого так много лежковерных людей и низка политическая культура, так быстро распространяются мифы» (1996 год).

Ельцин делал особый упор на «воссоединение двух ветвей нашей культуры — существовавшей в советских условиях и зарубежной» (1996 год) и изображал новый политический режим гарантом свободы исторического познания:

«Никогда больше в России не должно быть порядков, позволяющих скрывать правду,

фальсифицировать историю, внедрять беспамятство» (1996 год).

С другой стороны, в посланиях Ельцина обнаруживается немало высказываний, в которых настоящее оценивается более позитивно, нежели прошлое. По нашим подсчетам, таких высказываний — 16 из 46; еще в шести высказываниях (относящихся к хрущёвской оттепели и перестройке) отмечаются как положительные, так и отрицательные стороны прошлого. В целом в ельцинских посланиях пафос превосходства настоящего по отношению к прошлому выражен гораздо заметнее, нежели в обращениях его преемников¹³. Первый Президент РФ подчеркивал, что *«за всю тысячелетнюю историю России культура и ее деятели не имели столько свободы творчества и политической независимости, как теперь»* (1994 год), что сегодня, как никогда, у россиян *«расширились возможности приобщения к подлинным ценностям национальной и мировой культуры»* (1995 год), что *«время борьбы регионов с “центром” за свои права уходит в историю»* (1994 год), что проводимые реформы — *«первые в истории России преобразования такого масштаба, осуществляемые без подавления и уничтожения политических противников»* (1996 год) и т. п.

При этом критические оценки, разумеется, относились прежде всего к наследию советского прошлого, которому вменялись в вину «сверхжесткая мобилизационная модель развития, концентрировавшая все силы в руках государства», «косная экономическая система» и уничтожение «гражданского общества, зачатков демократии и частной собственности» (1996 год). С учетом этого, распад СССР представлялся как историческая закономерность:

«Советский Союз рухнул под тяжестью всеобъемлющего кризиса, раздробленный на куски экономическими, политическими и социальными противоречиями» (1996 год).

Проблемы советского общества представлялись Ельциным в качестве, с одной стороны, аргумента в пользу необходимости реформ, а с другой стороны — фактора, предопределившего их радикальный, болезненный характер. Настойчивое обращение первого Президента РФ к недавнему прошлому во многом было обусловлено стремлением оправдать собственную политику, списав часть ответственности на счет «проблем, доставшихся России по наследству» (1996 год). В частности, разделить ее с союзным руководством, «многолетняя нерешительность» которого привела его «к гибели, а государство — к распаду» (1996 год) (ср. там же: не столь радикальные реформы «надо было начинать намного раньше»). Отсюда — преобладание критики над позитивными оценками в репрезентации хрущёвских реформ и особенно перестройки.

Однако корни многих современных проблем усматривались и в досоветской истории. В 1996 году Ельцин констатировал, что «царская Россия, обремененная грузом собственных исторических проблем, не смогла выйти на дорогу демократии, что предопределило «радикализм российского революционного процесса, его стремительный срыв от Февраля к Октябрю» и в конечном счете обусловило разрыв исторической традиции:

«Этим разрушительным радикализмом — “до основания, а затем” — объясняется тот факт, что в ходе ломки прежних устоев оказалось утрачено многое из достижений дореволюционной России в сфере культуры, экономики, права, общественно-политического развития».

В 1995 году, в контексте чеченской войны, он ссылаясь на имперское наследие как причину региональных диспропорций, ставших «родимым пятном нашей истории и экономики»:

«Российская история распорядилась таким образом, что суверенитет государства простирается на огромную территорию и охватывает многочисленные народы».

Тогда же Ельцин сетовал на традицию правового нигилизма («Россия хорошо знает, что такое право силы. Осознать силу права только предстоит») и неуважения к правам личности, которые «никогда в отечественной истории не считались практическим государственным приоритетом». В 1999 году, критикуя практику формирования внебюджетных фондов, он вспоминал об «известной из российской истории “системе кормления”» и т. д. В 1998-м говорил о недостатках свойственного России «мобилизационного» типа развития:

«История доказала: рывки, организуемые “сверху”, но не поддержанные обществом, могут приносить успех, но не бывают долговременными, ведут к новому спаду и отставанию».

Иными словами, критические оценки распространялись не только на советское, но и на дореволюционное прошлое; вновь формулируемые политические задачи мыслились скорее как изменение традиции, нежели как ее продолжение. Россия конца XX века представляется в посланиях Ельцина не в качестве общего знаменателя «пяти разных Россией», выделенных когда-то Николаем Бердяевым¹⁴, но как шестая, новая Россия, отличающаяся от прежних. Правящая элита 1990-х вольно или невольно воспроизводила алгоритм прерывания традиции через отрицание целей и ценностей предыдущего исторического этапа.

Что выделялось в посланиях Ельцина в качестве позитивных моментов, способных служить залогом успеха провозглашаемого политического курса? Во-первых, много-

кратно доказанная способность России справляться с выпадающими на ее долю трудностями:

«Несмотря на тяжелые испытания, которые принес России XX век, наше Отечество выстояло. Россия была и остается великой страной» (1996 год).

«России удавалось справиться и в несравненно более трудные времена» (1998 год).

Во-вторых, констатация неисчерпаемого потенциала народа в логике «величие народа не умаляется выпавшими на его долю объективными трудностями и дурной политикой власти»: все достижения советского периода — это «заслуга народа, сумевшего сохранить, несмотря ни на что, свои лучшие национальные черты и качества, результат его труда и таланта» (1996 год); несмотря на семидесятилетнее засилье государственного атеизма, «вековые народные устои не были до конца разрушены» (1994 год); «пессимизм не в традициях нашего народа» (1999 год) и др. Помимо уже упоминавшейся ссылки на опыт земств (в 1994 году) лишь однажды, в послании 1996-го, в качестве потенциальной опоры реформ были упомянуты демократические начала, являющиеся частью нашего исторического наследия: «...традиции народоправства присущи российскому народу. Эти идеалы наши самые выдающиеся соотечественники отстаивали веками». Таким образом, хотя Ельцин апеллировал к дореволюционной русской истории заметно больше, чем Путин и Медведев, его призывы к восстановлению исторической и культурной преемственности не находили достаточного подкрепления в ссылках на конкретные элементы исторического наследия, на которые следовало бы опереться новой России. Установка на использование прошлого по контрасту с настоящим и буду-

щим явно преваляла над стремлением укоренить проводимую политику в наследии отечественной истории.

Послания Путина: новая точка отсчета

Тема преемственности и изменения традиции получила продолжение в посланиях Путина — хотя отсылки к истории в них существенно меньше (как отмечалось выше, в восьми его ежегодных обращениях нам удалось насчитать 22 упоминания о событиях, явлениях, процессах или действующих лицах отечественной истории; причем 6 из них — цитаты, 7 — относятся к прошлому вообще, вне связи с конкретными периодами). В послании 2000-го Путин даже особо отметил: *«Сегодня, когда мы идем вперед, важнее не вспоминать прошлое, а смотреть в будущее»* (и действительно, в четырех посланиях первого президентского срока нам удалось обнаружить всего лишь пять высказываний, адресующих к прошлому). Тем не менее уже в послании 2001 года Путин счел нужным вписать предлагаемый им принцип «стабильности» как основы для «назревших перемен» в исторический контекст, подчеркнув его нетипичность для российской политической практики:

«Конечно, общественные ожидания и опасения [по поводу перемен. — О.М.] появляются не на пустом месте. Они основаны на известной логике: за революцией обычно следует контрреволюция, за реформами — контрреформы, а потом и поиски виновных в революционных издержках и их наказание, тем более что собственный исторический опыт России богат такими примерами. Но пора твердо сказать: этот цикл закончен, не будет ни революций, ни контрреволюций».

Если для Ельцина основным пунктом соотнесения при обосновании политиче-

ского курса был советский период (с двумя смысловыми доминантами — «тоталитаризм» и «перестройка как неудачная попытка реформ»), то для Путина таковыми стали 1990-е годы (из девяти ссылок, имеющих отношение к конкретным периодам прошлого, 4 относятся именно к данному этапу). И это неудивительно: собственную политику «стабильности» Путин противопоставлял радикализму 1990-х; данное обстоятельство особенно заметно в посланиях второго срока пребывания в должности президента. В 2004 году Путин включил в ежегодное обращение целый пассаж, посвященный анализу постсоветской трансформации. Достаточно критически оценивая 1990-е, он тем не менее определял их как начальный этап долгого и трудного процесса — этап «демонтажа прежней экономической системы» и «расчистки завалов, образовавшихся от разрушения “старого здания”», — и подчеркивал, что только *«сейчас мы имеем и достаточный опыт, и необходимые инструменты, чтобы ставить перед собой действительно долгосрочные цели»* (2004 год). Таким образом, несмотря на критику («ломка привычного уклада жизни», «не все решения, которые принимались в те годы, имели долгосрочный характер»), в послании 2004-го преобладала установка на преемственность между 1990-ми и 2000-ми.

Однако уже в 2005 году критика предшествующего этапа стала более резкой, причем объектами оценки оказались не проблемы, с которыми столкнулось общество, а действия власти («накопления граждан были обесценены», «многие учреждения распущены или реформировались на скорую руку», «целостность страны оказалась нарушена террористической интервенцией и последовавшей хасавюртовской капитуляцией», «олигархические группировки... обслуживали исключительно собственные корпоративные интересы» и т. д.). Впрочем, завершая этот критический пассаж, Путин опровергал мнение тех,

кто считал 1990-е «окончательным крахом» российской государственности, и определял эти годы как время поисков «собственной дороги к строительству демократического, свободного и справедливого общества и государства» (2005 год). Представляя 2000-е как время, когда Россия твердо «встала на этот путь» и, как суверенная страна, «сама будет решать, каким образом — с учетом своей исторической, геополитической и иной специфики — можно обеспечить реализацию принципов свободы и демократии» (2005 год), второй Президент РФ подтверж-

ное заявление, назвав крушение Советского Союза «крупнейшей геополитической катастрофой века», что полностью противоречило оценкам, многократно озвученным Ельциным. По-видимому, это высказывание можно рассматривать в контексте переосмотра отношения к имперскому прошлому, наметившегося в середине 2000-х годов¹⁶.

В том же послании переопределялось значение победы в Великой Отечественной войне, 60-летие которой предстояло отметить две недели спустя: Путин придал этому событию особый гуманистический

“Если для Ельцина основным пунктом соотнесения при обосновании политического курса был советский период, то для **Путина** таковым стали 1990-е годы”.

дал верность идеалам, выбранным в 1990-х. Однако он всячески подчеркивал различие в методах осуществления этих идеалов тогда и теперь. В выступлении 8 февраля 2008 года на расширенном заседании Государственного совета, которое можно рассматривать как подведение итогов второго срока, Путин особо отмечал, что, разрабатывая «план вывода России из системного кризиса», он руководствовался «главным принципом: восстановление России нельзя вести за счет людей, ценой дальнейшего ухудшения условий их жизни. В трудные 90-е годы на их долю выпало слишком много бед и испытаний»¹⁵.

Другое важное изменение, которое прослеживается в посланиях второго срока, связано с частичной переоценкой советского прошлого. В посланиях 2000–2004 годов нет прямых упоминаний событий и явлений этого периода (хотя уже в 2000-м был сделан жест, свидетельствующий о готовности нового президента брать на вооружение некоторые символы советской эпохи — приняты новые законы о государственной символике). В 2005 году Путин сделал сенсацион-

смысл, назвав его «днем торжества цивилизации над фашизмом», а солдат Великой Отечественной — «солдатами свободы». Данную интерпретацию можно рассматривать как развитие высказанного чуть ранее тезиса об исторической приверженности России европейским ценностям:

«Выстраданные и завоеванные европейской культурой идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии в течение многих веков являлись для нашего общества определяющим ценностным ориентиром».

Но ее необходимо также связать и с проблемой отношений на постсоветском пространстве, в контексте которой и были озвучены приведенные выше слова (гуманистическое наследие победы Путин представлял как общее достояние «бывших республик СССР, а ныне независимых государств», которому нужно «вместе соответствовать»). Тема войны, значимая для конструирования национально-государственных идентич-

ностей большинства стран Западной и Восточной Европы, стала играть важную роль во «внешней» символической политике, превращаясь в объект соперничества интерпретаций.

Следует отметить, что Великая Отечественная война – историческое событие, наиболее часто упоминаемое в президентских посланиях: в 1995 и 1999 годах – у Ельцина, в 2005 и 2006 годах – у Путина, в 2009 и 2010 годах – у Медведева. Однако контекст этих упоминаний разный. В одних случаях тема войны вплетается в

*и отсталость»*¹⁷. Так или иначе, очевидно, что Великая Отечественная война – это единственное событие российской истории, которое активно используется в президентских посланиях в качестве позитивного символа, постоянно подвергаемого реинтерпретации. (Двойное упоминание о земствах в посланиях Ельцина и Путина – скорее случайность, чем следствие систематических усилий, направленных на конструирование самостоятельного символа.)

Возвращаясь к посланиям Путина, добавим, что в них можно обнаружить и кри-

“В своих выступлениях Медведев обращается к прошлому, чтобы подчеркнуть не только преемственность, но и необходимость пересмотра отдельных представлений”.

рассуждения о политических и социальных проблемах сегодняшнего дня, например, о борьбе с экстремизмом (1995 год), о качествах «поколения, мужавшего в годы войны» как основании веры в успех (1999 год), о поддержке боеспособности Вооруженных Сил (2006 год), о патриотическом воспитании молодежи (2010 год). В других ей придается некое символическое значение, как в процитированном выше послании Путина 2005 года. Символическое использование темы войны встречается также в послании Медведева 2009-го:

«Мы одной крови с теми, кто победил, стало быть, все мы – наследники победителей, и поэтому я верю в новую Россию».

Сравните в программной статье «Россия, вперед!» упоминание о предстоящем 65-летнем юбилее победы в контексте рассуждений о том, *«что народ, победивший жестокого и очень сильного врага в те далекие дни, должен, обязан сегодня победить коррупцию*

тическую оценку советского опыта: так, в 2006 году он предостерегал от повторения ошибок Советского Союза, решавшего «вопросы военного строительства в ущерб задачам развития экономики и социальной сферы». Однако количество упоминаний об этом периоде в путинских посланиях невелико (их всего 4; 3 остальных касаются войны).

В восьми посланиях второго Президента РФ нам удалось обнаружить еще 7 ссылок на прошлое, не имеющих привязки к определенному периоду и относящихся к истории как продолжающейся традиции. Какие аспекты этого наследия оказались значимыми для обоснования путинского политического курса? Во-первых, это идея «сильного государства» как основания величия России, наиболее ярко прозвучавшая в 2003 году, когда Путин, выступая с посланием Федеральному собранию, назвал «историческим подвигом» «удержание государства на обширном пространстве, сохранение уникального сообщества народов при сильных позициях страны в мире». Как известно, огромная территория нередко рассмат-

ется не только как залог величия России, но и как проблема, в частности — как фактор, определяющий «мобилизационный» тип развития страны, сопряженный со многими издержками¹⁸. Высказывание Путина, идентифицирующее Россию с удерживаемым ею пространством («...таков тысячелетний исторический путь России. Таков способ воспроизводства ее как сильной страны») и призывающее ценить плод «огромного труда» многих поколений людей, — безусловно заявка на вполне определенную позицию в этом споре. Вместе с тем функция данного высказывания очевидна: оно призвано оправдать проводимый Путиным курс на «усиление государства», увязав его с «тысячелетней» традицией.

Во-вторых, ссылки на прошлое активно используются Путиным для подкрепления ключевой для него идеи единства, которая призвана определить рамки политической конкуренции. Как верно подметили Ирина и Святослав Каспэ, основным посылом путинской символической политики был «призыв к тотальной консолидации», сопровождавшийся «фобией любых разделений внутри пространства консенсуса»¹⁹. В этом отношении примечательно, что в первом же путинском послании подчеркивалось:

«Единство России скрепляют присущий нашему народу патриотизм, культурные традиции, общая историческая память».

А далее уточнялось:

«При всем обилии взглядов, мнений, разнообразии партийных платформ у нас были и есть общие ценности» (2000 год).

Завершая свою работу на посту президента, Путин повторял ту же мысль, проецируя ее в будущее:

«...политические партии обязаны сознавать огромную ответственность за будущее России, единство нации, за стабильность развития нашей страны. Какими бы острыми ни были политические баталии, какими бы неразрешимыми ни казались межпартийные противоречия, они никогда не стоят того, чтобы ставить страну на грань хаоса»²⁰.

В этих словах можно усмотреть намек на опыт 1990-х (хотя Путин никогда прямо не характеризовал политико-идеологические разногласия этого периода такими словами) и стремление оправдать собственную политику «стабилизации» политической системы. Подводя итоги анализа путинских посланий, отметим, что хотя количество упоминаний о прошлом в них невелико, многие из приведенных выше фрагментов обращали на себя внимание и вызвали общественный резонанс, поскольку отчетливо указывали на «пункты несогласия» второго Президента РФ с символической политикой его предшественника.

Третий президент: гетерогенность прошлого

Как было отмечено выше, в трех посланиях Медведева нам удалось обнаружить 15 упоминаний о событиях, явлениях, процессах и действующих лицах отечественной истории, 7 из которых — ссылки на персоналии. Хотя число упоминаний о прошлом сравнительно невелико, их риторический вес усиливается тем обстоятельством, что Медведев в своих посланиях реже, чем его предшественники, репрезентирует Нас через соотнесение с Другим, традиционно именуемым «Западом». В результате темпоральное измерение идентификации (сопоставление Нас сегодня/завтра и в прошлом) оказывается не менее значимым, чем пространственно-символическое²¹. Этот эффект достигается в том числе и тем, что третий Президент РФ во многих своих

выступлениях дает критическую оценку традиции и обращается к прошлому, чтобы подчеркнуть не только преемственность, но и необходимость пересмотра отдельных представлений и практик. Эта позиция открыто заявлена в программной статье «Россия, вперед!», где подчеркивалось, что традиции «не все полезны» и от некоторых «следует избавляться самым решительным образом», причем указывалось на прецеденты «преодоления» негативных явлений прошлого:

«...когда-то и крепостничество, и повальная неграмотность казались неодолимыми. Однако же были преодолены»²².

Критический и избирательный подход к традициям представлен и в президентских посланиях Медведева. Так, в 2008 году он сетовал, что

«В России на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. А отдельный человек с его правами и свободами, личными интересами и проблемами воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем – как помеха для укрепления государственного могущества».

Примечательно, что этот пассаж он завершал цитатой Петра Столыпина, подкрепляющей высказанную мысль, — тем самым критика традиции «укоренялась» в самой традиции, признание гетерогенности прошлого давало возможность подчеркнуть преемственность по отношению к положительной оцениваемой части исторического наследия и одновременно — желание дистанцироваться от того, что представляется «недостатком» или «проблемой». Такой подход можно считать удачной находкой: он позволяет более гибко решать проблему преемственности/прерывности по отношению к прошлому.

К сожалению, успешно апробированный в послании 2009 года и предварявшей его статье «Россия, вперед!» прием критики прошлого с опорой на позитивные моменты в самом прошлом не получил развития в обращении к Федеральному собранию 2010-го²³.

Подобно своим предшественникам, Медведев апеллировал к «тысячелетней истории» с целью легитимации наиболее трудных и принципиальных своих решений. Так, в послании 2008 года, говоря о «понимании», с которым были встречены действия власти во время войны с Грузией и первые антикризисные меры, он отмечал: *«По-другому и не должно быть, когда речь идет о народе с тысячелетней историей, освоившем и цивилизовавшем огромную территорию», «создавшем неповторимую культуру»* и *«мощный экономический и военный потенциал»* (2008 год).

Примечательно, что в качестве положительно оцениваемых достижений российского народа указываются не только общепризнанная «неповторимая культура», но и «территория» и «военный потенциал», которые в современном публичном дискурсе ассоциируются с «имперским наследием». Здесь очевидна переключка с путинским посланием 2003 года. Вместе с тем любопытно сравнить этот список с близким по смыслу пассажем из статьи «Россия, вперед!», где перечисляются составляющие «большого наследства», на которое мы можем опереться:

«Мы располагаем гигантской территорией, колоссальными природными богатствами, солидным промышленным потенциалом, впечатляющим списком ярких достижений в области науки, техники, образования, искусства, славной историей армии и флота, ядерным оружием. Авторитетом державы, игравшей значительную, а в некоторые периоды и определяющую роль в событиях исторического масштаба»²⁴.

Отметим, что список позитивно маркированных элементов прошлого, на которые можно опереться, заметно расширился по сравнению с тем, что нам удалось выделить в ельцинских посланиях, преимущественно — за счет осуществленной еще Путиным переоценки наследия «великой державы».

Медведеву также не чуждо стремление обосновать собственный политический курс по контрасту с прошлым (преимущественно, хотя и не исключительно, недавним). Наиболее ярко оно проявилось в послании 2009-го, в котором вновь заявленный политический курс представлялся как «первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии» (2009 год). В этом контексте главным пунктом соотнесения оказывался советский опыт модернизации, который оценивался, с одной стороны, положительно («ценной невероятных усилий аграрная, фактически неграмотная страна была превращена в одну из самых влиятельных по тем временам индустриальных держав»), а с другой — критически («в условиях закрытого общества, тоталитарного политического режима эти позиции невозможно было сохранить»). Та же мысль ранее была высказана в статье «Россия, вперед!», причем сравнение проводилось не только с советской, но и с петровской (имперской) модернизацией, и подчеркивалось, что обе они были «оплачены разорением, унижением и уничтожением миллионов наших соотечественников»²⁵. Таким образом, подобно Ельцину и Путину, Медведев, обосновывая собственный курс, стремился подчеркнуть не только преемственность, но и «точки разрыва» с прошлым, при этом предметом мягкого отрицания стал опыт не только 1990-х, но и 2000-х годов: в сентябре 2009-го третий Президент РФ утверждал, что сделанного его предшественниками недостаточно, ибо прежние решения «лишь воспроизводят текущую модель, но не развивают ее. Не изменя-

ют сложившийся уклад жизни. Сохраняют пагубные привычки»²⁶. Таким образом, обоснование текущего курса путем более или менее резкого противопоставления настоящего прошлому можно считать устойчивым элементом программных выступлений всех президентов РФ.

Выводы

Завершая анализ президентских посланий 1994—2010 годов, отметим некоторые особенности использования прошлого для оправдания осуществляемого политического курса. Как было показано выше, все три Президента РФ апеллировали к давней и недавней истории как с целью «укоренить» свои действия в национальной традиции, так и для того, чтобы оправдать их за счет критической оценки прежнего опыта. Причем если объектами критики оказываются конкретные события, действия или явления преимущественно недавнего прошлого, то позитивно окрашенные ссылки на историю чаще всего имеют обобщенный характер и относятся к «вековым народным устоям», «тысячелетней истории России», «нашей великой культуре» и т. п. В силу этого «проблемные» черты образа прошлого оказались представлены в президентских посланиях более выпукло и детально, нежели «то, чем мы вправе гордиться». Как уже было сказано, единственным устойчиво упоминаемым положительным символом стала Великая Отечественная война.

Очевидная скудость символического репертуара президентских посланий в какой-то мере связана с тем, что представления о прошлом, доминирующие в сознании элиты и масс, не соответствуют современным политическим задачам. Вячеслав Морозов отмечает, что большой проблемой для символической политики нового Российского государства стало отсутствие в начале 1990-х годов «альтернативного имперскому историческому нарратива, который мог бы послужить

основой для самоидентификации России как нового национального государства»²⁷. С тех пор мало что изменилось — не случайно та же ограниченность репертуара исторических событий, значимых для коллективного самоопределения, выявляется и на уровне массового сознания. Так, опрос, проведенный в сентябре 2007 года, Институтом социологии РАН, показал, что набор событий и героев прошлого, которыми гордится большинство опрошенных в рамках общероссийской выборки, достаточно узок. Лишь четыре позиции получили поддержку более чем у половины респондентов (в том числе у 67 проц. респондентов чувство гордости вызывает победа в Великой Отечественной войне, у 61 проц. — послевоенное восстановление страны, у 56 проц. — великие российские поэты, писатели и композиторы, у 54 проц. — успехи советской космонавтики)²⁸. По оценке Леонтия Бызова, «к авангарду “славного наследия прошлого” наши сограждане относят, прежде всего, те достижения государства (в разные периоды его истории), которые... в некотором смысле имеют общемировую значимость. Те же достижения прошлого, значимость которых может быть расценена как скорее внутривосточная, у респондентов вызывают сомнения»²⁹. В какой-то степени этот результат можно считать следствием отмеченных нами тенденций официальной символической политики, которая скорее следовала массовым оценкам значимого прошлого, нежели стремилась их трансформировать, создавая новые проекции прошлого на настоящее и будущее.

Конечно, разработка нарратива(ов) национального прошлого — это прежде всего задача профессиональных историков, однако и политическая элита должна выполнять свою часть работы, включая в публичный оборот символы, связанные с событиями прошлого, и участвуя в их реинтерпретации. Распространенным поводом для актов такого

рода служат круглые даты. Если взглянуть на календарь исторических событий, нетрудно убедиться, что за последние восемнадцать лет, когда готовились рассмотренные нами послания, не было недостатка в поводах для расширения «исторической» части символического репертуара. В 2005—2006 годы праздновалось столетие первой русской революции и парламентаризма в России; в 1997 и 2007 годах была возможность отметить юбилей не только Октябрьской, но и Февральской революции³⁰; в 1990-х можно было последовательно вспоминать о 125-летию «великих реформ» конца 1860-х — начала 1870-х годов; в 2007-м исполнялось 150 лет с начала издания «Колокола»; в том же году можно было отметить 100 лет оформления Антанты; в 2005 году праздновалось 250-летие Московского университета; в 2009-м было 300 лет победы в Полтавской битве; в 2006-м истекло 50 лет после XX съезда КПСС, а в 2008 году — 40 лет с момента ввода советских войск в Чехословакию. Список может быть продолжен. Очевидно, что символический потенциал перечисленных событий весьма разнороден и не все они «ложатся» в контекст политических задач, которые требовалось обосновывать в президентских посланиях, однако многие из них вполне могли бы быть переосмыслены.

Однако такая цель не ставилась при подготовке президентских посланий. Возможно, оттого, что она просто не значилась в ряду приоритетов, ведь апелляция к истории — лишь один из возможных инструментов для легитимации политического курса. Правда, без него нельзя обойтись, если принимать во внимание долгосрочные цели — такие как формирование национальной идентичности, мобилизация солидарности в рамках большого сообщества, повышение коллективной самооценки и т. п. Однако для решения краткосрочных задач, связанных с оправданием действий власти, не обязательно углубляться

в переоценку коллективного прошлого. Очевидно, что разработчики текстов посланий сознавали важность символического ресурса коллективного прошлого — можно проследить, как год за годом оттачивались приемы его риторического использования. Но столь же очевидно их стремление ограничиться теми событиями и явлениями отечественной истории, оценка которых не вызывает разногласий — а таких в стране «с непредсказуемым прошлым», переживающей очередную масштабную социальную трансформацию, оказалось немного. Думается, что отмеченная нами узость «исторической» составляющей символического репертуара президентских посланий имеет две причины. С одной стороны, она является следствием мировоззренческих и исторических представлений властвующей элиты, а с другой — в силу политических соображений, руководство страны предпочло не работать с «трудным» прошлым³¹ и уклониться от

формулирования официальной позиции в спорных вопросах, разделяющих российское общество³².

Результатом такого подхода — скорее всего, непреднамеренным — стало то, что критика прошлого (преимущественно недавнего), его репрезентация по контрасту с настоящим и будущим оказалась отражена в президентских посланиях существенно более ярко и конкретно, нежели образ «нашего славного прошлого», который должен служить источником оптимизма и опорой для решения текущих задач. Получается, что, педалируя критику прошлого и отказываясь расширять «оперативный» репертуар за счет переоценки проблемных страниц истории, властвующая элита на практике воспроизводит старый культурный алгоритм «разрыва с традицией» — хотя, казалось бы, в отличие от петровского и советского переворотов, когда происходила ломка мировоззренческих принципов, сейчас для этого нет оснований. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Политическое использование прошлого служит инструментом для конструирования всех типов коллективной идентичности (классовой, гендерной, религиозной и др.), однако особое значение оно имеет для воображения наций. Не случайно в рамках сложившейся (и пока трудно поддающейся изменению) традиции именно нации/государства стали главными объектами историографического описания.

² Согласно этой концепции, «работа по производству и внушению смыслов» и «борьба за навязывание легитимного видения социального мира» являются неотъемлемыми составляющими политического субполя. См.: Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 66–67, 71.

³ Иногда данное понятие используется в смысле противопоставления политических действий, влекущих за собой «материальные» (*material, substantive*) результаты, действиям сугубо «символическим». В частности, именно в такой интерпретации оно было введено в российский научный

оборот Сергеем Поцелуевым (см.: Поцелуев С.П. Символическая политика как инсценирование и эстетизация // Полис. 1999. № 5. С. 62–76).

⁴ Согласно концепции Юрия Левады, советские идеологические практики, навязывавшие индивидам универсальную нормативно-ценностную систему, формировали «человека лукавого», соглашавшегося с предписываемыми установками — и одновременно искавшего способы их обойти. См.: Левада Ю.А. Человек лукавый: двоемыслие по-русски // Левада Ю.А. От мнений к пониманию: Социологические очерки 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 508–529.

⁵ См.: Малинова О.Ю. Политические элиты как «производители смыслов» российской политики: к постановке проблемы // Элиты и общество в сравнительном измерении / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2011. С. 280–293.

⁶ Исследование посланий дополнено анализом выступлений Ельцина и Путина, в которых подво-

дились итоги их деятельности на посту президента и формулировались принципы будущей политики, призванные обеспечить преемственность курса (новогоднее обращение Ельцина 31 декабря 1999 года и выступление Путина на расширенном заседании Государственного совета 8 февраля 2008 года), а также программной статьи Медведева «Россия, вперед!», опубликованной в качестве приглашения к предварительному обсуждению задач, которые затем предполагалось озвучить в послании.

⁷ За истекшие семнадцать лет жанр президентского послания заметно эволюционировал, причем изменения были связаны как с развитием практики подготовки данного документа, так и с личностными особенностями Ельцина, Путина и Медведева. В зависимости от контекста и стоящих на повестке дня задач менялась стилистика послания, его главный адресат (законодательная власть, государственный аппарат в целом, общество), водоразделы между «мы» и «они» (см.: *Попова О.В.* Модель символической идентификации в Посланиях Президента РФ 2008 и 2009 гг. // *Политические институты в современном мире.* СПб.: Аллего, 2010. С. 288–289). Тем не менее содержание посланий отражает примерно одинаковый круг вопросов внутренней и внешней политики.

⁸ Вот лишь некоторые из работ, посвященных изучению текстов этого жанра: *Гаврилова М.В.* Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004; *Она же.* Контент-анализ послания президента Федеральному собранию // *Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ.* Вып. 4. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 64–82; *Она же.* Композиция программной политической речи (на примере послания президента Федеральному собранию России) // *Политический анализ. Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ.* Вып. 6. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 40–54; *Мартыанов В.С.* Идеология В.В. Путина: концептуализация посланий президента РФ // *ПОЛИТЭКС.* 2007. № 1 (Доступ: <http://www.politex.info/content/view/322/30/>); *Старцев Я. Ю.* Политическая система в зеркале дискурса: опыт реконструкции логики президентских посланий // *ПОЛИТЭКС.* 2007. № 1 (Доступ: <http://www.politex.info/content/view/321/30/>); *Панов П.В.* Конструирование образа России в официальном

политическом дискурсе 1990–2000-х гг. (по материалам ежегодных Посланий Президента РФ) // *Образ России в мире: Становление, восприятие, трансформация* / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: ИМЭМО РАН, 2008. С. 107–117; *Малинова О.Ю.* Образы России и «Запада» в дискурсе власти (2000–2007 гг.): попытки переопределения коллективной идентичности // *Образ России в мире: Становление, восприятие, трансформация.* С. 86–106 и др.

⁹ Тексты посланий цитируются по следующим источникам: Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Об укреплении Российского Государства». 1994 г. (Доступ: http://www.intelros.ru/2007/02/04/poslanija_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_1994_god.html); Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «О действительности государственной власти в России». 1995 г. (Доступ: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_o_dejstvennosti_gosudarstvennoj_vlasti_v_rossii_1995_god.html); Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия, за которую мы в ответе». 1996 г. (Доступ: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_za_kotoruju_my_v_otvete_1996_god.html); Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Порядок во власти — порядок в стране». 1997 г. (Доступ: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_porjadok_vo_vlasti_porjadok_v_strane_1997_god.html); Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Общими силами — к подъему России». 1998 г. (Доступ: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_obshhimi_silami_k_podemu_rossii_1998_god.html); Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия на рубеже эпох». 1999 г. (Доступ: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_na_rubezhe_epokh_1999_god.html); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2000/07/08/0000_

type63372type63374_28782.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 3 апреля 2001 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2001/04/03/0000_type63372type63374_28514.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 18 апреля 2002 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2002/04/18/0000_type63372type63374_28876.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 16 мая 2003 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2003/05/16/1259_type63372type63374_44623.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 26 мая 2004 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2004/05/26/2003_type63372type63374_71501.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 10 мая 2006 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372type63374type82634_105546.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 26 апреля 2007 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type63374type82634_125339.shtml); *Медведев Д.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 5 ноября 2008 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml); *Медведев Д.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009 г. (Доступ: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>); *Медведев Д.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 30 ноября 2010 г. (Доступ: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9637/work>). Далее ссылка дается в тексте указанием на год обнародования послания.

¹⁰ См., напр.: *Согрин В.* Российская политическая элита и американский опыт // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 81–91.

¹¹ Объем текстов президентских посланий существенно варьировался. Наиболее пространными были послания Ельцина: от примерно 12,6 тыс. слов (в 1996 году) до почти 21 тыс. (в 1999 году); наиболее сжатыми – послания Путина: в среднем около 5 тыс. слов, за исключением более разверну-

того итогового послания 2007 года (около 8 тыс. слов). Объем трех посланий Медведева колеблется между 7 и 9,8 тыс. слов. Соответственно, «вес» того, чему нашлось место в выступлении, длившемся один час или три часа, различен.

¹² Заявление Бориса Ельцина. 31 декабря 1999 г. (Доступ: http://archive.kremlin.ru/appears/1999/12/31/0003_type82634_119554.shtml). Кстати, наиболее развернутый анализ настоящего на фоне прошлого дан в самом коротком из ельцинских посланий, зачитанном накануне выборов в 1996 году.

¹³ Для сравнения, в посланиях Путина высказываний, оценивающих прошлое критически – 4, отмечающих одновременно его плюсы и минусы – 3 (из 22); соответственно, в посланиях Медведева – 1 и 1 (из 15).

¹⁴ Бердяев, как известно, утверждал, что русский народ развивается «катастрофическим темпом, через прерывность и изменение типа цивилизации»; он насчитал «пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую советскую Россию». См.: *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 7.

¹⁵ *Путин В.* Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». 8 февраля 2008 г. (Доступ: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>).

¹⁶ См.: *Малынова О.Ю.* Тема империи в современных российских политических дискурсах // *Наследие империй и будущее России* / Под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2008. С. 59–102.

¹⁷ *Медведев Д.А.* Россия, вперед! (Доступ: http://gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml).

¹⁸ Например, о проблемах, обусловленных обширной территорией, в контексте первой чеченской войны говорил Ельцин: «Российская история распорядилась таким образом, что суверенитет государства простирается на огромную территорию и охватывает многочисленные народы». И далее: «Таким крупным странам, как Россия, естественным образом присущи большие внутренние различия между регионами». Их следствие – «диспропорции регионального развития», ставшие «родимым пятном нашей истории и экономики» (1995 г.).

¹⁹ *Каснэ И., Каснэ С.* Поле битвы – страна. *Nation-building* и наши нэйшнбилдеры // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50). С. 20.

²⁰ *Путин В.* Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года».

²¹ См.: *Malinova O.* Russia and “the West” in 2000s: Redefinition of Russian Identity in the Official Political Discourse // *Russian Identity in International Relations: Images, Perceptions, Misperceptions* / R. Taras (ed.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010 (in print).

²² *Медведев Д.* Россия, вперед!

²³ Ссылки на события и действующих лиц отечественной истории в послании 2010 года достаточно формальны. Из четырех фрагментов, которые нам удалось выделить, 2 относятся к юбилею Великой Отечественной войны (в связи с патриотическим воспитанием молодежи и заботой власти о состоянии воинских памятников и мемориалов), 1 – упоминание имен великих людей, которые были третьими детьми в своих семьях (в контексте демографической проблемы), еще 1 – в рамках обсуждения программы модернизации (идея связи поколений).

²⁴ *Медведев Д.* Россия, вперед!

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ *Морозов В.Е.* Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 580.

²⁸ Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской академии наук. 2008. Вып. 3: Российская идентичность в социологическом измерении. М.: Институт социологии РАН, 2008 (Доступ: http://www.isras.ru/INAB_2008_3_6.html). Почти такой же список наиболее значимых исторических событий получился в 1998 году, когда было начато исследование, развед что на пятое место с рейтингом 52 проц. вышел полет в космос Юрия Гагарина (см. там же).

²⁹ Там же. В частности, «такое значимое событие, как освобождение крестьян от крепостной зависимости в 1861 году, вызывает гордость лишь у 6 проц. россиян, Октябрьская революция и установление советской власти – у 7 процентов. Выдающиеся российские цари и императрицы, а

также мощь и богатство страны в период правления династии Романовых вызывают гордость у 10 и 11 проц. россиян соответственно» (см. там же).

³⁰ Правда, исследования Фонда «Общественное мнение» показывают, что оценка обих событий населением крайне неоднозначна. См.: *Бавин П.* Февральская революция и свержение монархии: взгляд из России XXI века // Социальная реальность. 2007. № 4. С. 24–30; *Васильева Е.* Октябрьская революция: актуальный образ исторического события // Социальная реальность. 2008. № 3. С. 24–32.

³¹ Проблема «неудобного прошлого», с которой так или иначе сталкиваются многие страны, может решаться по-разному, в том числе и по «формуле умолчания» – в течение какого-то времени. См.: *Малинова О.Ю.* Консолидация политических сообществ и проблема «неудобного прошлого»: опыт стран Европы и Азии // МЕТОД: Московский ежегодник трудов обществоведческих дисциплин. Сб. науч. тр. / Ред. и сост. вып. М.В. Ильин. М.: Центр персп. методологий социально-гуманит. исследований ИНИОН РАН, 2010. Альтернативные модели формирования наций (в печати).

³² Впрочем, в последние месяцы стали наблюдаться попытки выйти за рамки узкого репертуара и примериться к символическому потенциалу исторических событий и явлений, до сих пор обделенных вниманием российских политиков. В качестве примеров можно привести выступление Медведева по случаю 150-летия отмены крепостного права на конференции в Санкт-Петербурге, проводившее параллели между Великими реформами XIX века и современной модернизацией (см.: *Медведев Д.А.* Выступление на конференции «Великие реформы и модернизация России» 3 марта 2011 года. Санкт-Петербург. Доступ: <http://news.kremlin.ru/transcripts/10506>; дата обращения 4 марта 2011 года), и выступление Бориса Грызлова в том же городе и тоже на конференции, посвященной 105-летию со дня начала работы первой в России Государственной думы, в котором Земские Соборы XVI–XVII веков провозглашались истоком исторически свойственной России суверенной демократии (см.: *Родин И.* Суверенную демократию придумал Иван Грозный // Независимая газета. 2011. 28 апр. С. 3).

В поисках «потерянных геноцидов»

В ряде стран Восточной Европы, возникших после 1989 года, правительства конструируют исторический нарратив, в котором центральное место занимает геноцид и представление своего народа как жертвы

Евгений Финкель¹

В июне 2007 года Европейский союз столкнулся с беспрецедентным кризисом: Польша пригрозила заблокировать предложение Германии, которое могло бы помочь выйти из тупика, связанного с неудачными попытками ратификации европейской Конституции. Некоторые страны прибыли на встречу ЕС на высшем уровне в Брюсселе со своими требованиями и оговорками, но польский демарш стал явным нарушением принятых правил политического торга в ЕС. Польша, присоединившаяся к ЕС только в 2004 году, настаивала на исправлении предложенной новой формулы голосования в ЕС, основанной на численности населения: польские представители утверждали, что эта формула ставит их страну в невыгодное положение из-за огромных потерь, понесенных ею во время Второй мировой войны. «Если бы Польше не пришлось пережить 1939–1945 годы, то, согласно демографическим закономерностям, сегодня она была бы страной с 66-миллионным населением. <...> Мы требуем только, чтобы нам вернули то, что у нас отняли», — заявил премьер-министр Польши Ярослав Качиньский².

В феврале 2009 года группа азербайджанских хакеров под названием *Azerbaijan*

Defacers («азербайджанские разрушители») атаковала сайт Министерства финансов Армении и официальный сайт отделившейся от Азербайджана Нагорно-Карабахской Республики. На взломанных сайтах хакеры оставляли лозунг «Геноцид, совершенный в Ходжалы³, никогда не будет забыт!», а также другую информацию о том, что Азербайджан называет геноцидом своего народа, совершенным армянами⁴. В Южной Осетии молодая местная женщина Эльмира Козаева назвала своего новорожденного сына Геноцидом в память о тех событиях, которые осетины и их российские союзники считают геноцидом, творимым Грузией в отношении осетин в течение всего XX и начала XXI века. Как сообщают российские СМИ, решение Козаевой побудило еще нескольких осетин назвать своих детей так же: мальчиков — Геноцид, девочек — Геноцида⁵.

В мае 2009 года в России была создана Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России⁶. Президент России Дмитрий Медведев заявил, что попытки фальсификации истории становятся «все более явными, злонамеренными и агрессивными»⁷ и эта новая комиссия должна противодействовать таким фальсификациям. Как ни странно, среди членов комиссии очень мало историков, но зато очень много людей, которые, по-видимому, знают, как про-

ПЕРЕВОД СТАТЬИ ЕВГЕНИЯ ФИНКЕЛЯ (EVGENY FINKEL) "IN SEARCH OF LOST GENOCIDE: HISTORICAL POLICY AND INTERNATIONAL POLITICS IN POST-1989 EASTERN EUROPE", ОПУБЛИКОВАННОЙ В ЖУРНАЛЕ GLOBAL SOCIETY (VOL. 24, ISSUE 1, 2010, P. 51–70) © 2010, TAYLOR & FRANCIS LTD. ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ TAYLOR & FRANCIS LTD (HTTP://WWW.INFORMAWORLD.COM).

тиводействовать искажению истории, таких как начальник Генерального штаба ВС России и высшие офицеры внутренних и внешних служб безопасности.

Все это примеры «исторических войн», характерных для стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) после 1989 года, последствия которых для внутренней политики этих стран и для международных отношений на сегодняшний день недостаточно изучены. Я утверждаю, что после 1989 года страны ЦВЕ и в особенности территория бывшего СССР стали зоной, где постоянно, то там, то сям, ведется «поиск потерянного геноцида». Вопрос о том, следует ли на самом деле считать геноцидом убийства и репрессии, о которых говорят официальные политические власти и пишут местные историки, выходит за рамки данной статьи. Я также не буду обсуждать здесь хорошо известные случаи геноцида, такие как Холокост и геноцид армян. Цель данной работы — обсудить, почему государства после 1989 года стремятся представить свои прошлые страдания как геноцид, а также показать, как подобная политика влияет на международное общественное мнение. Я начну с краткого анализа роли истории в посткоммунистическом транзите, а затем опишу несколько случаев «поиска потерянного геноцида» в Азербайджане, Грузии (Абхазия и Южная Осетия), государствах Балтии (Эстония, Латвия и Литва) и Украине, уделив особое внимание международным последствиям этого феномена.

Историческая политика после 1989 года

Важность истории, исторических мифов, национальной идентичности и толкований исторических фактов для построения государства признается большинством специалистов по сравнительной политике, национализму и международным отношениям. Однако в исследованиях переходных трансформаций и демократизации после 1989 года

преобладают соображения, связанные с рациональным выбором, институционализмом и характером элит⁸. Недостаточное внимание к вышеуказанным темам в литературе по общественным наукам можно объяснять разными причинами. Так, Тарас Кузио утверждает, что поскольку «в транзитологии обычно молчаливо предполагалось, что посткоммунистический переход будет следовать модели более ранних переходов, имевших место в Южной Европе и Латинской Америке», где проблемы государственного статуса и государственного строительства не играли заметной роли, в исследованиях постсоветского мира этим проблемам тоже уделялось мало внимания⁹. Кроме того, необходимо учитывать также особенности самого региона. Как утверждает Джордж Шопфлин, одна из особенностей центральноевропейской идентичности — это морализаторский и «историзирующий» подход к политике; Кэтрин Вердери пишет о «постсоциалистической некрофилии» — особенному вниманию к политически значимым трупам; Уилфрид Джилдж отмечает феномен «соствязания в численности жертв», распространенный среди посткоммунистических элит¹⁰. Кроме того, если «центральным элементом коллективной западноевропейской памяти является Холокост, в бывших коммунистических странах существует тенденция вытеснять Холокост, помещая на центральное место память о своих национальных жертвах»¹¹.

Во многих государствах ЦВЕ и бывшего Советского Союза одной из особенностей такого подхода к истории и политике является активное и скоординированное участие политических элит в создании нужных им исторических мифов и нарративов. Последние становятся мощным инструментом строительства государства: они обеспечивают государству внутреннюю и внешнюю легитимность, объединяют и мобилизуют общество. Такие скоординированные усилия

в сфере исторического мифотворчества были точно обозначены польским ученым и советником президента Качиньского Мареком Чихоцким как «историческая политика» (*polityka historyczna*)¹². По его определению, «историческая политика» представляет собой «непрерывное стимулирование обсуждения прошлого посредством различных форм его институционализации». По мнению Чихоцкого, у исторической политики много аспектов, но основной тезис таков: «Мы не можем оставить историю историкам, и память должна оставаться живой субстанци-

сах, таких как убийство тысяч польских военнопленных советским НКВД в Катюни в 1940 году. Однако наряду с убийствами в Катюни и потерями, понесенными Польшей во время нацистской оккупации, есть трагедии и темы, которые, по соображениям политической целесообразности, преднамеренно исключаются из проекта исторической политики. Так, например, этническая чистка с уничтожением тысяч польских гражданских лиц украинскими националистами (Волынская резня) редко становится предметом серьезных политических дискуссий.

“Участие политических элит в создании нужных им исторических мифов обеспечивает государству легитимность, объединяет и мобилизует общество”.

ей любой политики»¹³. «Политика в отношении прошлого» является, по существу, «политикой в отношении настоящего»¹⁴.

В Польше, где родился термин «историческая политика», наиболее ярким ее проявлением является деятельность Института национальной памяти (ИНП) и Комиссии по расследованию преступлений против польского народа. Это мощные инструменты внутренней политики, хотя следует отметить, что ИНП был создан в 2000 году, еще до того, как был четко определен термин «историческая политика». Подобные институты и организации были созданы и в других государствах ЦВЕ, таких как Словакия, Чехия и Украина. На политическом уровне проект исторической политики, который часто связывают с партией братьев Качиньских «Право и Справедливость» (*Prawo I Sprawiedliwość*), в предыдущие годы проявлялся в резких анти-немецких и антироссийских политических позициях польского правительства¹⁵. Еще одним проявлением исторической политики стало постоянное внимание к ожесточенным дискуссиям об острых исторических вопро-

Одним из основных, может быть, даже основным аспектом исторической политики является концентрация внимания на понесенных жертвах и перенесенных страданиях. Как отмечает Алексей Миллер, историческая политика вообще может проводиться только с позиции жертвы, поскольку она явным образом требует использования прошлых страданий не только как внутренней мобилизующей силы, но также и для «экспорта вины»¹⁶ на международную арену. Подобный «экспорт» имеет целью обрести международную легитимность и мощный рычаг влияния, который затем можно использовать в ходе различных международных взаимодействий. В предельном случае концентрация на прошлых страданиях превращается в сотворение «национального Холокоста» — политики, широко используемой во многих посткоммунистических государствах, прежде всего в бывших республиках СССР.

На всем огромном пространстве от Эстонии на севере до Казахстана на юге вряд ли найдется страна, в которой власти или оппозиция не рассматривали бы всерьез

идею официального признания прошлых страданий как геноцида. В стремлении продемонстрировать, что исторический контекст в самом деле соответствует юридическому определению этого понятия, представленному в Конвенции ООН по предотвращению и наказанию геноцида, они нередко проявляют большую изобретательность. Следует еще раз подчеркнуть, что потери и трагедии, оцениваемые этими странами как геноцид, являются реальными, хотя не каждая такая трагедия подпадает под юридическое определение геноцида. Понятно, что историческая

геноцид, учиненный Советами и их еврейскими пособниками¹⁸. Кроме того, многие посткоммунистические страны и все бывшие республики СССР получили (или в некоторых случаях вернули себе) независимость лишь недавно, а, как показывает международная практика, для легитимации независимости гуманитарная трагедия, в частности геноцид, является сильнейшим аргументом¹⁹. Поскольку аргумент о геноциде обладает огромной моральной и юридической силой, политики нередко применяют этот термин без достаточных оснований и преувеличива-

“На внутригосударственном уровне официальное обозначение прошлых событий как геноцида часто углубляет раскол в обществе и ведет к еще большей поляризации”.

политика не обязательно требует сотворения «национального Холокоста»¹⁷: это всего лишь частный, хотя и крайний случай подчинения истории политике. Существует много способов реализации исторической политики и без создания постфактум мифов и нарративов о геноциде. Однако иногда бывает чрезвычайно трудно преодолеть искушение использовать такое сильнодействующее понятие для достижения политических целей.

Почему политики так упорно стремятся к тому, чтобы трагедии, пережитые их странами в прошлом, были признаны именно геноцидом? Ответ на этот вопрос связан с тем, какое место занимает понятие геноцида в современной политике, с его особой нормативной и практической ролью. Во-первых, превращение в жертву геноцида дает возможность не брать на себя ответственность за несправедливости и преступления, совершенные представителями «пострадавшей нации». Сотрудничество с нацистами и участие в Холокосте, согласно популярной ныне теории, были просто актами мести за

юют число жертв геноцида, пользуясь тем, что данное юридическое понятие имеет широкое и размытое значение.

Политическое и риторическое использование этого слова часто не имеет никакого отношения к научным определениям и спорам. В современном политическом дискурсе и отдельные политики, и целые группы обращаются к этому взрывоопасному термину при описании самых разных проблем, от СПИДа до рыночных реформ²⁰. И если «требование признать себя жертвой — это оружие слабого, то требования признать геноцид — это просто “серебряная пуля”»²¹. Группы сепаратистов, утверждает Брайан Гродски, могут использовать заявления о геноциде, чтобы подчеркнуть невозможность мирного сосуществования с государством, от которого они хотят отделиться²². Кроме того, даже после обретения независимости лидеры часто выдвигают аргумент геноцида: чтобы оправдать свое независимое существование, создать собственную национальную идентичность и исторический нарратив, которые сделают невозможным возвращение к прежнему поли-

тическому порядку²³. Однако чтобы стать эффективным политическим инструментом, такая трактовка должна быть не только воспринята и усвоена гражданами данной страны, но и признана другими странами²⁴.

Огромный стимул для того, чтобы представить прошлую трагедию как геноцид — это важные политические последствия такого признания, как внутренние, так и международные. На внутрисоветском уровне официальное обозначение прошлых событий как геноцида часто углубляет раскол в обществе и ведет к еще большей поляризации. Кроме того, институционализация памяти вводит ограничения в сфере исторических исследований и политического дискурса. Официально санкционированные оценки исторических фактов могут использоваться (и часто используются) для дискредитации политических противников и объявления сторонников других взглядов или членов «не тех» групп врагами нации и прислужниками иностранных держав. Кроме того, вероятно, нет лучшего способа внедрить нужную концепцию трагедии, чем назвать ее геноцидом. В недавно возникших государствах воздействие таких установок особенно эффективно, поскольку «в стране без истории будущее выигрывает тот, кто формирует память, определяет понятия и интерпретирует прошлое»²⁵.

Проект исторической политики, в основе которого — конструирование нарратива о геноциде, не только формирует внутреннюю политику; он также может иметь серьезные последствия на международном уровне. Государства, которые утверждают, что пережили геноцид, прилагают значительные усилия, чтобы добиться международного признания своих трагедий. Для достижения этой цели они используют следующие стратегии, обращенные во внешний мир:

- добиваются, чтобы пережитый ими геноцид был подтвержден международными

организациями, такими как Организация Объединенных Наций, Европейский союз или Совет Европы;

- добиваются, чтобы геноцид был формально подтвержден иностранными государствами;
- ведут международные кампании, часто возглавляемые или поддерживаемые неправительственными организациями и группами диаспоры, по расширению глобального признания пережитого ими геноцида;
- инициируют судебные иски против предполагаемых преступников, как частных лиц, так и государств, во внутренних и международных судах.

Кроме того, даже когда попытки добиться признания геноцида заканчиваются неудачей, у международного сообщества все равно не остается выбора: заявления о геноциде приходится обсуждать, и тем самым они становятся неотъемлемой частью глобального контекста, связанного с данной страной. Следует также помнить, что «экспорт вины», в рамках которого конкретные события и политика представляются как геноцид, обычно вызывает резкую реакцию государства, обвиненного в совершении геноцида. В результате раскручивается спираль взаимных обвинений, дипломатических конфликтов и «сражений за прошлое», которые, вообще говоря, могут превращаться и в реальные войны.

«Постгеноциды» на постсоветском пространстве

Государства (и квазигосударства), расположенные на территории бывшего Советского Союза, можно разделить на две основных категории на основании того, как они используют понятие геноцида в представлении, признании и классификации трагедий прошлого²⁶. В одной группе государств перенесенные в прошлом страдания при-

знавались актом геноцида в официальном дискурсе, но это признание не имело практических последствий. Одно из таких государств — Казахстан. Как указывает Сара Кэмерон, в конце 1980-х годов казахские историки и демографы «обнаружили», или, точнее, им было разрешено обратить внимание на болезненную в политическом отношении тему голода 1930–1933 годов. К моменту обретения независимости и в начале 1990-х казахский голод стал предметом серьезных академических исследований: историки, демографы и политики широко

ных государствах и исходят как от членов правящих политических элит, так и от оппозиции. Например, исламская оппозиция в Узбекистане обвиняет правительство президента Ислама Каримова в геноциде в отношении местного мусульманского населения²⁸. В Молдове местные националисты обвиняют политические силы, требующие объединения с Румынией, в попытках развязать геноцид против крошечного нацменьшинства гагаузов²⁹. В Чечне и сепаратисты, и федеральные власти постоянно обвиняли друг друга в актах геноцида против чеченцев

“С 1998 года власти Азербайджана прилагают значительные усилия, чтобы резня в Ходжалы была признана актом геноцида на международном уровне”.

обсуждали эту тему. Для изучения этой проблемы правительство создало официальную комиссию, которая пришла к выводу, что от голода в этот период погибло более двух миллионов человек. Проводились церемонии поминовения жертв, публиковались бесчисленные газетные и журнальные статьи, были попытки создания институтов и организации символического суда над лидерами Коммунистической партии эпохи Сталина, предложения об установке памятников и активном использовании слова «геноцид». Однако с середины 1990-х годов научный и общественный интерес к этой теме стал снижаться, и многие монументы, которые должны напоминать о казахском голоде, так и остались недостроенными. Но казахский голод все же описывается в учебниках истории в Казахстане, и часто его называют «геноцидом Голощекина» (по фамилии тогдашнего руководителя Коммунистической партии Казахстана)²⁷.

Требования официально признать ту или иную политику или те или иные действия геноцидом постоянно выдвигаются в раз-

и русских соответственно³⁰. Подобные сообщения часто появляются в новостях, но их влияние, разумеется, несопоставимо с государственным. Если решение о том, чтобы представить и признать некий акт геноцидом, принимается на официальном уровне, то государство использует свои огромные административные, юридические, политические и образовательные ресурсы, чтобы добиться этого признания и внутри страны, и за ее пределами.

Почему же одни государства стремятся представить свои страдания как геноцид, а другие воздерживаются от этого? К сожалению, местные ученые пока не обратили должного внимания на этот вопрос. В некоторых случаях, например в России, причина в том, что доминирующий исторический миф военной силы, статуса сверхдержавы и победы во Второй мировой войне трудно совместить с позицией бессильной жертвы (а требование признать факт геноцида подразумевает именно такую позицию). В других странах власти эксплуатируют другие, более мощные источники внутренней легитимно-

сти и мобилизации, например, клановые или персоналистские системы распределения благ. Значительную роль могут играть также такие факторы, как наличие сильной диаспоры, которая часто активно способствует поиску прошлых геноцидов, или важность отношений с государством или нацией, которую следовало бы обвинить в совершении геноцида. В целом, однако, можно предположить, что чем выше уровень внешней угрозы государству, реальной или воображаемой, и чем больше потребность элит в единении с народом, тем более вероятна принадлежность страны ко второй категории.

Эта вторая группа государств состоит из стран, которые официально считают свои трагедии геноцидом. В разных странах подобная позиция может иметь разные политические последствия; формы сохранения памяти также отличаются друг от друга, как и реакция международного сообщества на стремление той или иной нации считать себя жертвой геноцида. В следующих разделах мы познакомимся с несколькими такими государствами и международными последствиями их притязаний на статус жертвы геноцида.

Азербайджан: Ходжалы — самая большая трагедия XX столетия

Азербайджан — интересный и важный пример постсоветского конструирования исторического нарратива. «Обретение независимости Республикой Азербайджан позволило восстановить объективную картину прошлого нашего народа. Истины, которые долгие годы держались в тайне, подавлялись и запрещались, выходят наружу, и открывается реальность, подкрепленная фактами, которые когда-то были фальсифицированы. Одной из неизученных страниц истории является геноцид, который неоднократно совершался в отношении азербайджанского населения [армянами] и который на протяжении долгого времени не получал надле-

жащей политической и юридической оценки», — гласит декрет, изданный в марте 1998 года президентом Азербайджана Гейдаром Алиевым³¹. Декрет провозглашал 31 марта официальным днем поминовения — Днем геноцида азербайджанцев. Упомянутая выше резня в Ходжалы (в этом документе «геноцид Ходжалы»), которая произошла во время войны между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха, оценивается как одна из самых больших трагедий в истории азербайджанского народа. Другие общественные деятели в Азербайджане в своих оценках трагедии Ходжалы идут еще дальше, называя ее «величайшей и самой ужасной трагедией XX столетия»³².

Ходжалы — маленький городок в Нагорном Карабахе, в котором тогда было примерно 6 тыс. жителей, среди которых преобладали этнические азербайджанцы и турки-месхетинцы³³. Ходжалы был стратегически важным центром, здесь располагался единственный в Карабахе аэропорт. Ночью 25 февраля 1992 года, в четвертую годовщину армянских погромов в азербайджанском городе Сумгаите, армяне напали на город и захватили его, убив много гражданских лиц³⁴. Согласно официальным азербайджанским оценкам, было убито 613 гражданских лиц (среди них 106 женщин и 83 ребенка), тысячи были ранены, взяты в заложники или стали беженцами³⁵. Армяне оспаривают список убитых, утверждая, что убийства произошли из-за того, что азербайджанские боевики перемешались с беженцами.

В 1998 году власти Азербайджана официально признали резню в Ходжалы геноцидом, и с тех пор прилагаются значительные усилия для того, чтобы эта трагедия была признана актом геноцида на международном уровне. Одна из стратегий руководства Азербайджана состояла в том, чтобы институционализировать этот геноцид, сделав 31 марта официальным днем поминовения.

В этот день в Азербайджане проводятся специальные церемонии, на которых обычно присутствуют высшие государственные официальные лица, и такие же церемонии организуют дипломатические представители Азербайджана в других государствах. Эти скоординированные усилия позволили добиться впечатляющих результатов: например, в 2008 году специальные мероприятия, посвященные памяти жертв геноцида в Ходжалы, прошли в 60 городах по всему земному шару, от Сиднея до Праги и Нью-Йорка ³⁶.

Оценку резни в Ходжалы как геноцида продвигают не только дипломатические представители Азербайджана, особая роль в этом принадлежит группам азербайджанской диаспоры, а также гораздо более влиятельной и многочисленной турецкой. Внимание турецкой диаспоры и турецкого государства к геноциду в Ходжалы может объясняться не только братскими отношениями между азербайджанским и турецким народами, но также и стремлением турок преуменьшить значимость политических баталий по поводу признания геноцида армян, совершенного Османской империей. Не удивительно, что когда проблема Ходжалы была поднята в американском Конгрессе, конгрессмен от Индианы Дэн Бертон указал на явную связь между этими событиями:

«Из года в год в апреле многие выдающиеся члены Конгресса приходят в эту Палату, чтобы вспомнить так называемый “геноцид армян”, точные детали которого еще и сейчас, спустя почти 90 лет после тех событий, являются предметом споров. Парадоксально и трагично то, что ни один из участников этих мероприятий ни разу не упомянул этническую чистку, учиненную армянами во время войны между Арменией и Азербайджаном, которая имела место всего десять лет назад» ³⁷.

Стремление Бертона поднять проблему Ходжалы на Капитолийском холме поддержали другие члены Конгресса США, такие как Билл Шустер из Пенсильвании и Зо Лофгрэн из Калифорнии. Хотя, в отличие от армянского геноцида, Ходжалы так и не стал в США политически значимой проблемой, тем не менее перед нами пример все более популярной международной тенденции: страны пытаются добиться от иностранных держав формального признания определенных трактовок истории и превратить законодательные органы в поля сражений за чужое прошлое.

Еще одна страна, которую Азербайджан пытается склонить к признанию геноцида Ходжалы, это Израиль — хрестоматийный образец государства после геноцида, политический, а для некоторых и моральный авторитет в вопросах геноцида, исторической памяти и коммеморации. Так, 21 апреля 2009 года (в очередную годовщину восстания в Варшавском гетто) президент Алиев обратился к еврейскому сообществу Азербайджана, недвусмысленно представив геноцид в Ходжалы как неусвоенный урок Холокоста ³⁸. В 2008 году Конгресс азербайджанцев в Израиле ³⁹ убеждал израильских чиновников воздержаться от «обсуждения так называемого геноцида армян», утверждая, что реальные жертвы геноцида — азербайджанцы, а не армяне. В израильском парламенте был организован «круглый стол», посвященный геноциду в Ходжалы ⁴⁰. По словам высокопоставленного азербайджанского чиновника, в различных музеях Холокоста должны быть созданы специальные секции, посвященные геноциду в Ходжалы, чтобы лучше «информировать международное сообщество об армянской агрессии против Азербайджана и добиваться обсуждения этого факта в парламентах и в политических кругах по всему миру» ⁴¹.

Азербайджан также приложил много усилий для того, чтобы ввести проблему

Ходжалы в повестку дня различных международных организаций. Оставшиеся в живых жители Ходжалы и беженцы, с помощью властей Азербайджана, постоянно обращаются к Генеральной Ассамблее ООН и в Совет Безопасности с требованиями признать эту резню геноцидом. Книги и подборки документов, касающиеся трагедии Ходжалы, распространяются среди членов ПАСЕ, а в Европейском парламенте проводятся специальные мероприятия. Двадцать девять членов ПАСЕ из Великобритании, Норвегии, Польши и других государств подписали документ о признании геноцида Ходжалы, а Молодежный форум Организации Исламская конференция организовал международную кампанию «Правосудие для Ходжалы». Азербайджанские чиновники стараются упомянуть о геноциде на каждом мероприятии, в котором они участвуют, и привлекают к нему внимание любой аудитории, к которой они могут обратиться ⁴².

В самом Азербайджане после обретения независимости Ходжалы стал одним из главных столпов национальной идентичности. При том огромном внимании, которое уделяется этой проблеме на официальном уровне, любая критическая оценка этой версии становится невозможной и даже опасной. Например, журналист Эйнулла Фатуллаев, критиковавший действия правительства Азербайджана во время сражения в Ходжалы, был приговорен к двум с половиной годам тюрьмы за оскорбление памяти жертв. Кроме того, как отметил Гродски, если обе стороны конфликта предъявляют друг другу обвинения в геноциде, вероятность мирного урегулирования существенно уменьшается ⁴³. Есть основания полагать, что подобная официальная точка зрения на геноцид еще более осложняет разрешение затяжного военного конфликта на Южном Кавказе, имеющем важное международное значение и богатом нефтью.

Грузия — земля трех геноцидов

Судя по заявлениям российских, грузинских, абхазских и осетинских властей, Грузия, маленькое государство в Закавказье, ставшее всемирно известным в связи с «революцией роз» и войной против России летом 2008 года, — вероятно, самое «геноцидоопасное» место на земном шаре. Если суммировать утверждения разных сторон, с 1989 года здесь имели место, по крайней мере, три геноцида. Два из них были устроены грузинами против абхазцев и осетин ⁴⁴, а третий был организован абхазцами и их российскими союзниками против этнических грузин.

Грузино-абхазский конфликт вспыхнул на фоне распада СССР, когда грузинские националисты потребовали независимости от СССР, а абхазцы — независимости от Грузии. В 1992 году, после того, как Тбилиси послал в Абхазию войска, чтобы предотвратить раскол, политический конфликт превратился в полномасштабную войну. На территории протогосударства Абхазия, где этнические абхазцы составляли только пятую часть населения, в 1993 году произошли особенно жестокие столкновения, которые привели к появлению десятков, если не сотен тысяч беженцев. Абхазцы бежали в Россию, а грузины из этой отколовшейся области бежали во внутренние районы страны, находящиеся под контролем Тбилиси. Осенью 1993-го, под шум обвинений в получении российской помощи, абхазские сепаратисты «освободили» свою территорию от власти Грузии. А в следующем году Абхазия объявила себя независимой ⁴⁵.

После этого военного конфликта обе стороны постоянно выдвигают взаимные обвинения в геноциде. Для абхазцев изображение войны как борьбы против геноцида (с превращением, таким образом, сепаратистского конфликта в гуманитарную проблему) стало ключевым аргументом, который призван оправдать их стремление к независимости.

Кроме того, обвинения в геноциде широко использовались Сухуми для получения международной — но прежде всего российской — политической и военной поддержки. «Народ Абхазии подвергся геноциду», — говорил президент Абхазии в 2007 году, утверждая, что воссоединение с Грузией равносильно национальному самоубийству⁴⁶. Советник абхазского правительства по внешней политике Вячеслав Чирикба охарактеризовал грузинскую политику по отношению к этому региону как «абхазский Холокост» и «попыт-

обращались и в другие структуры ООН, в частности, к Генеральному секретарю и в Комиссию по правам человека, и требовали международного судебного расследования. Лидеры Абхазии также требовали, чтобы Совет Безопасности ООН осудил кампанию геноцида со стороны Грузии, и прилагали все усилия, чтобы дезавуировать грузинские обращения»⁵⁰.

Грузия также потребовала формального признания геноцида от ОБСЕ, которая действительно признала, что в Абхазии

“Сталинские репрессии, массовые высылки в Сибирь и кампания коллективизации — все это Балтийские государства считают компонентами советского геноцида”.

ку “окончательного решения” абхазского вопроса»⁴⁷.

Не удивительно, что грузинские власти противопоставили абхазским обвинениям свои собственные обвинения в геноциде. «То, что совершили абхазские сепаратисты в отношении грузин, при явной помощи внешних сил, должно классифицироваться как преступление против человечности, геноцид и вандализм», — утверждал президент Грузии Эдуард Шеварднадзе⁴⁸. В 1993 году была создана правительственная комиссия, которая должна была собрать материалы по геноциду и добиваться суда над преступниками в специальном Международном трибунале⁴⁹.

С тех пор попытки разрешить этот конфликт постоянно сопровождаются обвинениями и контробвинениями в геноциде. Грузинские власти «неоднократно — и безуспешно — обращались в Совет Безопасности ООН с целью добиться признания геноцида этнических грузин. По крайней мере, отчасти эти обращения в ООН были мотивированы верой в то, что признание геноцида может означать возможность использования силы для разрешения конфликта. Они

имела место этническая чистка, но, к огорчению Тбилиси, не решилась, однако, обозначить эти события как геноцид. В 2003 году Тбилиси объявил о своем намерении обратиться с иском по поводу геноцида в Гаагский суд. В 2006-м представитель Грузии в ООН Реваз Адамия открыто обвинил Россию в соучастии в геноциде в Абхазии⁵¹. Однако самым важным следствием политики, которая строится на признании геноцида, является то, что она безусловно блокирует сколько-нибудь существенное продвижение к разрешению конфликта. После «революции роз» премьер-министр Грузии Зураб Жвания утверждал, что его правительство не будет вести переговоры с абхазцами, пока они не признают геноцид 1993 года. Власти Сухуми, со своей стороны, в качестве предварительного условия для переговоров потребовали, чтобы Грузия признала геноцид в отношении абхазцев⁵².

Южная Осетия — еще одна отделившаяся область, в которой широко используется термин «геноцид». Как и абхазцы, южные осетины не поддерживали стремление грузин к независимости и надеялись на сохранение

СССР или на объединение со своими братьями, живущими в Северо-Осетинской автономной республике России. После военного конфликта с Грузией в начале 1990-х годов осетинские лидеры активно разыгрывали карту геноцида, чтобы оправдать стремление области к самоопределению. Хотя число погибших осетин составляет, по разным данным, от двух до трех тысяч⁵³, утверждалось, что для такой маленькой нации любые потери фактически эквивалентны геноциду⁵⁴. Обвинения в геноциде также активно использовались руководством Южной Осетии для отказа от любых серьезных переговоров с Грузией: осетины требовали официального признания геноцида в качестве предварительного условия для переговоров⁵⁵.

Хотя Южная Осетия сделала несколько попыток добиться широкого международного признания геноцида в отношении осетин, их аргументы и требования были в первую очередь обращены к России. И когда в августе 2008 года грузинские войска попытались захватить Цхинвал, Россия послала в Южную Осетию вооруженные силы, утверждая, что она вступает в войну, или, как говорилось в официальных заявлениях, участвует в операции по «принуждению к миру», чтобы защитить южных осетин от геноцида. Невозможно оценить, насколько искренне Кремль полагал, что в Осетии действительно имел место геноцид, но даже если имело место циничное злоупотребление этим аргументом, с этого момента стало невозможно говорить о конфликте в Закавказье и связанной с ним угрозе новой холодной войны, не затрагивая проблему геноцида.

Кроме того, когда президент Медведев представил геноцид как одну из основных причин признания независимости Южной Осетии и Абхазии, у руководителей других стран не осталось иного выбора, как вступить в обсуждение этой проблемы⁵⁶. В Осетии Кремль также решил инициировать уголов-

ное расследование предполагаемого геноцида. Российские правоохранительные органы начали собирать доказательства геноцида со стороны грузин, которые предполагалось использовать при расследовании действий грузинского руководства в Международном уголовном суде. Не удивительно, что такие свидетельства были тут же найдены российским Следственным комитетом, который зафиксировал убийства 162 осетин – гражданских лиц⁵⁷. Другой судебный процесс, на сей раз Грузии против России, был инициирован в Международном суде в Гааге⁵⁸.

Государства Балтии: память плюс преследование

В Литве, Латвии и Эстонии многие рассматривают коммунистическую эпоху, и особенно 1940-е годы, как период советского геноцида против местного населения⁵⁹. Кроме того, некоторые балтийские интеллектуалы и политические фигуры, такие как видный литовский писатель Йонас Микелинскас, утверждали, что этот регион пережил «двойной геноцид»: один со стороны Советов, а другой – Холокост, учиненный нацистской Германией. Сторонники этой теории, которая стала очень популярной в середине 1990-х годов, утверждали, что литовские евреи активно участвовали в репрессиях в отношении местного населения и поэтому его сотрудничество с нацистами и участие в Холокосте было просто актами мести⁶⁰. Политические репрессии сталинского НКВД, массовые высылки в Сибирь и кампании коллективизации – все это Балтийские государства считают компонентами советского геноцида. Однако, в отличие от других постсоветских стран, Латвия, Литва и Эстония не прилагали больших усилий, чтобы добиться формального международного признания этого геноцида и выбрали стратегию сохранения памяти, расследований и привлечения к суду.

Важной частью этой стратегии стало создание специальных комиссий и исследовательских групп для сбора информации о советских репрессиях. Так, в 1992 году в Эстонии была создана Государственная комиссия по изучению репрессивной политики. В 2005-м результаты работы этой комиссии были опубликованы эстонскими властями под названием «Белая книга: потери, причиненные эстонской нации оккупационными режимами в 1940–1991 годы». В «Белой книге» советская политика по отношению к Эстонии была обозначена как геноцид. Во время нацистской оккупации Эстония тоже подверглась террору, «но в отношении населения Эстонии он не был столь массовым, как в годы коммунистического правления»⁶¹. Кроме того, этот документ категорически отвергает какую-либо причастность эстонского населения к Холокосту, заявляя, что в Эстонии, в отличие от других стран, нацистам не удалось побудить эстонцев уничтожать людей других национальностей⁶². Подобные комиссии были созданы также в Литве (Международная комиссия по оценке нацистских и советских оккупационных режимов в Литве) и Латвии (Латвийская историческая комиссия). Органы расследования, такие как литовский Центр исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы, взяли на себя примерно ту же роль, что и польский Институт национальной памяти. Были также созданы музеи оккупации и геноцида. Следует отметить, что в литовском Музее геноцида почти полностью отсутствуют упоминания о Холокосте, практически все внимание уделяется только сталинским репрессиям. Не удивительно, что отказ Балтийских государств разобраться в собственном прошлом, вытекающий из восприятия самих себя только как жертв, пострадавших, вызвал серьезную международную критику их политики⁶³. Кроме того, поскольку государства Балтии стали членами

НАТО и ЕС, их историческая политика и ее международные последствия начинают оказывать влияние на сами эти организации.

В 2007 году эстонское правительство приняло решение переместить с площади Тынисмяги в центре Таллина памятник «Бронзовый солдат». Многие местные жители воспринимали памятник как символ советской оккупации, сопровождавшейся геноцидом; иногда его называли памятником «неизвестному насильнику в советской военной форме»⁶⁴. Решение перенести памятник в другое место вызвало уличные протесты по всей Эстонии. Двусторонний конфликт между Эстонией и Россией стремительно превратился в конфликт между Россией и ЕС, несмотря на нежелание Брюсселя портить отношения с Кремлем. После того как посольство Эстонии в Москве стало объектом постоянной агрессии и семьям дипломатов пришлось эвакуироваться из России, ЕС не оставалось ничего другого, как вмешаться в конфликт, недвусмысленно встав на сторону государства-члена ЕС. Кроме того, из-за особенностей процесса принятия решений в ЕС, под угрозой оказалась вся система отношений ЕС с Россией⁶⁵. К этому добавились кибератаки российских хакеров на эстонские правительственные сайты, которые вызвали беспокойство не только в Эстонии, но и в НАТО в целом. «Это проблема, представляющая непосредственную угрозу нашей безопасности, мы относимся к этому очень серьезно... Это затрагивает глубинные основы деятельности альянса», — сказал официальный представитель НАТО⁶⁶.

Наряду с мемориальными акциями, власти государств Балтии также ведут политику судебного преследования людей, участвовавших в депортациях и репрессиях в советскую эпоху, обвиняя их в геноциде и преступлениях против человечества. Как отмечает Ритис Саткаускас, к 2000 году в

одной только Литве был инициирован 91 процесс против тех, кто осуществлял советские репрессии в послевоенный период, и примерно столько же в Латвии и Эстонии. Осужденные, как правило, получают условные приговоры, но некоторые все же попадают в тюрьму⁶⁷. Эти процессы по поводу геноцида в большинстве своем прошли незаметно для международного сообщества, хотя некоторые из них все же имели международный резонанс⁶⁸. В 2007 году власти в Таллине возбудили процесс против Арнольда Мери, бывшего высокопоставлен-

сятипятiletний Кононов был признан виновным и приговорен к шести годам тюрьмы. В 2004 году Верховный суд Латвии смягчил приговор, сократив срок заключения до двадцати месяцев. Кононов, которого активно поддерживала Россия, обвинявшая Латвию в реабилитации нацизма, обратился в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в Страсбурге. В июле 2008 года ЕСПЧ полностью отменил решение латвийского суда и оправдал ветерана⁶⁹.

Однако Россия — не единственное государство, вовлеченное в конфликты, свя-

“В литовском Музее геноцида почти полностью отсутствуют упоминания о Холокосте, практически все внимание уделяется только сталинским репрессиям”.

ного чиновника Коммунистической партии Эстонии и советского ветерана Второй мировой войны, удостоенного наград. 88-летний Мери обвинялся в геноциде, поскольку в марте 1949 года участвовал в депортации населения с острова Хийумаа. В отличие от многих предыдущих процессов, суд над Мери освещался в международной печати, главным образом, из-за высокого личного статуса ответчика и острой реакции на этот процесс в Москве. Однако в связи со смертью Мери в марте 2009 года процесс был прекращен.

В Латвии наибольшую международную известность получил процесс Василия Кононова. Кононов, советский партизан Второй мировой войны и полковник милиции в отставке, был подвергнут судебному преследованию по обвинению в геноциде и военных преступлениях за убийство девяти латвийских гражданских лиц, включая нескольких женщин, подозревавшихся в сотрудничестве с нацистами, во время карательной операции в деревне Мазе Бати (*Mazē Bati*) в мае 1944 года. В 1998-м семиде-

занные с расследованиями актов геноцида и соответствующими процессами. В июне 2007 года генеральная прокуратура Литвы обратилась к своим израильским коллегам за помощью в расследовании в отношении д-ра Ицхака Арада, бывшего председателя правления мемориального центра «Яд Вашем» (Израильское управление по увековечиванию памяти о Холокосте). Литва подозревала Арада в преступлениях против человечности, таких как «убийства гражданских лиц, военнопленных, убийства литовских партизан, которые были предположительно совершены во время службы упомянутого лица в советском НКВД»⁷⁰. Арад, известный историк, переживший Холокост, партизан Второй мировой войны и бригадный генерал израильской армии в отставке, категорически отверг эти обвинения. Как и ожидалось, Израиль отказался от сотрудничества с Литвой в этом вопросе. В связи с этим иском по всему миру прокатилась волна протестов и публикаций в СМИ, в которых ставился вопрос, намерена ли Литва сделать объектом преследований тех, кому удалось пережить

Холокост. Понятно, что это стало серьезной угрозой для международной репутации этой страны⁷¹. Руководители Всемирного еврейского конгресса обратились к премьер-министру Литвы с настойчивой просьбой «воздержаться от преследований героев эпохи Холокоста»⁷². В конце концов литовские власти прекратили преследование Арада⁷³.

Поскольку большинству фактических и потенциальных ответчиков по делам и расследованиям в связи с этим геноцидом сейчас уже за 80 или даже за 90 лет, правовой аспект в конструировании нарратива о геноциде в государствах Балтии в ближайшие годы сойдет на нет. Однако представление советской оккупации как геноцида может иметь серьезные политические последствия для европейского континента в целом. Из-за различий в восприятии Второй мировой войны европейские государства и международные организации уже сейчас участвуют в острых дискуссиях вокруг этого ключевого элемента послевоенной европейской идентичности. Недавнее решение ПАСЕ, фактически приравнявшее сталинизм к нацизму⁷⁴, — лишь одно из проявлений этого процесса, который затрагивает не только ОБСЕ, но также ЕС и НАТО, особенно когда речь идет об отношениях с Россией. Представление советского правления как геноцида в официальной риторике некоторых постсоветских стран ведет к отчуждению местного русскоязычного населения, поскольку их начинают воспринимать как потомков оккупантов и преступников. Уличные волнения в Таллине в связи с перенесением «Бронзового солдата» ясно продемонстрировали способность и готовность значительной части русскоязычного меньшинства бросить властям недвусмысленный вызов по поводу исторических символов, и потенциал для новых уличных столкновений, кибератак и дипломатических войн остается высоким.

«Украина помнит, мир признаёт»⁷⁵

Голодомор — искусственно вызванный голод 1932–1933 годов — расценивается украинцами как самый трагический эпизод в их истории⁷⁶. В советскую эпоху Голодомор оставался одним из «белых пятен» в истории, на протяжении многих десятилетий сам факт голода держался в строжайшей тайне. С конца 1980-х различия в оценке этого трагического периода резко разделили украинское общество на тех, кто добивался демократизации, с одной стороны, и сторонников коммунистического правления — с другой. Это неудивительно, поскольку сам термин «Голодомор» был предложен Иваном Драчом, одним из основателей оппозиционного движения «Рух»⁷⁷. Украинские национал-демократы утверждали, что голод начала 1930-х годов был преднамеренной акцией, направленной против украинцев, в то время как их противники отрицали наличие этнической мотивации в этой катастрофе⁷⁸. В конце 1980-х Голодомор стал мощным оружием в руках тех, кто боролся за отделение Украины от СССР. Фильм, описывающий ужасы голода, демонстрировался по украинским телевизионным каналам накануне референдума по вопросу о независимости республики⁷⁹. В 2003 году парламент Украины официально объявил Голодомор актом геноцида против украинского народа, совершенным режимом Сталина⁸⁰. Президент Кучма также объявил 22 ноября Днем памяти жертв Голодомора. Однако эти церемонии поминовения были предназначены в первую очередь «на экспорт»⁸¹.

«Оранжевая революция» изменила отношение официальных властей к Голодомору. В 2006 году украинский парламент принял закон, признающий Голодомор геноцидом. Правительство Украины официально объявило 2008 год «Годом памяти жертв Голодомора»; в ноябре того же года в Киеве была установлена огромная «Свеча Памяти» — монумент высотой 35 метров.

Медленно, но неуклонно Голодомор стал занимать исключительное положение как один из центральных компонентов украинской идентичности. В 2003 году только 40 проц. украинских граждан считали, что Голодомор — это «геноцид, совершенный большевистскими властями против украинского народа», а 13 проц. респондентов никогда не слышали об этом голоде. В 2007-м картина была уже совсем другой: 72,4 проц. полагали, что голод был организован преднамеренно, и более 63 проц. были согласны с тем, что Голодомор следует считать геноцидом⁸².

“В советскую эпоху Голодомор оставался одним из «белых пятен» в истории, на протяжении многих десятилетий сам факт голода держался в **строжайшей тайне**”.

Наряду с сохранением памяти внутри страны, главным приоритетом для украинских властей стало обеспечение международного признания Голодомора в качестве геноцида. В этом Украина преуспела больше, чем Азербайджан, Грузия и отколовшиеся от нее республики или Балтийские государства. На момент написания данного текста Голодомор признали геноцидом законодательные органы США, Канады, Мексики, Аргентины, Австралии, Италии, Польши, Венгрии и ряда других европейских и латиноамериканских государств⁸³. В некоторых государствах вопрос о признании Голодомора геноцидом вызвал горячие политические споры. Например, парламент Словакии принял декларацию, характеризующую этот голод как «массовое убийство», но не как «геноцид», несмотря на усилия некоторых местных законодателей и президента Украины Ющенко, который побуждал Словакию признать этот голод геноцидом⁸⁴.

Чтобы шире информировать мир о Голодоморе, Украина начала широкомасштабную кампанию под лозунгом «Украина

помнит, мир признаёт»⁸⁵. Было предпринято несколько попыток убедить Израиль признать Голодомор геноцидом. Однако, к разочарованию Киева, израильские власти раз за разом отказывались это сделать. В апреле 2007 года Израиль даже отклонил просьбу Ющенко прибыть в Израиль и выступить с речью в День памяти жертв Холокоста в Иерусалиме. Израильские власти опасались, что если в своей речи он будет проводить параллель между Холокостом и Голодомором, то это может осложнить отношения Израиля с Россией⁸⁶.

Проблема Голодомора стала также источником противоречий для многих международных организаций, к которым Украина и ее союзники обращались с просьбой признать Голодомор геноцидом. В ноябре 2007 года Группа Европейской народной партии и Европейских демократов в Европейском парламенте (ЕНП—ЕД), самая большая политическая группа в этом законодательном органе, рекомендовала Совету ЕС признать этот голод геноцидом. Однако Украине так и не удалось добиться такого признания. Решение, принятое Европейским парламентом, объявило голод «преступлением против человечества», но термин «геноцид» в нем все-таки не используется. Аналогичным образом, в июле 2008 года ПАСЕ приняла решение, осудившее этот голод, но воздержалась от признания его актом геноцида⁸⁷. В ООН проект решения, осуждающего Голодомор и квалифицирующего его как геноцид, был заблокирован Россией, и после острой дипломатической борьбы это слово все-таки пришлось удалить из текста.

Споры относительно признания Голодомора геноцидом привели также к двустороннему конфликту между Киевом и Москвой. Несмотря на непрерывные заявления Украины, что признание геноцида обращено против Сталина и коммунистического режима, а не против какой-либо конкретной нации, Кремль тем не менее воспринял это как явное обвинение российского государства в геноциде. В Москве украинскую риторику геноцида посчитали угрожающей и оскорбительной. Российские власти расценили эту «войну за прошлое» как очередной поворот в и без того конфликтных отношениях между двумя государствами. Поражение Виктора Януковича, которого Россия активно поддерживала, на президентских выборах 2004 года («оранжевая революция»), стремление Украины присоединиться к НАТО и проблема Голодомора задели в Москве оголенный нерв и привели к тому, что Кузио характеризует как «газовую войну, подпитываемую национальной спецификой»⁸⁸. «Провокационный вопль о “геноциде” сформировался “в злобных, антироссийских, шовинистических умах”», — утверждал российский писатель, нобелевский лауреат Александра Солженицын⁸⁹.

Одним из примечательных следствий резкой реакции России на проблему Голодомора стала публикация многочисленных статей и академических работ, отрицающих, что голод начала 1930-х годов являлся геноцидом. Эти книги и статьи, от открыто расистского осуждения украинской «голодной идентичности»⁹⁰ до утверждений, что признание Голодомора геноцидом — первый шаг к глобальной реабилитации нацизма⁹¹, и публикаций многочисленных архивных документов⁹², стали неотъемлемой частью российского политического дискурса.

В апреле 2008 года, когда в НАТО обсуждалось возможное членство Украины, российская Дума приняла решение, категорически

отвергавшее украинскую оценку Голодомора как геноцида. Позже в том же году Украина пригласила президента России Медведева присутствовать на 75-й ежегодной церемонии поминовения жертв Голодомора в Киеве. Однако Медведев отклонил приглашение, заявив, что не считает для себя возможным участвовать в событиях, посвященных 75-й годовщине «так называемого Голодомора» (*sic*) в Украине⁹³. В длинном письме украинскому президенту Ющенко Медведев утверждал, что «в последние годы эта тема, наряду с настойчивыми попытками получить приглашение в “подготовительный класс” НАТО, сделана чуть ли не центральным элементом украинской внешней политики», и сделал своему украинскому коллеге выговор за то, что он назвал манипуляциями, искажениями и фальсификацией исторических данных, отравляющих отношения между двумя государствами⁹⁴.

Меньше чем через неделю после публикации этого письма Медведев приказал «Газпрому» потребовать с Украины долг в размере 2,4 млрд дол. за поставки природного газа⁹⁵. Это решение российских властей и украинская реакция на него привели к очередному раунду газовых споров между двумя странами, в результате чего были фактически прерваны поставки газа в восемнадцать государств, в частности Германию, Италию, Польшу, Грецию и Турцию, причем в условиях необычно холодной зимы. Этот кризис побудил Европейский союз полностью пересмотреть свою стратегию энергетической безопасности, перетасовав геополитические карты в Евразии и за ее пределами⁹⁶. Разумеется, причинами этого газового конфликта были не только история и проблемы идентичности. Однако газовые споры следует рассматривать на фоне всей системы российско-украинских отношений, а в этих отношениях историческая политика и проблемы идентичности занимают исключительно важное место⁹⁷.

Заключительные замечания

В этой статье я попытался показать, какие усилия прилагали многие правительства, возникшие после 1989 года, чтобы сконструировать нужный им исторический нарратив, в котором центральное место занимает геноцид и представление своего народа как жертвы. Я также попытался показать значение этих проектов исторической политики, сконцентрированных вокруг геноцида, для международных отношений. К международным организациям, парламентам, судам, организациям, занимающимся разрешением конфликтов, постоянно обращаются с призывами признать тот или иной геноцид. Парламентариям приходится обсуждать, чиновникам — рассматривать, а судьям — отказывать в признании исторически сомнительных актов геноцида, о которых они, весьма вероятно, никогда и не слышали⁹⁸. Можно предположить, что в будущем эти проблемы станут еще острее, поскольку, как показало российское решение активно противостоять «фальсификациям истории», любое действие в этой сфере вызывает противодействие.

Революции 1989 года и последовавшие за ними события положили конец политическому и географическому разделению Европы. Оказалось, однако, что ломать стены, открывать границы и проводить выборы намного легче, чем сформировать национальную идентичность, соответствующую эйфории и духу

единения, которые охватили людей сразу после краха коммунистической системы. Многие элиты, возникшие после 1989-го, столкнувшись с проблемами независимой государственности и наследием не столь отдаленного, но долго замалчиваемого прошлого, стали рассматривать исторический и политический нарратив о страданиях и жертвах как важный компонент государственного строительства. В своем крайнем варианте логика жертвы ведет к «поиску утраченных геноцидов» во всем регионе. Историческая политика правительств после 1989 года и особенно мифы и нарративы о геноциде имеют серьезные и далеко идущие политические последствия, как внутренние, так и внешние, однако, по большей части, все это остается вне сферы интересов специалистов по общественным наукам. Цель данной статьи — привлечь внимание ученых, изучающих процессы транзита, начавшиеся в 1989 году, к удивительному феномену формирования национальной идентичности вокруг геноцида и его политических последствий. Как получилось, что представление прошлых страданий как геноцида приобрело столь большое значение? Почему одни государства стремятся представить свои трагедии как геноцид, а другие воздерживаются от этого? Как описание трагедии в терминах геноцида влияет на внутреннюю политику? Надеюсь, что те, кто изучают данный регион, обратят внимание на эти важные вопросы. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Автор благодарит Холли Кейз, Флориана Бибера, Итана Александра-Дэви, Полу Гарб, Мелани Гетройер, Брайена Гродски, Алексея Миллера, Сару Кэмерон, Георгия Касьянова и анонимных рецензентов за их помощь, предложения и замечания.

² Jones G. Poland Breaks EU Taboo and Mentions the War // The Telegraph. 2007. Jun. 22 (<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1555351/Poland-breaks-EU-taboo-and-mentions-the-war.html>).

³ Массовое убийство в Ходжалы описано ниже.

⁴ Azeri Hackers Deface Armenian Web Sites // AssA-Irada. 2009. Feb. 26.

⁵ Ребенок, который появился на свет в роддоме в Цхинвали, получил имя Геноцид // Эхо Москвы (<http://echo.msk.ru/news/614123-echo.html>); Геноцид — так назвали новорожденного // Наше время (<http://www.gazetanv.ru/archive/article/?id=5952>). Эта история была описана во многих российских газетах, но авторы некоторых

сообщений, главным образом в блогах, утверждали, что эта история — выдумка грузинских журналистов.

⁶ Указ Президента РФ № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» от 15 мая 2009 года.

⁷ *Президент РФ*. О Великой Отечественной войне, исторической правде и нашей памяти. 2009. 7 мая (http://www.kremlin.ru/eng/text/speeches/2009/05/07/2132_type207221_215959.shtml).

⁸ *Bunce V.* Comparative Democratization: Big and Bounded Generalizations // *Comparative Political Studies*. Vol. 33. No 6–7. 2001. P. 703–734

⁹ *Kuzio T.* Transition in Post-Communist States: Triple or Quadruple? // *Politics*. Vol. 21. No 3. 2001. P. 168–177.

¹⁰ *Schopflin G.* Identities, Politics, and Post-Communism in Central Europe // *Nations and Nationalism*. Vol. 9. No 4. 2003. P. 488; *Verdery K.* The Political Life of Dead Bodies. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1999; *Jilge W.* The Politics of History and the Second World War in Post-Communist Ukraine (1986/1991 – 2004/2005) // *Divided Historical Cultures? World War II and Historical Memory in Soviet and Post-Soviet Ukraine* / W. Jilge, S. Troebst (eds). *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 54. H. 1. 2006. P. 51–82.

¹¹ *Kattago S.* Agreeing to Disagree on the Legacies of Recent History // *European Journal of Social Theory*. Vol. 12. No 3. 2009. P. 376.

¹² Кроме Чихоцкого, главными интеллектуальными столпами программы «исторической политики» являются Дариуш Гавин и Томаш Мерта.

¹³ Цит. по: *Stobiecki R.* Historians Facing Politics of History: The Case of Poland // *Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe After 1989* / М. Корецек (ed.). Budapest: Central European Univ. Press, 2007. P. 182.

¹⁴ *Szczerbiak A.* Dealing with the Communist Past or Politics of the Present? Lustration in Post-Communist Poland // *Europe-Asia Studies*. Vol. 52. No 4. 2002. P. 553–572.

¹⁵ The Unloved Neighbors: A History of Hostility between Poland and Germany // *Spiegel Online*. 2007. Jun. 20. (<http://www.spiegel.de/international/europe/0,1518,489510,00.html>).

¹⁶ *Миллер А.* Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России //

Отечественные записки. Т. 5. № 44. 2008 (<http://www.strana-oz.ru/?numid=46&article=1735>).

¹⁷ *Jilge W.* Op. cit.

¹⁸ *Budryte D.* Taming Nationalism? Political Community Building in the Post-Soviet Baltic States. Aldershot: Ashgate, 2005. Ch. 6.

¹⁹ *Grodsky B.* When Two Ambiguities Collide: The Use of Genocide in Self-Determination Drives. Conference Paper, presented at the American Association for Advancement of Slavic Studies 40th National Convention, 20–23 November 2008, Philadelphia.

²⁰ *Freeman M.* Genocide, Civilization and Modernity // *The British Journal of Sociology*. Vol. 44. No 2. 1995. P. 211.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ См., например: *Bilinsky Y.* Basic Factors in the Foreign Policy of Ukraine // *The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia* / Frederick Starr (ed.). Almonk: M.E. Sharpe, 1994. P. 171.

²⁴ В этой связи следует отметить, что именно потому, что признание геноцида имеет серьезное политическое значение, такого признания почти невозможно добиться, особенно если заявления о геноциде делаются в контексте актуального военного или политического конфликта. Самое яркое подтверждение этого тезиса — военный конфликт в Дарфуре.

²⁵ М. Струмер; цит. по: *Koczanowicz L.* Politics of Time: Dynamics of Identity in Post-Communist Poland. N. Y.: Berghahn Books, 2008. P. 20.

²⁶ Здесь я не имею в виду ни Армению, которая заслуживает отдельного анализа, ни чествования памяти жертв Холокоста.

²⁷ Сара Кэмерон, личное сообщение по электронной почте, 2 июля 2009 года.

²⁸ См., например: <http://archive.muslimuzbekistan.com/eng/genocide.html>

²⁹ Молдавские националисты призывают инициировать процесс признания геноцида гагаузов румыноюнионистами // REGNUM. 2007. 28 нояб. (<http://www.regnum.ru/news/922542.html>).

³⁰ См., например: *Козлова Н.* Прокуратура ставит диагноз: геноцид русских в Чечне носил массовый характер, расстреливали группами и в одиночку // Российская газета. 2000. 1 июня; Ex-Chechen leader accuses Russia of Chechnya genocide // BBC. 2001. Feb. 16.

³¹ Decree of the President of the Republic of Azerbaijan on the Genocide of the Azerbaijani People.

1998. March 26 (<http://www.human.gov.az/?sehife=etrafli&dil=en&sid=MTMyMjMzMTA4MTMyNjE1Mw>).

³² Khojaly Genocide (In documents, facts and foreign press). Baku, 2006. P. 196–197.

³³ По оценке Томаса Гольца, в 1992 году население Ходжалы составляло 10 тыс. человек. См.: *Goltz Th.* Facts About Khojali // Azerbaijan International. 2005. Spring. P. 19 (http://azer.com/aiweb/categories/magazine/ai131_folder/131_articles/131_khojali.html).

³⁴ Согласно некоторым сообщениям, армянам помогли российские войска. См., например: *Quinn-Judge P.* In Armenian Unit, Russian is Spoken // The Boston Globe. 1992. March 16.

³⁵ См., например: <http://www.human.gov.az/?sehife=etrafli&dil=en&sid=MTIzMzEyMTA4MTIzNjc5Mg>

³⁶ Commemorative Events on 16th Anniversary of Khojaly Tragedy to Be Held in 60 Cities (http://khojaly.org//index.php?option=com_content&task=view&id=57&Itemid=54).

³⁷ *Burton D.* Remembering the Tragedy of Khojaly. Congressional Record. 2005. Feb. 18 (http://ftp.resource.org/gpo.gov/record/2005/2005_E00284.pdf).

³⁸ To the Jewish Community of Azerbaijan. State Telegraph Agency of the Republic of Azerbaijan. 2009. Apr. 21.

³⁹ Здесь имеются в виду в основном израильские евреи, родившиеся в Азербайджане.

⁴⁰ Congress of Israeli Azerbaijanis Call on Israeli Officials to Refrain From Discussing the So-Called Armenian Genocide // State Telegraph Agency of the Republic of Azerbaijan. 2008. Apr. 1; Round Table on Khojaly Genocide Held in Knesset // State Telegraph Agency of the Republic of Azerbaijan. 2008. Feb. 20.

⁴¹ Holocaust Museums to Display Khojaly Genocide // AssA-Irada. 2008. Feb. 29.

⁴² См., например: Letter Dated 24 February 2005 from the Permanent Representative of Azerbaijan to the United Nations Addressed to the Secretary-General. 2005. Feb. 25. United Nations A/59/713-S/2005/125; Бакинская дипломатия активизируется // Независимая газета. 2001. 29 апр.; Azerbaijan Delegation Raises Issue on Khojaly Genocide at OSCE PA Winter Session // State Telegraph Agency of the Republic of Azerbaijan. 2008. Feb. 26; Anniversary of Khojaly Genocide Marked in European Parliament // State Telegraph Agency of the Republic of Azerbaijan. 2009. March 4; www.justiceforkhojaly.org.

⁴³ *Grodsky B.* Op. cit.

⁴⁴ Российские, абхазские и осетинские источники часто рассматривают события 1989–1992 годов как продолжение политики независимой Грузии в начале 1920-х, которые также определяются как геноцид. См., например: *Быкова В., Давлетшина Н.* День Катастрофы – 888. Остановленный геноцид в Южной Осетии. М.: Европа, 2008.

⁴⁵ *Grodsky B.* Op. cit.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ *Garb P.* The View from Abkhazia of South Ossetia Ablaze // Central Asian Survey. Vol. 28. 2009. P. 238.

⁴⁸ *Shevardnadze E.* The Policy of Genocide and Ethnic Cleansing in Abkhazia, Georgia – The Principal Weapon of Aggressive Separatism // Policy of Genocide and Ethnic Cleansing in Abkhazia (Georgia). Proceedings of the International Conference-Seminar. Tbilisi. 1999. July 6–7. P. 8.

⁴⁹ Хотя комиссия закончила свою работу, первоначальная идея потребовать создания специального Международного трибунала так и не осуществилась, и со временем грузинские власти просто оставили ее. Сводка результатов работы комиссии опубликована в: Policy of Genocide and Ethnic Cleansing...

⁵⁰ *Grodsky B.* Op. cit.

⁵¹ Georgia's U.N. Ambassador Accuses Russia of Genocide in Abkhazia // Associated Press. 2006. Feb. 1; Georgia to Submit to Hague Tribunal Evidence Implicating Abkhaz in Genocide // BBC. 2003. Feb. 7.

⁵² *Grodsky B.* Op. cit.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Та же самая аргументация использовалась в 2008 году российскими властями. См., например: Russia's UN Ambassador Likens Georgia Onslaught to "Genocide" // Agence France Presse. 2008. Aug. 10.

⁵⁵ *Grodsky B.* Op. cit.

⁵⁶ См., например: PACE Delegation Finds no Signs of "Genocide" in Georgia's South Ossetia // Regnum. 2008. Sept. 26; Тбилиси мотаёт на МУС // Московский комсомолец. 2008. 14 авг.

⁵⁷ Следственный комитет: от грузинского «геноцида» погибло 162 осетина (<http://www.polit.ru/news/2008/12/23/bistr.html>).

⁵⁸ Соответствующие документы см. на сайте Международного суда: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&code=GR&case=140&k=4d>

⁵⁹ Первоначально идея представить советские репрессии как геноцид возникла в диаспоре

Балтийских государств на Западе в годы холодной войны. См.: *Budryte D. "We Call it Genocide": Soviet Deportations and Repressions in the Memory of Lithuanians // The Genocidal Temptation: Auschwitz, Hiroshima, Rwanda, and Beyond / Robert Frey (ed.). Lanham: Univ. Press of America, 2004. P. 79–100.*

⁶⁰ *Budryte D. Taming Nationalism? P. 185.*

⁶¹ *The White Book: Losses Inflicted on The Estonian Nation by Occupation Regimes 1940–1991. Tallinn: Estonian Encyclopaedia Publishers, 2005. P. 13, 16.*

⁶² *Ibid. P. 17.*

⁶³ См., например: *Prosecution and Persecution // The Economist. 2008. Aug. 21.*

⁶⁴ *Painting Over the Past // The Economist. 2007. Jan. 18 (http://www.economist.com/world/europe/displaystory.cfm?story_id=E1_RVVTJJSN); Kattago S. War Memorials and the Politics of Memory: the Soviet War Memorial in Tallinn // Constellations. Vol. 16. No 1. 2009. P. 150–166.*

⁶⁵ *Estonia Makes European Alliance Against Russia // Kommersant. 2007. May 3.*

⁶⁶ *Traynor I. Russia accused of unleashing cyberwar to disable Estonia // The Guardian. 2007. May 17 (http://www.guardian.co.uk/world/2007/may/17/topstories3.russia).*

⁶⁷ Например, Альфонс Новикс и Петрас Расланас были (заочно) приговорены к пожизненному заключению; Михаил Фарбтух и Кирилас Куракинас были приговорены к семи годам заключения соответственно латвийским и литовским судами, другие подсудимые получили более короткие сроки.

⁶⁸ *Satkuskas R. Soviet Genocide Trials in The Baltic States: The Relevance of International Law // Yearbook of International Humanitarian Law. Vol. 7. 2004. P. 388–389.*

⁶⁹ ЕСПЧ счел осуждение Кононова нарушением Статьи 7 (не может быть наказания в отсутствие соответствующего закона) европейской Конвенции по правам человека. См.: *European Court of Human Rights. Chamber Judgment Kononov v. Latvia (http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?action=html&documentId=838484&portal=hbk&source=externalbydocnumber&table=F69A27FD8FB86142BF01C1166DEA398649).*

⁷⁰ *Prosecutor General's Office of the Republic of Lithuania. Press Release "Information on suspicions against Yizhak Arad, 10/09/2007" (http://www.*

prokuraturos.lt/News/YizhakArad/tabid/252/Default.aspx).

⁷¹ *Donskis L. Lithuania: Hostages to an Ill-Begotten Theory // Transitions Online. 2008. Oct. 14.*

⁷² *World Jewish Congress Urges Lithuanian Progress on Property Restitution; Jewish Leaders Raise Concerns at Meeting with Lithuanian PM in New York // PR Newswire. 2008. Jul. 2.*

⁷³ *Lithuania Drops War Crimes Case // Baltic Times. 2008. Sept. 25 (http://www.baltictimes.com/news/articles/21427/).*

⁷⁴ *OSCE Resolution Equating Stalinism with Nazism Enrages Russia // Deutsche Welle. 2009. Jun. 9 (http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4468156,00.html). Российская делегация бойкотировала голосование.*

⁷⁵ Подробнее об исторической политике на Украине см. в статье Георгия Касьянова «Голодомор и строительство нации» в: *Pro et Contra. Том 13. 2009. № 3–4. — Прим. ред.*

⁷⁶ Число погибших от голода, по разным оценкам, колеблется от 2,5 до 10 млн человек.

⁷⁷ *Кульчицкий С. Почему он нас уничтожал: Сталин и украинский Голодомор. К.: Украинская пресс-группа, 2007. С. 39.*

⁷⁸ *Marples D. Heroes and Villains: Creating National History in Contemporary Ukraine. Budapest: CEU Press, 2007. Ch. 2.*

⁷⁹ *Кульчицкий С. Указ. соч. С. 15, 74.*

⁸⁰ Концепция голода как геноцида возникла в украинской диаспоре на Западе, и только в конце 1980-х и в начале 1990-х годов эта идея появилась в политическом контексте самой Украины.

⁸¹ *Riabchuk M. Holodomor: The Politics of Memory and Political Infighting in Contemporary Ukraine // Harriman Review. Vol. 16. No 2. 2008. P. 3–10.*

⁸² *Riabchuk M. Op. cit; Думки населення України щодо визнання Голодомору 1932-33 рр. геноцидом // Официальный сайт Президента Украины (http://www.president.gov.ua/content/golodomor_sociology.html).*

⁸³ Обычно такое признание оформляется в виде специального постановления или декларации, принятой законодательным органом. Однако что касается США, неясно, признали ли они официально Голодомор геноцидом, хотя слово «геноцид» не раз использовался в документах, принятых Конгрессом.

⁸⁴ *Ukrainian Famine in 1930s Was Slaughter – Slovak Parliament // CTK National News. 2007. Dec. 12.*

⁸⁵ Кампания проводилась фондом «Украина-3000», связанным с первой леди Украины.

⁸⁶ *Himka J.-P.* Making Sense of Suffering: Holocaust and Holodomor in Ukrainian Historical Culture, and: Holod 1932–1933 rr. v Ukraini iak henotsyd/Golod 1932–1933 gg. v Ukraine kak genotsid [The 1932–33 Famine in Ukraine as a Genocide] (review) // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 8. No 3. 2007. P. 683–694.

⁸⁷ MEPs Recognize Ukraine's Famine as Crime against Humanity // *RIA Novosti*. 2008. Oct. 23.

⁸⁸ *Kuzio T.* Russian-Ukrainian Gas War Fueled by national identity // *Ukrainian Weekly*. 2009. Jan. 25.

⁸⁹ *Finn P.* Ukraine's Pursuit of Genocide Designation Upsets Russians Who Say Others Died, Too // *The Washington Post*. 2008. Apr. 27.

⁹⁰ *Годик В.* Голодная идентичность // *Русский журнал*. 2007. 5 янв. (<http://www.russ.ru/pole/Golodnaya-identichnost>).

⁹¹ *Шевцов Ю.* Новая идеология: Голодомор. М.: Европа, 2009. Книга опубликована в Москве, но ее автор — белорус.

⁹² *Голод в СССР: 1930–1934 гг.* М.: Федеральное архивное агентство, 2009.

⁹³ *Медведев Д.* Президенту Украины Виктору Андреевичу Ющенко. 2008. 14 ноября (<http://www.kremlin.ru/eng/text/docs/209178.shtml>).

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ *Medvedev Tells Gazprom to Recover \$2.4 bln Gas Debt from Ukraine* // *RIA Novosti*. 2008. Nov. 20.

⁹⁶ Здесь я имею в виду государства—члены ЕС и Европейской комиссии. См.: *European Gas Supplies Disrupted* // *BBC News*. 2009. Jan. 6; *Energy Fuels New “Great Game” in Europe* // *BBC News*. 2009. Jun. 9.

⁹⁷ Поучительно было бы сравнить газовые конфликты между Россией и Украиной и между Россией и Белоруссией, с которой у России нет споров по поводу истории или национальной идентичности. Новый виток газового конфликта, имевший место в 2009 году, некоторые российские аналитики также связывают с проблемой Голодомора. См., например: *Булкина И.* В Киеве вспоминают о голоде и готовятся к холоду // *Ежедневный журнал*. 2008. 24 нояб. (<http://ej.ru/?a=note&id=8585>). Кроме того, в 2006 году министр иностранных дел России Лавров назвал Голодомор одной из двух главных причин конфликта между Россией и Украиной. См.: *Лавров разобрался в отношениях с Украиной* // *Московский комсомолец*. 2006. 10 нояб.

⁹⁸ По этому вопросу см.: *Schaller D.* From the Editors: Judges and Politicians as Historians? // *Journal of Genocide Research*. Vol. 9. No 1. 2007. P. 1–4.

Едвабне, 10 июля 1941 года: дискуссия о событиях страшного дня

Одни считают, что признание темных страниц национального прошлого является проявлением социальной зрелости и одновременно моральным долгом, другие убеждены, что основным требованием патриотизма является защита доброго имени народа

Мачей Яновский

10 июля 1941 года в местечке Едвабне, лежащем в ста с небольшим километрах к северо-востоку от Варшавы, произошло массовое убийство еврейского населения городка. Большинство живших там евреев были заживо сожжены в сарае. Польское Едвабне (до 1939 года и вновь после 1945-го) в сентябре 1939 года оказалось в составе Советского Союза в результате двустороннего немецко-советского вторжения в Польшу, основанием для которого послужили документы пакта Молотова–Риббентропа. 23 июня 1941 года, на следующий день после нападения Германии на СССР, Едвабне было занято фашистскими войсками. Убийство в Едвабне было предано забвению и, казалось, растворилось в море злодеяний, совершенных в ходе Второй мировой войны. Дело вновь стало предметом обсуждения благодаря польскому историку, живущему в США, профессору Принстонского университета Яну Томашу Гроссу, который в 2000 году опубликовал небольшую книгу под названием «Соседи»¹. Обсуждение польско-еврейских отношений в годы Второй мировой войны, отправным пунктом которого стала эта публикация, оценивалось некоторыми ее участниками как наиболее значительная

историческая дискуссия в послевоенной Польше. Так ли это на самом деле, утверждать сложно, но, несомненно, после 1989 года из всех дискуссий на тему польской истории эта вызвала самые бурные эмоции как среди ее непосредственных участников, так и более широкой аудитории.

Гросс давно занимается проблемой положения поляков во время советской оккупации в период между 17 сентября 1939-го и 22 июня 1941 года. Среди прочего он опубликовал сборник воспоминаний польских детей, высланных после 17 сентября 1939 года в СССР «В сороковом нас, мама, в Сибирь сослали» (*W czterdziestym nas Matko na Sibir zeslali*) (1984), а также книгу «Убийственная декада. Три эссе о стереотипах евреев, поляков, немцев и коммунистов» (*Upiorna dekada. Trzy eseje o stereotypach na temat Żydów, Polaków, Niemców i komunistów*) (1998). Написанные живым языком в стиле эссе – автор предлагает не только факты, но и интерпретацию явлений, а также поднимает важные проблемы новейшей истории Польши – работы Гросса всегда привлекали читательский интерес и провоцировали дискуссии. Но публикация «Соседей» вызвала настоящую бурю. Ведь евреев из Едвабне, писал Гросс, убили не немцы, а их польские

соседи. Убийцами были не какие-то там негодяи и подонки, а «самые обычные люди». Здесь Гросс отсылает нас к названию известной книги Кристофера Браунинга о немецких жандармах, участвовавших в убийствах евреев (*Ordinary men* — «Обычные люди»).

Книга Гросса невелика по объему, она основана на показаниях, данных в ходе послевоенных уголовных процессов по делу Едвабне, на воспоминаниях нескольких выживших евреев, прежде всего Шмуля Васерштайна, а также на нескольких интервью с тогда еще живыми свидетелями событий. Очень хорошо написанная, не скрывающая эмоциональной позиции автора, она, в частности, благодаря своей художественной форме, имела все шансы пробиться к читателю, который не стал бы читать объемную специальную монографию.

Проблема польско-еврейских отношений в годы Второй мировой войны неоднократно поднималась и до книги Гросса. При коммунистическом режиме такая дискуссия не могла вестись открыто: коммунистическая пропаганда в определенные моменты (1968 год) действительно провозглашала антисемитские лозунги, но в целом в ней доминировал не столько открытый или завуалированный антисемитизм, сколько стремление маргинализировать и предать забвению всю непростую польско-еврейскую проблематику. Заметное ослабление цензуры во времена так называемой «первой Солидарности» (сентябрь 1980 года — декабрь 1981 года) высвободило целый пласт тем, о которых не принято было говорить, в том числе и еврейскую проблематику, которая, однако, не заняла центрального места в исторических дискуссиях того времени. Следует отметить эссе известного публициста, приверженца демократического социализма Яна Юзефа Липского «Две родины — два патриотизма» (*Dwie ojczyzny — dwa patriotyzmy*). В этом эссе ксенофобский шовинизм был

противопоставлен критическому патриотизму, однако еврейский вопрос поднимался лишь вскользь. В целом 1980-е годы ознаменовались оживлением интереса к еврейской проблематике. Живой отклик вызвало появление в 1987 году на страницах еженедельника «Тыгодник Повшехны»² (№ 2 за 1987 год) статьи Яна Блоньского, известного критика и литературоведа, озаглавленной «Бедные поляки смотрят на гетто». Эта статья, отсылающая нас к известному стихотворению Чеслава Милоша «Бедный христианин смотрит на гетто», поднимала проблему пассивного отношения поляков к уничтожению евреев в ходе Второй мировой войны.

В середине 1990-х в «Газете Выборчей» (*Gazeta Wyborcza*) была опубликована статья Михала Чихого «Поляки — евреи: Черные страницы восстания»³, посвященная убийствам евреев, совершенным в ходе Варшавского восстания 1944 года. Она также дала толчок оживленной дискуссии. Наконец, широкий резонанс вызвал опубликованный в еженедельнике «Тыгодник Повшехны» в 1997 году (№ 46 за 1997 год) текст иезуита отца Станислава Мусыля «Черное — это черное» (*Czarne jest czarne*), с болью писавшего о том, что в польском Костеле широко распространены антисемитизм. Однако ни одна из упомянутых дискуссий по накалу не могла сравниться с той, которая является предметом нашего анализа.

Тучи начали собираться еще до того, как Гросс опубликовал свою книгу. За несколько месяцев до публикации вышел в свет сборник статей, озаглавленный «Европа непровинциальная. Трансформации на восточных землях бывшей Речи Посполитой»⁴, который был издан в честь 70-летия со дня рождения известного исследователя польского подполья в период Второй мировой войны, профессора Томаша Стжембоша. В этом сборнике Гросс опубликовал статью под названием «Лето 1941 года в Едвабне» (*Lato 1941 w Jedwabnem*), в кото-

рой изложил основные тезисы своей будущей книги. Режиссер Агнешка Арнольд сняла на эту тему документальный фильм, а журналист Анджей Качиньский опубликовал несколько статей на тему Едвабне. Это было еще до шумихи, вызванной книгой Гросса, и жители Едвабне говорили с Качиньским довольно откровенно: «После того, что здесь творилось во время советской оккупации, трудно удивляться взрыву гнева поляков, направленного против евреев», — сказал мне один из жителей Едвабне»⁵. Качиньский говорил позже: «Правда о преступлении сохранилась в местной устной традиции. Парадоксально, что пока обстоятельства убийства евреев в Едвабне не были достоянием общественности, <...> местечко знало и передавало из уст в уста правду, а когда о ней заговорили все, то многие [жители Едвабне] стали ее отрицать»⁶.

В такой обстановке в конце мая 2000 года в книжных магазинах появилась книга Яна Томаша Гросса⁷.

Дискуссия вокруг «Соседей» Яна Томаша Гросса

Книга вызвала дискуссию⁸, в которой счет публицистическим откликам идет, наверное, на тысячи. В ее продолжение были написаны несколько книг, важнейшими из которых являются: двухтомник «Вокруг Едвабне» (*Wokół Jedwabnego*) (2002) под редакцией Павла Махцевича и Кшиштофа Персака, опубликованный Институтом национальной памяти, а также книга журналистки «Газеты Выборчей» Анны Биконт, озаглавленная «Мы из Едвабне» (*My z Jedwabnego*) (2004). К обеим названным работам мы будем обращаться неоднократно; они относятся к базовым источникам для всех, кто интересуется проблемой Едвабне.

Если говорить о ключевых научных проблемах, то дискуссия вокруг «Соседей» концентрировалась на следующих вопросах:

- предыстория (до 1939 года и в период 1939–1941 годов) польско-еврейских отно-

шений на этих землях и их значение для дела Едвабне, в том числе особое отношение евреев к советской оккупации;

- участие немцев в событиях 10 июля 1941 года;
- количество убитых;
- количество исполнителей (составляли ли поляки большинство или только определенную часть?);
- их социальное положение (элиты местечка или отбросы?).

Внимание участников дискуссии привлекли также две методологические проблемы: возможность понимания произошедшего на основе контекстуализации и провозглашенный Гроссом новый подход к источникам.

Все названные проблемы эмоционально окрашены, но в целях адекватного анализа постараемся представить лишь содержательную их часть, к эмоциям же обратимся позднее.

Начнем с проблемы генезиса преступления. Она составляет единое целое с другой упомянутой проблемой: возможности понимания произошедшего. Как нам кажется, Гросс в принципе отвергает саму возможность контекстуализации событий в Едвабне. Преступление такого рода не поддается, в его глазах, каким бы то ни было попыткам понимания. «Существуют ли какие-то параметры <...>, которые могли бы сделать совершенное поляками убийство евреев в Едвабне «понятым»? Можем ли мы себе вообразить какую-либо последовательность событий, приведших к убийству в Едвабне, которая бы позволила нам в итоге сказать что-то типа «Ага, понимаю» <...>?»⁹.

Среди всех участников дискуссии, высказавшихся по данному вопросу, наиболее глубоко представил проблему социолог Антоний Сулек в своей обстоятельной и вдумчивой рецензии на книгу Гросса¹⁰. Сулек писал, что, разумеется, всегда останется определенная недосказанность, определен-

ное место для эмоций и непонимания — но мы все-таки должны стремиться понять, и до определенной степени это возможно. Он высказался в поддержку «социологии понимания» (*verstehende Soziologie*) как методологического подхода, позволяющего приблизиться к непростой истине. Гросса переубедить не удалось: любая контекстуализация, утверждал он, не учитывает того, что аналогичные факторы действовали на всей территории, занятой в 1939 году СССР, а погромы достигли такого размаха только в Едвабне и соседних местечках, Радзилуве и

с немцами. В такой ситуации местные поляки, находившиеся в конфронтации с украинцами и литовцами, не присоединялись массово к антисемитским выступлениям, опасаясь доминирования украинских и литовских националистов. В Едвабне и окрестностях не было других национализмов, кроме польского, а следовательно, не было и препятствий для выражения поляками антисемитских взглядов.

Что касается генезиса преступления, то наиболее неоднозначной проблемой оказалось то, что Томаш Стжембош обозначил в

“В глазах Гросса преступление такого рода, как массовое убийство евреев в Едвабне, не поддается каким бы то ни было попыткам понимания”.

Вонсоше. До тех пор, пока не будет установлена специфика Едвабне, то, «что отличает Едвабне от других мест во время советской оккупации»¹¹, попытки контекстуализации не дадут результата. Следует отметить, что еще до публикации процитированного выше текста Гросса Дариуш Столя (в серьезной статье, о которой речь пойдет ниже) попытался ответить на поставленный вопрос. По его мнению, регион вокруг Едвабне отличался от других тем, что это были единственные этнически собственно польские (или, скорее, польско-еврейские) земли, которые после 17 сентября 1939 года оказались в зоне советской оккупации. По мнению Столи, на территориях с украинским или литовским большинством после вступления немцев довольно быстро проявлялся радикальный антисемитизм украинцев или литовцев. Происходило так не потому, что украинский или литовский антисемитизм в принципе сильнее польского, а потому, что украинские и литовские политики рассматривали — в отличие от польских — пространство политической активности как поле взаимодействия

заглавии одной из своих статей как «замалчиваемый коллаборационизм»: вопрос о степени и характере сотрудничества евреев с советскими оккупантами после 17 сентября. Эта проблема рассматривается с различных точек зрения; при чтении некоторых текстов у читателя возникает впечатление, что в глазах авторов коллаборационизм евреев каким-то образом оправдывает убийц или, по крайней мере, уменьшает их вину. Но и авторы, близкие по своим взглядам к Гроссу, такие как Антоний Сулек или Анджей Жбиковский, также подчеркивают значение этой проблематики. Оба исследователя считают, что действовал механизм, в котором относительно незначительное меньшинство еврейской общины, сотрудничавшее с советской властью, было относительно наиболее заметным и отложилось в памяти поляков, упрочив существовавший и до того стереотип «жидокоммуны». Жбиковский и ряд других авторов подчеркивают также, что репрессии советской системы не опирались на этнические или конфессиональные критерии, а евреи были (хоть и в ограниченной

степени) допущены к административным функциям, что само по себе для многих поляков было поводом для раздражения и негодования. Как определил это Ян Я. Милевский, «польское общество будоражила совершенно невообразимая смена социальных ролей»¹². Авторы, занимающиеся данной проблемой, обращают внимание на необходимость различения видов сотрудничества с оккупационными властями, а также степеней добровольности этого сотрудничества. В то же время относительно немного внимания было уде-

ностями накануне Второй мировой войны. Большинство исследователей этого вопроса подчеркивали рост антисемитизма в ломжинском регионе и усиление позиций Народной демократии (сокращенно НД, то есть «эндеков»), националистического объединения, бывшего в оппозиции к сторонникам маршала Пилсудского, находившимся у власти после 1926 года. Евреи, естественно, не могли поддерживать «эндеков», провозглашавших антисемитские лозунги, и в большинстве своем так или иначе поддерживали

“Большинство историков признали, что в основном преступление было совершено поляками, но в результате подстрекательства или по принуждению немцев”.

лено тому, применимо ли само понятие «кол-лаборационизм» к поведению национальных меньшинств II Речи Посполитой, которые не считали польское государство своим, и в этом смысле трудно обвинять их в измене. В этом ключе высказывались на страницах газеты «Речпосполита» (*Rzeczpospolita*) историк Марчин Куля и немецкий историк и обозреватель немецкой прессы Клаус Бахман¹³.

Немного отступая от основной дискуссии, в одном из своих многочисленных высказываний Томаш Стжембош обратил внимание еще на один аспект преступления: жестокость в польской деревне. «Жестокость, которую можно наблюдать у детей, мучающих кота, жестокость по отношению к собакам в деревне <...>, жестокость в отношении стариков», ослабевших родителей, «людей с ограниченными физическими и умственными возможностями»¹⁴. В контексте этой всеобъемлющей жестокости рассматривал Стжембош и жестокость в отношении евреев. Насколько нам известно, этот сюжет не получил своего развития в последующей дискуссии.

Важным аспектом обсуждения оказалась также ситуация в Едвабне и окрест-

Пилсудского и его последователей. Однако таким образом они еще больше отдалялись от большинства нееврейского населения региона. Подчеркивалось также, что НД при поддержке католического Костела устраивала в 1930-е годы антиеврейские акции типа бойкота еврейских магазинов. Неоднократно доходило до антиеврейских выступлений. Этот конфликт резко обострился после начала Второй мировой войны.

Еще одна проблема касается роли немцев в данном преступлении. Многие участники дискуссии неточно представляли позицию Яна Томаша Гросса; из их изложения следовало, что он считал роль немцев минимальной, те якобы лишь занимались фото- и киносъемкой. В то же время Гросс пишет довольно ясно: «Хозяевами положения в Едвабне были, разумеется, немцы. И только они могли принять решение об убийстве евреев. <...> Если бы Едвабне не было занято немцами, иными словами — если бы не было вторжения Гитлера в Польшу, то евреи из Едвабне не были бы перебиты своими соседями <...> Трагедия евреев из Едвабне — это лишь эпизод в битве не на жизнь, а на смерть,

которую Гитлер вел с мировым еврейством. <...> Но *непосредственное* (курсив мой. — М. Я.) участие немцев 10 июля 1941 года ограничилось прежде всего фото- и <...> киносъемкой происходившего»¹⁵.

Крайняя точка зрения сводится к убеждению, что в целом все преступление было совершено руками немцев при возможном эпизодическом участии поляков. В основном так рассуждали крайне правые публицисты, из историков к этой позиции приближался в некоторых своих высказываниях Томаш Стжембош. Однако в большинстве своем историки, пишущие об этом деле, признали, что в основном преступление было физически совершено поляками, но в результате подстрекательства или даже по принуждению немцев. Анджей Жбиковский детально проанализировал преступления, подобные событиям в Едвабне, совершенные в других окрестных местечках, как, например, Радзилув или Вонсош¹⁶. Многие исследователи (Жбиковский, Томаш Стжембош, Томаш Шарота¹⁷, Дариуш Столя, а за ним и Марек Вежицкий) обращали внимание на повторяющийся характер погромов. Особое значение имеет здесь исследование Столи, показавшего высокий уровень организованности погрома, далеко выходящий за рамки того, чего можно было бы ожидать от спонтанной инициативы жителей. Столя исходит из тезиса, что убийство в Едвабне не является классическим погромом: в изученных историками погромах на Украине в 1918–1919 годах выжило около 80 проц. евреев. После «обыкновенного» погрома остается определенное число убитых и еще больше раненых, а сам погром постепенно превращается в грабежи и пьянство. Идея убийства всех евреев находится за рамками воображения участников «обычного» погрома. Эту идею должны были внушить полякам немцы, вероятно, во время встречи в ратуше накануне трагедии — встречи, названной Гроссом «совещанием»,

хотя на самом деле — пишет Столя — это был скорее инструктаж. Городские власти, созданные спонтанно или поставленные самими немцами после бегства большевиков, не были для них серьезным партнером и могли лишь принять к сведению немецкие распоряжения. Более того, ход трагедии демонстрирует высокий уровень внутренней организации исполнителей, невозможный при абсолютно спонтанном погроме. Существовал определенный «порядок убийства», от «исполнителей-добровольцев» до обычного «построения на рынке», включая целый ряд промежуточных поведенческих стратегий.

Гросс, по мнению Столи, в своих работах удачно показывает роль низового поведения масс в тоталитарной системе, указывая, что не все объясняется действиями государства. Но в данном случае «Гросс пошел слишком далеко в “разгосударствлении” излагаемых событий». Столя пишет: «В событиях 10 июля наблюдается <...> определенный порядок <...>. Этот порядок исходит от государства, можно даже сказать, этот порядок и есть государство. В событиях 10 июля проявляется особое государство, почти гротескное — небольшое локальное мини-государство Едвабне, существующее по прихоти оккупанта и (совместно) управляемое его местными ставленниками. В нем нельзя видеть лишь форму социальной самоорганизации, создание гражданского общества. <...> Это мини-государство <...> обладает <...> главным атрибутом государства: располагает средствами принуждения и определяет, кто и на каких основаниях может применять насилие. На этом основании для 10 июля оно допускает применение насилия каждым и без ограничений, при условии, что это насилие будет направлено против евреев и только против евреев». Столя отмечает, что в источниках нет упоминаний ни об одном «конкретном убийстве, совершенном в тот день немцами», и замечает поразительный факт: «В описа-

ниях произошедшего отсутствуют <...> звуки выстрелов. В воспоминаниях поражает та тишина, на фоне которой люди, работавшие в поле за городом, слышали голоса жертв. <...> А ведь, по крайней мере, несколько десятков человек были убиты не в сарае. Эта тишина указывает на то, что убивали их без применения огнестрельного оружия», в отличие от того, как это обычно делали немцы¹⁸.

Текст Столи во всей дискуссии является одной из наиболее вдумчивых попыток детального анализа и интерпретации хода событий 10 июля 1941 года. Идя по его стопам, Томаш Шарота, Эдвард Димитров и Анджей Жбиковский¹⁹ обстоятельно анализируют установки и решения высшего руководства Германии по еврейскому вопросу, уделяя особое внимание распоряжениям шефа РСХА — Главного управления имперской безопасности Рейнхарда Гейдриха, датированным июнем—июлем 1941 года, в которых идет речь о подстрекательстве местного населения к расправе над евреями.

Одним из центральных пунктов полемики явился выдвинутый Гроссом постулат «аффирмативного подхода к источникам». Речь идет, в общих чертах, о том, чтобы исследовать «эпоху газовых камер», заранее предполагая достоверность свидетельств «несостоявшихся жертв Холокоста», отвергая их лишь в том случае, если будут найдены весомые аргументы, указывающие на их недостоверность, иными словами, тяжесть доказательства ложится на тех, кто хочет отвергнуть воспоминания уцелевших. Гросс приводит два аргумента: во-первых, он апеллирует к прагматизму, утверждая, что возможность совершения ошибки при таком подходе к источникам меньше, чем при обратной трактовке. Второй аргумент сложнее: то, что мы узнаем из воспоминаний — «благодаря самому факту рассказа, — не является репрезентативным для исследования судеб евреев», поскольку сам этот рассказ исходит

от тех, кто выжил, и даже если они составляли свои записи во время войны и не дожили до ее конца, то до времени их написания «им удалось счастливо избежать смерти. О самом дне, о последнем предательстве, жертвой которого они пали, о крестном пути девяноста процентов довоенного польского еврейства нам не известно ничего. И поэтому мы должны дословно трактовать обрывки информации, которыми располагаем», ибо «истина о трагедии еврейства может быть только еще более ужасной, чем наше о ней представление, составленное на основе воспоминаний тех, кто выжил»²⁰. Независимо от того, разделяем ли мы такую позицию, по нашему мнению, как таковая она является серьезной заявкой на дискуссию. В то же время оппоненты Гросса, как правило, доводят ее до абсурда, считая, что, согласно Гроссу, «мы должны априори считать, что по своему содержанию воспоминания тех, кто выжил после Холокоста, достоверны»²¹. Мне не кажется, что какие-то из формулировок Гросса дают основания для подобной интерпретации его взглядов.

Почти столь же важной темой, как присутствие немцев или их отсутствие, является характеристика участия польского населения. Были ли это лишь отдельные его представители («отбросы») или солидные люди, ничем не отличающиеся от остальных жителей городка? Была ли это небольшая группа или значительная часть, или, возможно, большинство польской части жителей Едвабне? Сомнения, были ли это на самом деле «обычные люди», высказал Антоний Сулек, допустив, что это могли быть «лишние люди на стороне силы» (Сулек цитирует здесь классическую работу Стефана Чарновского, ставшую одним из базовых текстов польской социологии, в которой разбирается роль маргинальных общественных элементов в создании социальной базы гитлеризма). Под влиянием ответов Гросса,

который привел дополнительные данные о семейном положении исполнителей, Сулек отказался от своего предположения. В свою очередь, Дариуш Столя обратил внимание на то, что активные участники убийства в Едвабне, совершенно независимо от их семейного положения и рода занятий, тем не менее не были обычными людьми, такими, как герои книги Браунинга, поскольку отличались от них тем, каким образом они были отбраны из основной популяции. Жандармы, о которых пишет Браунинг, были просто мобилизованы, в то время как активные

конкретное число поляков, которые хватили евреев и тащили их в сарай, остается до сих пор неизвестным.

Аналогично тому, как не удалось прийти к единому мнению относительно количества исполнителей, нет единодушия и по вопросу о количестве жертв. Гросс приводит в «Соседях» число 1 600, взятое из одного источника; именно это число закрепилось в общественном сознании. Сам Гросс, как он говорил позже, не высказал своего мнения относительно этой оценки, а лишь процитировал ее. Оказывается, что как таковое коли-

“Не удалось прийти к единому мнению относительно количества исполнителей; нет единодушия и по вопросу о количестве жертв”.

участники убийства вызвались сами в процессе добровольного отбора, а следовательно, по определению должны были отличаться какими-то психическими свойствами (даже если их положение в обществе было вполне обычным) от остальных жителей. Это были, по словам Столи, скорее «добровольные исполнители», чем «обычные люди»: заглавие книги Даниэля Гольдхагена (*Hitler's willing executioners*) определяет их лучше, чем название книги Браунинга.

Сам Гросс уточнил свой радикальный тезис о польской части жителей местечка, убившей его еврейскую часть. «Каждый, кто в тот день вытаскивал прячущегося еврея из-за куста, указывал скрывшегося за кучей угля, хватал убегающего на поле, бил ногой согнанных в толпу, бросал в идущих на смерть камень, обзывал их, смеялся над ними, плевал в них — участвовал в преступлении против человечности. Такова суть событий в Едвабне»²². Отчетливо видно, что участие в преступлении он понимает в расширительном смысле, включая в это понятие также пассивную поддержку. Тем не менее

чество евреев, постоянно живших в Едвабне в июне 1941 года, неизвестно²³, при этом, разумеется, это количество не идентично количеству евреев, пребывавших в местечке в день трагедии 10 июля 1941-го, поскольку часть постоянных жителей могла уехать, в свою очередь, в Едвабне могли находиться беженцы из других мест. Радослав Игнатьев, прокурор, курировавший по поручению Института национальной памяти следствие по делу убийства в Едвабне, в интервью Анне Биконт детально обосновал свое мнение и заявил, что 10 июля в Едвабне погибли «не более нескольких сотен» человек, а активными исполнителями «были польские жители Едвабне и окрестностей, мужчины в количестве по крайней мере около сорока»²⁴.

Дискуссия по ключевым вопросам не дала однозначных ответов. Можно, однако, предположить, что по ее итогам большинство историков согласились бы с тем, что книга Гросса носит скорее публицистический, чем сугубо научный характер; в ней легко обнаруживаются неточности, поспешные выводы и методологические просчеты. Скорее всего, в

тот трагический день погибло меньше людей, чем отмечает Гросс; по всей видимости, меньше поляков, чем каждый второй взрослый мужчина, участвовали в преступлении; и вероятнее всего, закулисная роль немцев была сильнее, чем можно было бы предположить после прочтения «Соседей». В то же время большинство историков согласились бы наверняка с самим фактом: как написал Марек Вежбицкий, «не подлежит сомнению <...> участие части польского населения западной части Белостоцкого воеводства в убийствах и погромах евреев»²⁵. Вежбицкий поддерживает осторожные слова Радослава Игнатьева, которые можно рассматривать как «минимальную оценку» того, что удалось установить (хотя наверняка и его высказывание было бы отвергнуто радикальными оппонентами Гросса): «Наиболее вероятной гипотезой является предположение о совершении преступления в Едвабне местными поляками при подстрекательстве немцев»²⁶.

Эмоциональный и мировоззренческий фактор

Мы сознательно отделили изложенные выше научные аргументы от эмоционального, политического и временного контекста, в котором они формулировались. Нам важно было показать, что дискуссия о Едвабне имеет также существенное научное содержание. Однако, учитывая тему полемики, очевидно, что все высказывания исследователей неизбежно сопровождалось эмоциями, которые для общего смысла этих высказываний нередко оказывались более важными, чем собственно научное содержание. Такая эмоциональность, соединенная с различиями в мировоззрении, заметна у обеих полемизирующих сторон, но при этом у каждой из них она носит особый характер. У самого Яна Томаша Гросса она выступает главным образом в форме апеллирования к морали: к сочувствию читателей, их возмущению, эмпатии;

«ибо важнее было не побудить к априорному восприятию каждого слова, написанного в “Соседях”, как истины в последней инстанции, а пробудить сочувствие при мысли о жертвах преступления в Едвабне»²⁷. У Анны Биконт заметны подобные эмоции, но с ними сопряжена горечь, вызванная тем, что значительная часть польского общества не хочет признавать участия поляков в преступлении в Едвабне. Этих эмоций никто не скрывает; Гросс, Биконт, другие авторы, близкие им по способу мышления, не делают вид, что намерены создавать исключительно научные тексты. Разумеется, они не отказываются от фактографического обоснования своих выводов и ссылок на источники, но при этом придерживаются той точки зрения, что эмоции в этом трагическом случае как нельзя более уместны; что именно они позволяют читателю лучше воспринять и постичь проблему Едвабне.

Иную роль играют эмоциональный и мировоззренческий факторы у оппонентов Гросса. Их тексты, как правило, апеллируют к идеалу объективного историка, который исследует документы и на их основании приходит к пониманию прошлого. «Задача исследователя состоит не в “позиции аффирмации”, а в профессиональном скептицизме и тщательном анализе любых данных. Применение методологических постулатов Гросса приводит к тому, что в научный дискурс проникают без должной верификации личные предубеждения и антипатии свидетелей», — писал Богдан Мусял²⁸. «Историк обязан исследовать как можно больше документов, чтобы ответить на вопросы: кто? кто? где? почему? <...> В задачи историка входит разграничение правды и вымысла»²⁹, — утверждал Марек Ян Ходакевич. В то же время в самих этих текстах мы находим нередко довольно яркие, эмоционально окрашенные оценочные формулировки, будто созданные в совершенно иной поэтике, чем

остальная часть текста. Наблюдается, если так можно сказать, преобладание эмоций над априорными теоретическими декларациями и над излагаемыми фактами. Так, например, Ходакевич, неустанно подчеркивающий необходимость детального исследования, без которого нельзя выносить приговоров, неожиданно пишет о том, что в Польше, где большинство средств массовой информации и большинство интеллигенции придерживаются либеральных взглядов, не нужно особой смелости, чтобы утверждать наличие польского антисемитизма³⁰. Аналогичным

ремесла. Смею утверждать обратное. Автор «Соседей» использовал крайне бедную и тенденциозно подобранную источниковую базу, не подверг ее должной критике, <...> он опускает и извращает то, что не соответствует его постулатам <...>, в научной аргументации не придерживается законов логики и научной объективности и в результате выдает необоснованные метафизическо-идеологические суждения, лишённые научных оснований. Учитывая указанные недостатки, книга Яна Томаша Гросса не может служить основанием для серьезной дискуссии

“Все высказывания исследователей неизбежно сопровождалось **ЭМОЦИЯМИ**, которые нередко оказывались более важными, чем собственно научное содержание”.

образом Петр Гонтарчик, обративший внимание на конкретные неточности в «Соседях», следующим образом излагает основные постулаты книги Гросса: «Поляки — это гитлеровские коллаборанты, которые подписывают соглашение с немцами в деле убийства евреев. Немцы хотят кого-то там спасти, но поляки на это не соглашаются и жестоко убивают почти всех евреев — своих соседей. <...> Единственным местом, которое гарантировало евреям относительную безопасность перед лицом кровожадной польской орды, был пост гитлеровской жандармерии. В целом трудно удивляться преступной натуре поляков, ведь их духовными наставниками были служители католического костела. Гросс упоминает только двоих, и оба предстают обычными преступниками...»

После этого пассажа следует научный вывод: «Проблема состоит не в том, нравится кому-то такой образ прошлого или нет, а в том, насколько такой образ соответствует действительности, а следовательно — переходя на язык науки, — был ли он создан в соответствии с требованиями исторического

на тему нашей истории. Особенно преступления в Едвабне»³¹.

Не подлежит сомнению скорее то, что представленная выше общая картина, которая, по словам Гонтарчика, вырисовывается в «Соседях», является — мягко говоря — результатом крайне недоброжелательного чтения книги, чтения, нацеленного скорее на выискивание промахов, чем на понимание идеи и хода аргументации читаемой работы. У многих авторов обнаруживаются признаки аналогичной стратегии чтения, согласно которой любой фрагмент книги Гросса преподносится так, чтобы он звучал по возможности лишенным смысла, что облегчает его сокрушительную критику.

Несомненно, тексты Мусяла, Гонтарчика, Ходакевича и других оппонентов Гросса, поднимающих проблемы методологии, во многих случаях действительно помогают исправить ошибки автора «Соседей», привлекают внимание к противоречиям в источниках и тем самым способствуют углублению наших познаний на тему преступления в Едвабне. Однако здесь не нужны

особенно глубокие герменевтические исследования, чтобы заметить идеологическую ангажированность их авторов, вступающую в противоречие с приверженностью объективистской модели чистой науки, которую они декларируют. (В скобках заметим, что они придерживаются крайне редуцированной версии этой модели, сводя профессию историка до своеобразного «ремесла»: мало кто разделял такой взгляд на историю даже во времена господства позитивизма в XIX веке, а начиная с антипозитивистского переворота

действительно имело место!»³². Стжембош в течение многих лет собирал материалы для своей книги о польской антисоветской конспирации в 1939–1941 годах в окрестностях Едвабне, и можно понять (хотя и не обязательно принять) его реакцию на книгу Гросса, воспринятую им как несправедливое обвинение в адрес его героев.

В рассмотренных выше текстах эмоциональная позиция авторов не перечеркивала их научной аргументации. Однако существует особая группа текстов, в которых радикаль-

“Принципиальной является проблема того, как мы — польские интеллигенты должны воспринимать преступление, совершенное в Едвабне полвека назад”.

1890-х годов, данная модель повсеместно поддается сомнению.)

В отличие от процитированных выше исследователей, Томаш Стжембош открыто подчеркивает роль эмоционального фактора в своем подходе к интересующей нас проблеме. «Этим делом, — сказал он в одном из интервью, — я занялся исключительно потому, что чувствовал себя обязанным по отношению к жителям Едвабне и окрестностей. Именно потому, что именно эти люди в эпоху коммунизма, когда я занимался советской оккупацией северо-восточных земель Польши, проявили огромную смелость и доброжелательность. Они принимали меня в своих домах и говорили о вещах и событиях, за разглашение которых им грозили страшные репрессии. Я не мог промолчать... <...> Как же я мог отвернуться от этих людей! Я ходил, разговаривал с ними, расспрашивал. А теперь я должен был сказать, что мне на них наплевать? Я решил установить, как все было на самом деле, поскольку я был готов и сейчас готов принять [правду о] любом зле, которое имело место и было совершено руками поляков, при одном условии, что оно

ное неприятие постулатов Гросса выразилось в крайне эмоциональной агрессии; это тексты, в которых любая информативность играет подчиненную роль, а главное — это агрессивная экспрессия. Их «аргументация» (если уж мы делаем авторам честь, употребляя это слово) утомительно однообразна. Они подчеркивают, что книга Гросса, а также высказывания его сторонников являются результатом международного заговора, в основе которого лежит еврейская «полонифобия», а также желание требовать с Польши как можно больше денег в качестве компенсации за имущество, принадлежавшее евреям. Работы, поддерживающие позицию Гросса, определяются как «польско-язычные» (не «истинно» польские, а лишь использующие польский язык). Полемика в целом рассматривается в контексте столкновения «польской» и «еврейской» или «космополитической» (что по сути одно и то же) точек зрения. Помимо польских историков, полемизирующих с Гроссом, в качестве авторитета приводится также автор книги «Индустрия Холокоста» Норман Финкельштейн³³ — его взгляды сопровожда-

ются комментариями типа «даже сами евреи утверждают, что...». Что особенно существенно, Польша и польскость, как это принято при таком ходе рассуждений, предстают как объект массивной атаки, направленной одновременно против Польши и против католического Костела, которые при такой оптике едва ли не отождествляются. Авторы некоторых текстов пишут о космополитизме и либерализме как о своих врагах; многие, однако, обращаются к классической анти-семитской аргументации, которая в принципе не слишком отличается от той, которая была создана европейскими правыми во второй половине XIX века. В целом можно констатировать, что большинство текстов на тему Едвабне, доступных в Интернете, представляют именно эту крайне правую позицию. Как это обычно бывает в публичном пространстве, границы стираются: иногда трудно определить, является ли данный текст «еще» рациональной полемикой с тезисами Яна Томаша Гросса или «уже» идейной декларацией крайне правых позиций. Наиболее ярким представителем рассматриваемого здесь направления, работы которого не оставляют никаких сомнений относительно их идейной принадлежности, является Ежи Роберт Новак, публикующийся в основном в националистическо-католическом еженедельнике «Наш дженник» (*Nasz Dziennik*), близком к «Радио Мария»³⁴. Мы не видим оснований для более подробного анализа подобных высказываний.

«Как нам с этим справиться»

Моральная проблематика, связанная с обсуждением преступления в Едвабне, затрагивает один принципиальный вопрос и несколько второстепенных. Принципиальной является проблема того, как мы — поляки, или, скорее, мы — польские интеллигенты, должны реагировать на известие об этом преступлении полувековой давности, или, говоря словами

Ежи Едлицкого, «как нам с этим справиться»³⁵. Ответ тех авторов, которые стараются рассматривать проблему Едвабне, прежде всего, с моральной точки зрения, выливался в различные формы и может быть обобщен таким образом: принять к сведению, не пытаться отрицать и жить дальше с сознанием того, что у твоего собственного народа, как и у других, есть в истории страницы хорошие и плохие, прекрасные и отвратительные.

Рассматривая отношение различных авторов к моральному аспекту проблемы Едвабне, рискнем высказать мнение, что принципиальные разногласия во всей полемике, рассматриваемой в нашем обзоре, касаются не только и не столько фактов или критериев их значимости. Одной из заметных реакций на выход книги Гросса стала беседа известного журналиста Яцека Жаковского с Томашем Шаротой на страницах «Газеты Выборчей». Шарота в принципе не отрицал картины событий, обрисованной Гроссом, говоря о необходимости принять тот факт, что мы имеем дело с убийством, частью Холокоста, причем в данном случае виновниками являются поляки. В то же время он подчеркивал, что книга Гросса недостоверна в деталях, что потребуются новые конкретные исследования. «Для того, чтобы пробудить угрызения совести, достаточно того, что написал Гросс в “Соседях”. Однако для понимания всей этой ситуации необходимо знать детали. Каждый историк знает, что дьявол часто кроется в деталях»³⁶. Ежи Едлицкий в ходе дискуссии по книге Гросса в Институте истории ПАН полемически отнесся к этой беседе, заявив: «Дьявол в Едвабне и Радзилуве не в деталях, а в принципе»³⁷. Представляется, что для Едлицкого, Ханны Сьвиды-Зембы³⁸ и многих других (вероятно, и для самого Гросса) в конечном счете не важно, сколько было убито евреев — 1 600, половина или треть этого числа, было ли в тот трагический день в Едвабне около двадцати или несколько

десятков немцев, а среди нееврейского населения половина взрослых мужчин или только каждый пятый или каждый шестой вытаскивали евреев из домов, грабили их, тащили к месту казни и, наконец, принимали участие в убийстве. Существенной является моральная проблема, которая не зависит от цифр. Чрезмерная концентрация на специальных технических вопросах грозит отодвинуть на задний план по-настоящему важные проблемы. Едлицкий писал: «Можно, разумеется, и дальше делать вид, что ничего не произошло. Можно писать, что слишком рано, что в воспоминаниях не установлено место, что не посчитано точно, сколько было убийц и убитых. Что нужно еще изучить те или другие архивы. Изучать всегда нужно, надо было сделать это много лет назад, но это ничего не меняет. Правда не станет приятнее, чем есть, и рано или поздно придется с ней справиться»³⁹. Насколько нам известно, на этот вопрос критики и оппоненты Гросса не дали ответа, не пояснили, каким образом эти уточнения фактографии могут повлиять на этическую оценку дела Едвабне.

Крайне трудно обнаружить открытую полемику с авторами, поднимающими моральные проблемы в контексте преступления в Едвабне. Противники Гросса, апеллирующие к методологическим проблемам, нередко представляют «моралистов» как маргинальную группу, симметричную радикальным правым. «Во-первых, они отрицают. <...> Во-вторых, они морализуют. <...> Они так же иррациональны, как и их партнеры справа»⁴⁰, — писал в своей английской работе Марек Ян Ходакевич. Подобным образом рассуждает и Богдан Мусял: «Одни отрицают обвинения как безосновательные <...>. Другие горячо поддерживают постулаты Гросса, выдвигая крайне эмоциональные обвинения, рассуждая в философско-морализаторском ключе <...>. Призывают посыпать голову пеплом». Исследователей,

рассуждающих так, как он сам, Мусял видит в центре: «Существует и разумная позиция, говорящая о необходимости дискуссии на эту тему». Трудно объяснить, почему «разум» должен исключать рефлексию над этическим измерением исторических событий. В определенной мере ответом могут стать слова, которые Мусял говорит ниже в том же тексте: «Не думаю, что Польше нужно преодоление истории по немецкому образцу. <...> Польше сегодня необходимо вернуть себе память. Историческое сознание послевоенных поколений поляков было в значительной степени извращено коммунистическим государством. Нужны тщательные научные исследования»⁴¹. Мусял, как нам кажется, чуть что не отождествляет критику постулатов Гросса с тщательными научными исследованиями. У читателя не возникает сомнений, что в этом и подобных текстах мы сталкиваемся, вопреки декларируемому позитивистскому минимализму, с оценочной позицией той же силы, что и в случае с Гроссом и его сторонниками, только с обратным знаком. Сама попытка «моральной оценки» дела Едвабне получает критическую оценку не только — как считают оппоненты Гросса — в силу отсутствия фактов, которые требовали бы некоего «покаянного» поведения, но и по причине нежелания любых попыток рефлексии над недостойными страницами истории Польши. Такие попытки воспринимаются противниками Гросса как поверхностные и неискренние, не получившие научного обоснования, и при этом наносящие вред собственному народу. Можно полагать, что с их точки зрения собственно нет и повода для рефлексии: дело Едвабне не имеет морального измерения, преступление, совершенное при подстрекательстве и соучастии немцев небольшой маргинальной группой в каком-то местечке, разумеется, достойно осуждения, но существенно не влияет на общую картину поведения поляков в годы оккупации.

Краковский историк Анджей Новак выразил опасение, что любые призывы возложить ответственность на польский народ за ошибки, допущенные в прошлом, могут привести к ослаблению национальной идентичности — ибо невозможно строить общность на чувстве стыда. Свой текст Новак озаглавил «Вестерплатте или Едвабне», противопоставив друг другу два названия-символа: Вестерплатте, название польского гарнизона в Гданьске, оказавшего героическое сопротивление немцам в первые семь дней Второй мировой войны, является сим-

эпохи. Как таковая данная статья в определенном смысле подготовила почву для дискуссии об этической проблематике Едвабне.

Наряду с этой главной проблемой попутно в ходе полемики о Едвабне возникли также сопутствующие сюжеты морального характера. Речь идет о рефлексии над определением польского народа (и преступники, и жертвы были гражданами Польской Республики, означает ли это, что и первые, и вторые были поляками?), над проблемой коллективного извинения за вину предков, над отношением современных поляков к еврейскому

“Историк Анджей Новак выразил опасение, что призывы возложить ответственность на польский народ могут привести к ослаблению национальной идентичности”.

волом патриотического героизма, Едвабне же — символом преступления и коллаборационизма. Новак, разумеется, высказывается в поддержку Вестерплатте как звена, необходимого для создания социальных связей. Павел Махцевич, историк, связанный в то время с Институтом национальной памяти, ответил Новаку текстом, озаглавленным «И Вестерплатте, и Едвабне», а свои аргументы изложил в вводной статье к двухтомному сборнику на тему дела Едвабне, опубликованному ИНП, заявив, что «если закрыть глаза <...>, то ничего не изменится. <...> Народ, который гордится своей историей, сможет вынести даже самую нелицеприятную правду о собственной истории»⁴². Махцевич отсылает в своем тексте к вышедшей больше десяти лет назад статье Ежи Едлицкого «Наследие и коллективная ответственность», в которой не затрагивался еврейский вопрос, но разбиралась проблема ответственности лиц, осознающих свою принадлежность к социуму (народу, вероисповеданию, классу), за грехи, совершенные другими членами того же сообщества, нередко в отдаленные исторические

прошлому и наследию в Польше и вообще о роли коллективной памяти в общественной жизни. Все эти проблемы мы вынуждены здесь опустить.

Среди сюжетов, которые не получили должного развития, хотя, безусловно, этого заслуживали, была позиция католического духовенства в Едвабне и окрестностях в 1941 году, когда по этому региону прокатилась волна погромов. Эта проблема непосредственно связана с другой, более широкой, — отношением католического Костела в Польше к евреям и к антисемитизму. Детально этим занялся Дариуш Либёнка, опубликовавший важные свидетельства радикальных антисемитских настроений, царивших в среде польского духовенства в целом и в ломжинской епархии в частности в 1930-е годы⁴³. Следует также, пользуясь случаем, упомянуть эмоциональную работу Томаша Шароты, представившего анализ польско-еврейских отношений на основании секретного доклада польского подполья о положении Костела во время оккупации 1941 года. По мысли автора, его работа вносит вклад

в раскрытие правды о мрачных эпизодах в истории польско-еврейских отношений, а следовательно, продолжает дискуссию, начатую в 2000 году книгой Гросса⁴⁴. В рассматриваемом Шаротой документе отношение в гитлеровской Германии к евреям преподносится как идеал христианского поведения (разумеется, речь идет о ситуации до лета 1941-го).

С историей связана также проблема отношения Костела к делу Едвабне сегодня. Эту позицию можно, к сожалению, определить как пассивную и выжидательную, не направ-

27 мая 2001 года состоялось торжественное покаянное богослужение в костеле Всех Святых в Варшаве. Ксёндз Адам Бонецкий, главный редактор еженедельника «Тыгодник Повсехны», писал: «То, что произошло в воскресенье 27 мая 2001 года в крупнейшем из варшавских костелов, недалеко от которого шестьдесят лет назад проходила граница гетто, явилось важным религиозным событием, которое навсегда войдет в историю Польши. <...> Вел богослужение одетый в покаянное фиолетовое облачение примас

“Отношение Костела к делу Едвабне сегодня, к сожалению, пассивное и выжидательное, не направленное на активные действия”.

ленную на активные действия. Глава польского Костела кардинал Юзеф Глемп публично заявил, что факт совершения преступления поляками установлен, и значение этого заявления нельзя недооценивать. Примас выразил мнение, которое совпадает с точкой зрения всех тех, кто считает, что возможные новые уточнения фактов не изменят моральной оценки Едвабне: «С моральной точки зрения не имеет решающего значения <...>, предстанут ли поляки в результате следствия <...> в лучшем или худшем свете. Принципиальное значение имеет то, что в Едвабне нашлись люди, которые участвовали в убийстве своих сограждан». Он особо подчеркнул необходимость искупления перед Господом преступления в Едвабне и окрестностях. Однако в том же интервью кардинал Глемп упомянул также о вине евреев перед поляками, о еврейском коллаборационизме с большевиками, заявив при этом, что в польском Костеле «не наблюдается предубеждения в отношении иудейского вероисповедания и никогда ранее я не замечал такого явления, как антииудаизм. Это история. Но не следует забывать об антиполонизме»⁴⁵.

Польши», участвовали в нем «около пятидесяти» епископов «без митр и литургического облачения, в черных сутанах без красных и фиолетовых поясов». Ксёндз Бонецкий с болью констатировал в то же время, что «Радио Мария» оказалось единственной польской радиостанцией, которая не сообщила в новостях того дня об этом богослужении. Он прокомментировал это так: «Вот глас вопиющего в пустыне...»⁴⁶.

Действительно, ломжинский епископ и приходской священник Едвабне решительно встали на сторону жителей местечка, которые отвергают всяческие обвинения⁴⁷, а «Радио Мария» было и остается, наряду с близким к нему идейно еженедельником «Наш дзеник», основным каналом распространения идеи об антипольской интриге и агрессии против народа и католической веры. В официальных мероприятиях в Едвабне 10 июля 2001 года, в 60-ю годовщину трагедии, в которой принял участие президент Александр Квасьневский, не участвовал никто из епископов. Чтобы картина не выглядела слишком однобокой, стоит упомянуть о важной роли двух католических изданий: краковского еже-

недельника «Тыгодник Повсехны» и варшавского журнала «Веньзь» (*Wież*). Оба издания активно включились в дискуссию о Едвабне, публиковали тексты Яна Томаша Гросса и других участников полемики.

Что изменила дискуссия о Едвабне?

В продолжение или в рамках полемики с книгой Гросса в течение нескольких лет появилось много книг, из которых лишь некоторые были рассмотрены в нашем обзоре, среди них особое место занимают многократно упомянутые выше двухтомник «О Едвабне» и книга Анны Биконт «Мы из Едвабне».

Журналистка «Газеты Выборчей» провела серьезное журналистско-историческое исследование, обнаружила рассеянные по всему миру еврейские семьи выходцев из Едвабне и окрестностей и нашла также польских свидетелей случившегося. Книга дает возможность познакомиться с местным контекстом, отсутствие которого в книге Гросса так часто вменялось ему в вину участниками дискуссии. Одним из наиболее выразительных элементов этой книги является визуальная (в виде панорамы с высоты птичьего полета) реконструкция картины местечка Едвабне, как оно должно было выглядеть летом 1939-го.

В то же время сама дискуссия где-то во второй половине 2002 года хотя и не утонула полностью, но очевидно затихла. Что изменила эта дискуссия в Польше? Наряду с надеждами на то, что она облегчит полякам «примирение» с их историей, появились другие голоса, свидетельствующие о том, что ее результатом стало упрочение антисемитских позиций в польском обществе.

Вероятно, если говорить об обществе в целом, то, по крайней мере, в краткосрочной перспективе позиции не изменились. В своем эмоциональном эссе-рецензии на книгу Анны Биконт «Мы из Едвабне» Ежи Едлицкий с горечью отметил, что Биконт «наблюдает, как многие ее собеседники прибегают к самоза-

щите, чтобы оградить свои чувства от фактов, даже тех, которые происходили на их глазах. Удивительно и крайне печально видеть, к каким средствам мы способны прибегнуть, дабы отринуть мнения, подкрепленные вескими доказательствами, если их признание грозит разрушить систему унаследованных нами устойчивых убеждений и вызвать у нас интеллектуальный или моральный дискомфорт»⁴⁸.

Такая самозащита действует не только в случае с собеседниками Анны Биконт, а популярные спекуляции на тему стереотипной, расхожей версии романтической традиции, на наш взгляд, не только не ослабевают, но даже усиливаются. Стереотип польскости «свил кокон» вокруг дела Едвабне подобно тому, как это произошло с другими потенциально опасными для этого стереотипа дискуссиями и историческими фактами. Надежды одних и опасения других относительно того, что традиционный стереотип поляка разрушится или подвергнется трансформациям, не оправдались. В настоящее время преступление в Едвабне едва ли открыто отрицают; скорее вокруг него воцарилась тишина, нарушаемая, однако, отдельными событиями. Лучшим примером этой тишины может служить официальный интернет-сайт местечка Едвабне, где евреи упоминаются исключительно в контексте их коллаборационизма с советскими властями и преследованиями поляков в 1939–1941 годах. Проблемы убийства 10 июля 1941 года не существует (за одним исключением: читатель, заинтересованный в посещении местечка, может ознакомиться с описанием памятных мест Едвабне, откуда узнает о существовании памятника в честь «убийства евреев 10 июля 1941 года». Больше — ничего). Публикация следующей книги Гросса под названием «Страх» (по-английски вышла в 2006 году, в польском переводе — в 2008-м) вызвала дискуссию, возродившую проблемы, связанные с «Соседями», хоть и в меньшем масштабе.

Следует, однако, обратить внимание на одну деталь. Многие оппоненты Гросса, и не только самые крайние, представляли дискуссию как столкновение «польского» и «еврейского» восприятия Второй мировой войны. Гросс выступал при таком подходе представителем еврейской «стороны». Возможно, подобные линии раздела в определенной (небольшой) степени и существовали в международной дискуссии на эту тему, которая началась после публикации английского перевода «Соседей» в 2001 году и в которой

Прикарпатье, жители которой убили 18 евреев в 1942 году; на обложке были помещены слова «Гневчина как Едвабне»⁴⁹. Пьеса Тадеуша Слободзянека «Наш класс» по мотивам «Соседей» Гросса и «Мы из Едвабне» Анны Биконт стала обладателем литературной премии *Nike* в 2010 году и объектом множества рецензий, в которых отразились различные позиции, изложенные выше.

Кажется, на рубеже 2010 и 2011 годов дискуссия вновь обостряется. В прессе появились анонсы новой книги Гросса, на

“Полярные позиции основаны на мировоззренческих принципах, поэтому они едва ли могут измениться под влиянием исторических исследований”.

можно было бы, наверное, выделить тексты, авторы которых ощущали себя выразителями той или иной «национальной» точки зрения на историю. Что же касается дебатов внутри Польши, то такая интерпретация лишена оснований. Столкнулись не «польское» и «еврейское» видение истории, а две польские позиции. В польской исторической мысли существует прочная традиция критического взгляда на национальную историю, начиная с историка эпохи Просвещения Адама Нарутовича в конце XVIII века, затем Юзефа Шуйского, Михала Бобжиньского и других исследователей так называемой «краковской исторической школы» во второй половине XIX века, вплоть до разнообразных дискуссий в XX веке, в частности, о смысле национальных восстаний. Книга Гросса (не знаю, сознательно ли) вписывается в эту традицию, и, если рассматривать ее в таком историко-культурном контексте, вся дискуссия вокруг «Соседей» является интегральной частью споров о польской истории, продолжающихся в течение нескольких веков.

В декабре 2010 года еженедельник «Политика» написал о деревне Гневчина в

этот раз написанной совместно с Иреной Грудзиньской-Гросс и названной «Золотая жатва». В ней рассказывается об участии польского населения в конце войны и сразу после нее в разграблении еврейского имущества. Как обычно, различные публичные персонажи начали высказываться об этой книге до того, как ее прочитали. Краковское католическое издательство «Знак» обвиняли в издании книги, которая якобы очерняет Польшу и поляков.

Первую рецензию, основанную на чтении полной версии книги, написал историк Павел Махцевич⁵⁰, который 11 лет назад позитивно оценивал публикацию «Соседей», признавая, что, несмотря на эмоциональный тон и неточности в деталях, книга выполнила важную задачу разрушения табу на обсуждение участия поляков в убийстве евреев. Теперь же, полагает Махцевич, когда это табу уже разрушено, такие книги, как «Золотая жатва», своими необоснованными обобщениями и неаккуратностью в деталях только возбуждают эмоции, ничего не объясняя и не помогая в борьбе с антисемитскими предрассудками в польском обществе.

В феврале 2011 года были опубликованы и две книги польских исследователей на схожие темы — о трагической судьбе евреев, пытавшихся укрыться от Холокоста в польской деревне. Эти работы — результат многолетних детальных исследований, и, в определенном смысле, они выиграли от внимания СМИ к книге Гросса. Весьма вероятно, что иначе они остались бы незамеченными. Книга Барбары Энгелькинд пытается дать общую картину происшедшего, а книга Яна Грабовского посвящена событиям в конкретной местности⁵¹. Эти книги рисуют картину широкого участия польских крестьян в вылавливании и истреблении укрывавшихся в деревнях евреев⁵².

В этой новой дискуссии можно отметить определенный мотив, которого не было при обсуждении «Соседей», но который стал проявляться в реакциях на книгу «Страх» 2008 года. Предметом обсуждения теперь стали польско-еврейские отношения в целом, и даже более широко — вопрос о поведении людей в экстремальных ситуациях⁵³. Но решительные противники этого направления исследований, разумеется, остались при своем мнении и по-прежнему видят в книгах Гросса и других авторов антипольскую пропаганду.

Поляризация, проявившаяся в ходе дискуссии десятилетней давности, продолжается. И сегодня одни считают, что признание темных страниц национального прошлого является проявлением социальной зрелости и вместе с тем моральным долгом, другие же убеждены, что основным требованием патриотизма является защита доброго имени народа. Названные позиции основаны на мировоззренческих принципах, а не на знаниях, полученных эмпирическим путем, и потому не стоит думать, что они могут измениться под влиянием тех или иных исторических исследований. Будущее покажет, сохранится ли в долгосрочной перспективе эта двойственность или одна из сторон — и какая — получит преимущество.

Post Scriptum

Я постарался изложить по существу ход дискуссии на тему Едвабне так, чтобы польский читатель получил представление о ее проблематике. Очевидно, что в этом вопросе трудно сохранить нейтральную позицию. Поэтому я чувствую себя обязанным представить свое собственное мнение по этому вопросу не потому, что считаю его особенно оригинальным или ценным — я не являюсь исследователем Второй мировой войны, — но желая быть честным перед читателем, так чтобы он мог самостоятельно оценить, повлияли ли, и если да, то насколько, мои взгляды на способ изложения позиций участников дискуссии. Итак, я считаю, что Ян Томаш Гросс, при всех отдельных неточностях в его работе, прав в принципиальном вопросе: не подлежит сомнению, что убийство в Едвабне было совершено поляками. В то же время мне кажется, что Гросс слишком легко отмахивается от всех тех участников спора, которые говорят о необходимости рассмотреть исторический контекст, более детально изучить польско-еврейские отношения как в межвоенный период, так и во время советской оккупации 1939–1941 годов. По моему убеждению, польский антисемитизм 1930-х годов (с очень важной ролью католического Костела как одного из главных его пропагандистов) и реальное или мнимое сотрудничество евреев с советскими властями оказали большее влияние на поведение польских жителей местечка Едвабне 10 июля 1941-го, чем это допускает Гросс. Для меня убедительно звучат рассуждения Дариуша Столи, что роль немцев в массовом убийстве в Едвабне была более значительной, чем считает Гросс, — без этого возникновение самой идеи и организации преступления представляется невозможным; меня также убеждает гипотеза Столи относительно роли «государства Едвабне» — локального эфемерного центра власти, обладающего монополией на

насилие. Вместе с тем, однако, я считаю, что нельзя недооценивать естественную человеческую склонность к жестокости, которая в военных условиях разрывает сдерживающие ее оковы цивилизации, религии, морали и уважения к обеспечивающей порядок государственной власти.

Уже после написания этой статьи (а не 11 лет назад, когда я был свидетелем спора о книге «Соседи») я стал задумываться над тем, можно ли вообще сводить смысл книг Гросса к критике польского антисемитизма. Ни в одной из книг Гросса не содержится утверждение, что поляки больше антисемиты, чем кто-либо другой. В XX веке люди разных национальностей в разных ситуациях убивали своих соседей, принадлежащих к другой этнической группе. Возможно, эти книги следует рассматривать не только как проявление критического отношения к польской истории (о чем шла речь выше), но также — а быть может, прежде всего? — как философ-

скую рефлексию над отравлением всей европейской культуры антисемитизмом, или даже еще шире — над порочностью и человеческой природы и присущем ей спонтанном стремлении к жестокости.

Мне кажется, моральная рефлексия в случае Едвабне совершенно необходима, хотя я не уверен, в каком направлении она должна идти. Думается, что публикация книги Гросса и вызванная ею дискуссия стали в итоге положительным явлением и в долгосрочной перспективе будут способствовать лучшему пониманию драматической истории Польши в ходе последней войны. Я абсолютно убежден, что ошибаются все те, кто считает, что установление истины каким-то образом порочит Польшу. Совершенно наоборот, как справедливо написал во введении к книге Анны Биконт Яцек Куронь: не факт убийства, совершенного много лет назад, а «сокрытие убийц и отрицание правды наносят удар по доброму имени Польши»⁵⁴. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Gross J. T. Sąsiedzi: Historia zagłady żydowskiego miasteczka. Sejny: Pogranicze, 2000. Wyd. II (интернет-версия: <http://pogranicze.sejny.pl/archiwum/jedwabne/ksiazka.pdf>; дата посещения сайта 9 декабря 2010 года).

² «Тыгодник Повшехны» (*Tygodnik Powszechny*) — католическое издание, сыгравшее важную роль в деле борьбы с антиеврейскими настроениями в Польше.

³ Cichy M. Polacy — Żydzi. Czarne karty powstania // Gazeta Wyborcza. 1994. Jan. 29 (http://www.zydziwpolisce.edu.pl/biblioteka/czytelnia/h_rw/001.pdf; дата посещения сайта 8 декабря 2010 года).

⁴ Europa nieprowincjonalna. Przemiany na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej / red. K. Jasiewicz. Warszawa, 2000.

⁵ Kaczyński A. Całopalenie // Rzeczpospolita. 2000. Maj 5 (интернет-версия: <http://www.niniwa2.sba.pl/cal.o.htm>; дата посещения сайта 8 декабря 2010 года).

⁶ Jedwabne, 10 lipca 1941 — zbrodnia i pamięć (дискуссия в редакции газеты «Речпосполита» с участием Я.Т. Гросса, Т. Стжембоша, А. Жбиковского, П. Махцевича, Р. Игнатьева) // Gross J. T. Wokół Sąsiadów: Polemiki i wyjaśnienia. Sejny: Pogranicze, 2003. P. 61.

⁷ Ср.: Szarota T. Mord w Jedwabnem: Dokumenty, publikacje i interpretacje z lat 1941—2000. Kalendarium // Wokół Jedwabnego / red. P. Machcewicz, K. Persak. T. I—II. Warszawa: IPN, 2002. T. I. «Studia». P. 461—488. — Сопоставление событий и высказываний по поводу убийства в Едвабне до момента публикации книги Гросса.

⁸ Forecki P. Spór o Jedwabne. Analiza debaty publicznej. Poznań: Uniwersytet Adama Mickiewicza, 2008. — Является наиболее значимой книгой, которая содержит ценные факты и информацию, но написана она с иных позиций, чем настоящая статья, поскольку направлена скорее на анализ дискурса, чем на историю идеи. Ср. также: The Neighbors respond. The Controversy over the

Jedwabne Massacre in Poland / ed. by A. Polonsky, J. B. Michlic (Princeton: Princeton Univ. Press, 2004) с анализом дискуссии в предисловии издателей; *Paczkowski A.* Debata wokół „Sąsiadów”. Próba wstępnej typologii // *Rzeczpospolita*. 2001. Mar. 24. No 73 (интернет-версия: http://www.rzeczpospolita.pl/dodatki/plus_minus_010324/plus_minus_a_9; дата посещения сайта 23 декабря 2010 года; перечисляются типы позиций по отношению к книге Гросса: принимающая, открыто оборонительная, скрыто оборонительная и отвергающая).

⁹ *Gross J. T.* Mord «zrozumiwały»? // *Gazeta Wyborcza*. 2000. Nov. 25–26; переиздано в его же: *Wokół Sąsiadów...* P. 18.

¹⁰ *Sulek A.* «Sąsiedzi». Zwykła recenzja // *Więź*. 2001. No 12 (интернет-версия: <http://pogranicze.sejny.pl/archiwum/jedwabne/wiez/12.html>; дата посещения сайта 4 декабря 2010 года).

¹¹ *Gross J. T.* Antoniemu Sułkowi w odpowiedzi // *Więź*. 2002. Apr.; переиздано в его же: *Wokół Sąsiadów...* P. 104.

¹² *Milewski J. J.* Polacy i Żydzi w Jedwabnem i okolicy przed 22 czerwca 1941 roku // *Wokół Jedwabnego*. T. I. P. 75. Ср. также: *Wierzbicki M.* Stosunki polsko-żydowskie na Zachodniej Białorusi w latach 1939–1941 // *Wokół Jedwabnego*. T. I. P. 129–158.

¹³ Цитируются также в: *Bikont A.* *My z Jedwabnego*. Warszawa, 2004. P. 113.

¹⁴ *Strzemboś T.* Szubienica i huśtawka // *Gazeta Polska*. 2001. Jan. 17 (беседа Т. Стжембоша с Эльжбетой Исакевич; интернет-версия: <http://pogranicze.sejny.pl/archiwum/jedwabne/strzembo.html>; дата посещения сайта 23 декабря 2010 года).

¹⁵ *Sąsiedzi...* P. 59.

¹⁶ *Żbikowski A.* Pogromy i mordy ludności żydowskiej w Łomżyńskim i na Białostocczyźnie latem 1941 roku w świetle relacji ocalałych Żydów i dokumentów sądowych // *Wokół Jedwabnego*. T. I. P. 159–272; *Idem.* U genezy Jedwabnego. Żydzi na Kresach Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej wrzesień 1939–lipiec 1941. Warszawa: Żydowski Instytut Historyczny, 2006. P. 219–220, etc.

¹⁷ *Szarota T.* Mord w Jedwabnem. Udział ludności miejscowej w Holokaucie // *Idem.* *Karuzela na placu Krasińskich. Studia i szkice z lat wojny i okupacji*. Warszawa: Rytm, 2007. P. 175.

¹⁸ *Stola D.* Pomnik ze słów. Cz. I-II // *Rzeczpospolita*. No 127. 2001. Jun. 1. P. A9; No 128. 2001. Jun 2–3. P. A6.

¹⁹ *Szarota T.* U progu zagłady. Zajścia antyżydowskie i pogromy w okupowanej Europie. Warszawa, Paryż, Amsterdam, Antwerpia, Kowno. Warszawa, 2000 (книга Шароты, опубликованная одновременно с «Соседями» Гросса, не затрагивает проблемы Едвабне, но в то же время содержит крайне ценный сравнительный материал); *Dmitrów E.* Oddziały operacyjne niemieckiej Policji Bezpieczeństwa i Służby Bezpieczeństwa a początek zagłady Żydów w Łomżyńskim i na Białostocczyźnie latem 1941 roku // *Wokół Jedwabnego*. T. I. P. 273–352; *Żbikowski A.* U genezy... P. 167–211.

²⁰ *Sąsiedzi...* P. 101.

²¹ *Gontarczyk P.* Po pierwsze warsztat // *Życie*. 2001. Jun. 29 (интернет-версия: http://www.naszawitryna.pl/jedwabne_87.html; дата посещения сайта 22 декабря 2010 года).

²² *Wokół «Sąsiadów»...* P. 114–115.

²³ Ср. *Urynowicz M.* Ludność żydowska w Jedwabnem. Zmiany demograficzne od końca XIX wieku do 1941 roku na tle regionu łomżyńskiego // *Wokół Jedwabnego...* T. I. P. 129–158.

²⁴ *Bikont A.* *My z Jedwabnego...* P. 334–335.

²⁵ *Wierzbicki M.* Polacy i Żydzi w zaborze sowieckim. Stosunki polsko-żyдowskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką (1939–1941). Warszawa: Fronda, 2007. Wyd. II. P. 275.

²⁶ *Ibid.* P. 290.

²⁷ *Gross J. T.* Wstęp // *Idem.* *Wokół «Sąsiadów»...* P. 5.

²⁸ *Musiał B.* *Historiografia mityczna* // *Rzeczpospolita*. 2001. Feb. 24 (интернет-версия: http://niniwa2.cba.pl/historiografia_mityczna.htm; дата посещения сайта 21 декабря 2010 года).

²⁹ *Chodakiewicz M. J.* Kłopoty z kuracją szokową // *Rzeczpospolita* (интернет-версия: http://new-arch.rp.pl/artukul/317680_z_kuracja_szokowa.html; http://naszawitryna.pl/jedwabne_312.html; дата посещения сайтов 22 декабря 2010 года).

³⁰ *Ibid.*

³¹ *Gontarczyk P.* Gross kontra fakty // *Życie*. 2001. Jan. 31 (интернет-версия: http://www.naszawitryna.pl/jedwabne_253.html; дата посещения сайта 21 декабря 2010 года). Аналогичны по стилю выдержанные в подобном «поучительном» тоне выводы в рецензии Богдана Мусяля: *Musiał B.* *Tezy dotyczące pogromu w Jedwabnem. Uwagi krytyczne do książki “Sąsiedzi” autorstwa Jana Tomasza Grossa* // *Dzieje Najnowsze*. 2001. No 3. P. 252–280.

³² Gross klamie — nie mogłem milczeć. Z prof. dr hab. Tomaszem Strzemboszem rozmawiają: Paweł Smogorzewski i Eugeniusz Zdanowicz // Powściągliwość i Praca. 2001. No 12. Dec. (интернет-версия: http://www.naszawitryna.pl/jedwabne_659.html; дата посещения сайта 23 декабря 2010 года).

³³ *Finkelstein N.* The Holocaust Industry: Reflections on the Exploitation of Jewish Suffering. Verso, 2000.

³⁴ *Radio Maryja* — ультраправая католическая радиостанция, курируемая членами монашеского религиозного ордена редemptористов (Конгрегации Святейшего Искупителя).

³⁵ *Jedlicki J.* Jak się z tym uporać // *Polityka*. 2001. Oct. 2. No 6.

³⁶ *Żakowski J.* Diabelskie szczegóły (интервью с Томашем Шаротой) // *Gazeta Wyborcza*. 2000. Nov. 18–19 (интернет-версия: <http://pogranicze.sejny.pl/archiwum/jedwabne/szavzak.html>; дата посещения сайта 17 декабря 2010 года).

³⁷ Высказывания Едлицкого в ходе дискуссии не были опубликованы. Цит. по: *Bikont A.* *My z Jedwabnego...* 3. 21.

³⁸ *Świda-Ziemia H.* Krótkowzroczność “kulturalnych” // *Gazeta Wyborcza*. 2001. Apr. 7 (интернет-версия: <http://polish-jewish-heritage.org/pol/krotko.htm>; дата посещения сайта 23 декабря 2010 года).

³⁹ *Jedlicki J.* Op. cit.

⁴⁰ *Chodakiewicz M. J.* The Massacre in Jedwabne July 10, 1941. Before, During and After. Boulder Colorado, 2005. P. 154–155.

⁴¹ *Musiał B.* Historiografia mityczna...

⁴² *Machcewicz P.* Wokół Jedwabnego // *Wokół Jedwabnego...* T. I. P. 16–17.

⁴³ *Libionka D.* Duchowieństwo archidiecezji łomżyńskiej wobec antysemityzmu i zagłady Żydów // *Wokół Jedwabnego*. T. I. P. 105–128.

⁴⁴ *Szarota T.* “Sprawozdanie kościelne z Polski za czerwiec i połowę lipca 1941go roku”. Próba analizy dokumentu // *Idem.* *Karuzela...* P. 198–216.

⁴⁵ Интервью польского примааса, кс. кардинала Юзефа Глемпа Католическому информационному агентству // *Nasz Dziennik*. 2001. May 15

(интернет-версия: http://www.naszawitryna.pl/jedwabne_377.html; дата посещения сайта 22 декабря 2010 года).

⁴⁶ *Ks. Adam Boniecki.* Oto rozległ się głos... // *Tygodnik Powszechny*. 2001. No 22; переиздано в: *Żydownik powszechny. Dodatek do Tygodnika Powszechnego na 65 lecie pisma* / red. P. Mucharski, M. Ochoński. Kraków, 2010. P. 26. (Это приложение представляет собой антологию текстов из «Тыждник Повшехны», посвященных еврейской проблематике за период 1946–2009 годов.)

⁴⁷ Ср.: *Celebracja kłamstwa*. Ks. Edward Orłowski — proboszcz parafii Jedwabne, 12.12.2002 (интернет-версия: http://www.naszawitryna.pl/jedwabne_889.html; дата посещения сайта 22 декабря 2010 года).

⁴⁸ *Jedlicki J.* Podróż do jądra ciemności // *Zeszyty Literackie*. 2005. No 1 (интернет-версия: <http://czytelnia.onet.pl/0,33811,1,5840,recenzje.html>; дата посещения сайта 4 декабря 2010 года).

⁴⁹ *Lazarewicz C.* Letnisko w domu śmierci // *Polityka*. No 49 (2785). 2010. Dec. 4. P. 32–35.

⁵⁰ *Machcewicz P.* recenzja ostatecznej wersji «Złoty Żniw»: historia zaangażowana // *Gazeta Wyborcza*. 2011. Feb. 14 (интернет-версия: <http://wyborcza.pl>; дата посещения сайта 28 февраля 2011 года).

⁵¹ *Engelking B.* Jest taki piękny słoneczny dzień... Losy Żydów szukających ratunku na wsi polskiej 1942–1945. Warszawa: Centrum Badań nad Zagładą Żydów, Instytut Filozofii i Socjologii PAN, 2011; *Grabowski J.* *Judenjagd. Polowanie na Żydów 1942–1945. Studium dziejów pewnego powiatu*. Warszawa: Centrum Badań nad Zagładą Żydów, Instytut Filozofii i Socjologii PAN, 2011.

⁵² См.: “Strach przed niedzielą”. Koniec z mitem bohaterskiej polskiej wsi (интервью Войцеха Тохмана с Барбарой Энгелькинд и Яном Грабовским на Радио *TOK FM*) (текст см. на сайте <http://www.tokfm.pl>; дата посещения сайта 28 февраля 2011 года).

⁵³ *Leociak J., Libionka D.* *Sny o Bezgrzesznej* // *Tygodnik Powszechny*. 2011. Jan. 11 (<http://tygodnik.onet.pl>; дата посещения сайта 28 февраля 2011 года).

⁵⁴ *Bikont A.* *My z Jedwabnego...* P. 15.

The Cambridge History of the Cold War / M. P. Leffler, O. A. Westad (eds). Vol. 1—3. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2010. 664; 640; 688 p.

История России: XX век. Т. 2: 1939—2007 / Отв. ред. А. Зубов. М.: АСТ; Астрель, 2009. 848 с.

Действительно ли с холодной войной покончено? Она определяла ход мировой истории во второй половине прошлого столетия, и ее последствия, особенно в Европе и в американо-российских отношениях, ощущаются до сих пор — более чем через 20 лет после ее окончания. Дискуссии и споры о причинах холодной войны продолжаются уже несколько десятилетий: что положило ей начало? кто — несколько упрощая — в этом виноват? можно ли было ее предотвратить? были ли упущены какие-то возможности в годы, прошедшие после смерти Сталина? наконец, когда, как и почему она закончилась? Пока существовала советская власть, российские историки и комментаторы отвечали на эти вопросы без колебаний: во всем виноваты главные поборники холодной войны — сторонники жесткой линии на Западе (прежде всего — американцы), не верившие в советские мирные намерения, а возможно, и заинтересованные в поддержании напряженности и конфликтов. Это безнадежно предвзятые люди, угроза миру во всем мире и, вполне вероятно, поджигатели войны. И, нужно сказать, в некоторых западных кругах с этими советскими стереотипами соглашались.

После окончания холодной войны открылся доступ к огромному массиву ранее засекреченных источников (но далеко не ко всем!), в основном из советских архивов, и они тща-

тельно изучаются. В результате были опровергнуты некоторые крайние утверждения коммунистов, например, что военный конфликт в Корее спровоцировал Вашингтон. Но причины начала и конца холодной войны до сих пор оцениваются абсолютно по-разному, причем сегодня широкие разногласия обнаруживаются не столько между западными и российскими интерпретаторами, сколько внутри обоих этих лагерей. Они проявляются даже в лексике спорящих сторон. Так, многие западные историки с большой осторожностью используют слово «тоталитарный» применительно к России сталинских времен, так как они полагают, что серьезные, непредвзятые аналитики не должны использовать этот крайне ангажированный, даже пропагандистский ярлык. Между тем некоторые российские историки и комментаторы не испытывают подобных угрызений совести, и даже президент России иногда не чуждается этого слова. Так, в интервью «Известиям» (6 мая 2010 года) Дмитрий Медведев сказал: «Если говорить прямо, тот режим, который сложился в СССР, иначе как тоталитарным назвать нельзя».

Сравнение двух недавно опубликованных работ, а именно трехтомной «Кембриджской истории холодной войны» (не упоминающей о тоталитаризме) и не менее объемистого российского двухтомника «История России: XX век», обширнейший второй том которого в основном посвящен периоду холодной войны, проливает некоторый свет на эти сложные вопросы. Оба этих труда — плоды усилий больших коллективов (более пятидесяти авторов в каждом из них). Участие

ПЕРЕВОД РЕЦЕНЗИИ УОЛТЕРА ЛАКЕРА (WALTER LAQUEUR) "WEST MEETS EAST: TWO NEW VERSIONS OF THE COLD WAR", ОПУБЛИКОВАННОЙ В ЖУРНАЛЕ WORLD AFFAIRS (VOL. 173, ISSUE 4, NOVEMBER / DECEMBER 2010, P. 85—177) WWW.WORLDAFFAIRSJOURNAL.ORG © 2010, WORLD AFFAIRS INSTITUTE. ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ WORLD AFFAIRS INSTITUTE

стольких специалистов, несомненно, повышает значимость рецензируемых изданий, отдельные главы которых не только различаются качественно, но и отражают в определенной мере разные точки зрения. Тем не менее, даже в отсутствие «генеральной линии партии», каждая из этих гигантских работ следует в основном своему собственному общему подходу.

Итак, в чем же можно усмотреть причины холодной войны? Авторы российского исследования (главный редактор — Андрей Зубов) не испытывают по этому поводу каких-либо сомнений или колебаний. В главе 3 второго тома говорится о «приготовлениях России и Сталина к третьей мировой войне, которая не состоялась». Приводятся слова последнего руководителя Коминтерна Георгия Димитрова о том, что еще в январе 1945-го на приеме на своей даче под Москвой Сталин заявил, что хотя Россия состояла в союзе с одной капиталистической фракцией (США и Великобританией) против другой (нацистов), в скором времени нынешние союзники вступят в борьбу между собой. Сталин считал, что вследствие послевоенного экономического кризиса капитализма и конфликта между западными союзниками Америка будет вынуждена вывести свои войска из Европы. А это позволило бы СССР не только доминировать в Восточной Европе, но и распространить свое влияние на всю Германию, на Францию и Италию. В российском исследовании также отмечается (с явным недоумением, а то и с изумлением), что западные политики продолжали уповать на мирные намерения «дяди Джо» и «просто не хотели верить в советский экспансионизм» до тех пор, пока на Западе не возобладал более трезвый подход (а это произошло только после фултонской речи Уинстона Черчилля о «железном занавесе», которая в этом томе приведена полностью). Следующие вехи в развязывании холодной войны — это блокада Берлина,

спровоцированная Сталиным, коммунистический переворот в Праге в 1948 году и быстрая советизация Восточной Европы.

В российском исследовании также отмечается, что, по мнению начальника советского Генерального штаба маршала Сергея Ахромеева, в начале 1950-х советская военная доктрина основывалась на полной уверенности в том, что советские танковые дивизии могут быстро занять Западную Европу вплоть до Атлантики. Что же касается начала войны в Корее, инициатива тут исходила от Ким Ир Сена, но Сталин дал ему «зеленый свет» и предоставил огромное количество военной техники, «совершенно сознательно пытаясь вовлечь Америку в новый конфликт, который в конечном счете мог привести к третьей мировой войне». Короче говоря, из этого тома можно заключить, что Сталин был чудовищем, причем России он навредил больше, чем всему остальному миру.

В кембриджской версии истории, с ее более осторожным и сбалансированным подходом, мы не найдем подобных откровений. Она состоит из эссе ведущих специалистов по международным вопросам, которые охватывают все аспекты холодной войны. Двадцать лет назад, под влиянием войны во Вьетнаме и в атмосфере общего недоверия западных интеллектуалов к мотивам американской стороны, западные историки, по-видимому, стали до некоторой степени «ревизионистами». Разве не правда, что Вашингтон не желал в достаточной мере учитывать законные интересы безопасности СССР, что многие возможности предотвращения конфликтов или быстрого их урегулирования были упущены, что западные лидеры сильно преувеличивали советские политические амбиции и выступали с односторонними осуждениями? Но гласность, падение Советского Союза и, конечно, открытие доступа к советским архивам побудили академический мейнстрим отойти от

«ревизионизма», иногда не так далеко, но все же заметно. Например, в кембриджской истории трактовка начала войны в Корее не очень отличается от русской версии. Несколько раз упомянут ГУЛАГ (хотя и не так часто, как маккартизм), и при случае авторы не стесняются называть Сталина диктатором.

В отличие от большинства предыдущих работ, рецензируемое кембриджское издание описывает не только дипломатическую историю и не только Европы, которая хотя и была, по общему признанию, главным «театром военных действий» в холодной войне, но все же далеко не единственным. Одним из больших минусов ревизионистского направления было то, что в его рамках работали в основном американисты, делавшие упор на американскую политику, что давало неполную, а иногда и просто искаженную картину. Кембриджская история включает в себя работы не только русских авторов, но и американских специалистов по русской истории и политике. Это обеспечивает гораздо более полную картину, но Америке и Западу в целом по-прежнему уделяется непропорционально большое внимание. Вот лишь один пример: здесь есть глава, посвященная общей американской стратегии, но нет аналогичного раздела, посвященного российской стороне. Возможно, это имело бы смысл, если бы Запад большую часть времени проявлял инициативу в холодной войне, а Кремль просто реагировал на это, но ведь на самом деле это было совсем не так. Имеется также глава на тему «культура и холодная война в Европе», из которой читатель узнаёт, что пропагандисты американской культуры за рубежом были слишком простодушны и им не удалось победить врожденный европейский антиамериканизм. Между тем, кроме нескольких ссылок на Восточную Германию, читатель не найдет здесь ничего о пропаганде советской культуры в тот же период — насколько успешной

она была в Польше, Венгрии или, скажем, в странах Западной Европы.

Кембриджская версия истории холодной войны — энциклопедический труд, но, как отметил сэр Лоуренс Фридмен, не совсем ясно, в чем же все-таки была суть холодной войны: был ли это просто конфликт между двумя сверхдержавами, каждая из которых отстаивала свои законные интересы, или все-таки между намерениями этих держав существовала определенная асимметрия?

Российская версия истории написана с определенной политической точки зрения, которую отнюдь не все разделяют даже в самой России. Например, довольно подробно рассматривается, что происходило за пределами страны (значение русской эмиграции), а также жизнь русской церкви (и других религиозных конфессий) в Советском Союзе. Деятельность православной церкви строго контролировалась советским руководством, и среди священнослужителей было много сотрудников КГБ. Политическое значение эмиграции было незначительным, гораздо большее влияние оказало диссидентское движение в России (о котором, однако, написано меньше). Довольно часто упоминается Александр Солженицын, но он был гораздо более влиятелен за пределами Советского Союза, нежели внутри его.

В российской версии истории Никита Хрущёв выступал за «революционную дипломатию, подобную той, которую в 1920-х годах проводил Коммунистический интернационал». Когда Джон Кеннеди попытался мирно решить германский вопрос и другие спорные вопросы холодной войны, Хрущёв увидел в этом слабость молодого президента и начал оказывать на него давление, спровоцировав Карибский и второй Берлинский кризисы. Кембриджская версия истории трактует это по-другому: в ней говорится о «безрассудной агрессивной политике» Кеннеди.

Пройдя через череду других кризисов, мы вступаем в эпоху разрядки. Откуда поступил главный импульс разрядки? Согласно российской версии, «исследования и документы показывают, что основной импульс пришел с Запада». Здесь сыграл свою роль ряд факторов, в частности, изменения в Западной Германии при Вилли Брандте вкупе с «иллюзиями относительно того, что СССР стал нормальной страной», и стремление Ричарда Никсона и Генри Киссинджера получить передышку, которая позволила бы им выпутаться из войны во Вьетнаме. Кембриджская история оценивает достоинства западных инициатив по разрядке с меньшим оптимизмом: она тоже хвалит Никсона и Киссинджера, но при этом обвиняет их в создании завесы секретности, что лишило их общественной поддержки. Однако обе версии истории признают, что доктрина Брежнева основывалась на уверенности советских лидеров в том, что общий баланс сил сместился и будет продолжать смещаться в их сторону, если они сами не будут провоцировать опасную конфронтацию. Российская версия цитирует Леонида Брежнева, заявившего, что он искренне против гонки вооружений. Однако в это не очень верится, потому что генсек находился под постоянным давлением определенной части военного руководства и коммунистических партийных вельмож, стремившихся к достижению стратегического превосходства.

Обе версии сходятся в том, что касается провала разрядки, и прежде всего конфликтов в странах третьего мира. Правда, язык версии под редакцией Зубова более экспрессивен: чего стоят «советские авантюры в Африке и Центральной Америке», «разбазаривание советских ресурсов», «кризис глобальной советской империи».

Каждая из книг имеет и свои примечательные упущения. Версия Зубова упоминает о том, что КГБ помогал финансировать движе-

ние в защиту мира на Западе, в то время как кембриджская версия об этом умалчивает. Российский труд возлагает ответственность за покушение на папу Иоанна Павла II на спецслужбы России и Болгарии, тогда как кембриджская история об этом вообще не упоминает. Российская версия сообщает, что советское руководство сначала не воспринимало риторику Рональда Рейгана серьезно и полагало, что он постепенно «станет трезвее», но потом сильно встревожилось и даже поверило в возможность (и в вероятность) американского ядерного удара. В кембриджской версии целый том посвящен обстоятельствам и причинам окончания холодной войны и распада советской системы; российская версия, наоборот, едва касается этих проблем, может быть, отчасти потому, что ее авторы полагают, что причины быстрого разрушения здания, которое построил Сталин, в свете уже представленной истории вполне очевидны. Но причина может состоять и в том, что эта проблема по-прежнему считается слишком спорной для детального обсуждения: разве Владимир Путин не сказал недавно, что распад Советского Союза стал величайшей геополитической катастрофой XX века?

На данный момент российская версия истории под редакцией Зубова — это самое объемное и амбициозное из подобных исследований, но, конечно, она не является новой официальной версией советской истории. Напротив, когда в июне 2007 года Путин созвал конференцию преподавателей истории для выработки руководящих принципов патриотического воспитания молодого поколения, предложенная доктрина состояла из элементов дореволюционной и советской историографии, но с примесью Солженицына («Жить не по лжи») — вот уж поистине непростая комбинация! Этим летом два московских профессора (Александр Барсенков и Александр Вдовин)

опубликовали новую «патриотическую» версию российской истории XX века, которая во многом оправдывает сталинскую политику, однако ее издание немедленно вызвало возражения и протесты.

Почему предлагаемые интерпретации истории СССР и холодной войны имеют такое политическое звучание? Для этого существует как минимум одна веская причина: нынешнее и будущее состояние российско-американских отношений. В эпоху холодной войны Советский Союз и Соединенные Штаты (вместе с НАТО) считали друг друга главными врагами. Но это было несколько десятилетий назад, и, казалось бы, в XXI веке общие интересы должны возобладать над спорами и напряженностью между обеими странами. Но в реальности улучшение отношений оказалось весьма скромным. Хотя президент Обама объявил о «перезагрузке» российско-американских отношений, а «путинизм» — далеко не первая в списке угроз, которые волнуют американцев, большинство россиян, согласно всем опросам общественного мнения, считают США не только главным виновником разрушения Советского Союза, но и злейшим врагом России в настоящее время и в обозримом будущем. Эта точка зрения изо дня в день подкрепляется российскими СМИ, а не только несколькими отставными генералами, неосталинистами, неоевразийцами или представителями разношерстных экстремистских групп. Ее разделяет и значительная часть центристского политического истеблишмента России. Александр Проханов, пожалуй, самый известный идеолог нынешних российских правых, назвал свою новую книгу, напи-

санную совместно с несколькими другими авторами, «Предчувствие новой холодной войны».

Правда, в руководстве России есть и сторонники улучшения отношений с Вашингтоном, но они, по-видимому, в меньшинстве, причем никогда не было ясно, выходят ли их устремления сколько-нибудь далеко за рамки привлечения американской экономической и технологической помощи для модернизации экономики России. В мае этого года появились сообщения о решении Москвы улучшить отношения с большинством западных стран. Если это действительно так, то новость хорошая. Но как далеко зайдет данный процесс? И как объяснить постоянный антагонизм между обеими странами? Можно было бы обратиться к славянофилам XIX века, таким как Федор Достоевский и Николай Данилевский, которые рассматривали Запад (в то время, конечно, Европу, потому что Америка тогда вряд ли всерьез присутствовала в умах россиян) как извечного врага России. Западная русофобия считалась глубокой и неизменной, и у таких людей было твердое убеждение, что Запад стремится навредить России всегда и всеми возможными способами. Но славянофилы были образованными людьми, и все их страхи и неприязнь к Западу, все угрозы, о которых они думали и говорили, имели скорее культурно-духовный, нежели военно-политический характер. Сегодня же носители антизападных настроений в России оглядываются на пропаганду не столь отдаленных времен холодной войны. И живучесть ее проявлений, несомненно, заслуживает дальнейшего изучения. ■

УОЛТЕР ЛАКЁР

Идеология «особого пути» в России и Германии: Истоки, содержание, последствия / Под ред. Э.А. Паина. Институт Кеннана. М.: Три квадрата, 2010. 320 с.

Вопрос о «самобытности» возникает в России далеко не впервые. Вот уже двести лет он не сходит с повестки дня — с тех пор, как в стране возникла современная интеллектуальная мысль, стремящаяся осознать место России в мире и определить путь ее исторического развития. Эта мысль никогда не отличалась единством: в ней доминировали два влиятельных течения, каждое из которых обладало кардинально разной оптикой. Либералы, как правило, объясняли специфику России политической и культурной отсталостью, а консерваторы — особым путем развития. Что касается левых (социалистов и коммунистов), то и среди них не было единодушия: их ответы на этот фундаментальный вопрос различались в зависимости от их политической ориентации и от исторического периода. Власть, несмотря на ее очевидный авторитарный характер, тоже колебалась: в эпохи бурного реформирования и стремления к модернизации она склонялась к либеральному решению, а когда реформы выдыхались, уступая место контрреформам или стагнации, власти переходили на консервативные позиции. И хотя интеллектуалы доказывали правильность своего видения ссылками на науку, очевидно, что в данном случае наука служила лишь ширмой для идеологической установки.

Примечательно, что споры об «особом пути» возникли в России после того, как она вступила на путь модернизации и стала активно заимствовать из Европы как технический опыт, так и научные технологии, — при этом, что очень важно, сохраняя в неизменности политическую систему (или ограничиваясь лишь косметическими изменениями). Именно

легитимация политической системы требовала апелляции к «особому пути», хотя консервативная риторика взывала к «спасению культурного лица» и «сохранению традиции».

В этом Россия была далеко не одинока, такой нелегкий путь пришлось пройти многим странам, причем не только в Азии, Африке и Латинской Америке, но и в самой Европе. Обычно техническая революция так или иначе опережала кардинальную смену политической системы, а прежняя элита (или номенклатура) всеми силами пыталась сохранить власть. Так происходило и в Японии (после революции Мэйцзи), и в Германии (после революции 1848 года и особенно после франко-прусской войны и возникновения империи). Однако в конечном счете политическая система все-таки вынужденно менялась, чтобы соответствовать экономической структуре. Где-то (в Англии и Франции) нация совершала это собственными силами, а где-то (в Германии и Японии) изменения происходили в результате катастрофического военного поражения. Оба пути становились тяжелым испытанием для населения, но особенно трудным был второй. Как бы то ни было, в результате тектонических изменений, произошедших в течение последних 100—150 лет, ни Германия, ни Япония не потеряли своего культурного лица, чего все эти годы страшились и до сих пор страшатся консерваторы. Тем самым «особый путь» вполне сочетается с либерализацией и демократизацией. Не мешают этому и «чужаки-инородцы». Достаточно вспомнить страхи перед «демографическим натиском славян», охватившие Австрию и отчасти Германию ровно сто лет назад: сегодня эти «славяне»,

хотя иной раз и вспоминают о своем «славянском происхождении», тем не менее с полным основанием считают себя австрийцами.

Все это надо учитывать, оценивая современную идеологию «особого пути», популярную в России в последнее десятилетие. Ее своеобразие в нашей стране особенно ярко высвечивается в сравнении с соответствующими зарубежными идеологическими конструкциями. В этом отношении особый интерес для нас представляет Германия, где сходная идеология была детально разработана местными интеллектуалами в русле концепции «консервативной революции». Поэтому сравнение российского опыта с германским является правильным и плодотворным. Это тем более целесообразно, что нынешних русских националистов более всего привлекает именно германский опыт. Действительно, Россию роднят с Германией традиции «верхушечного реформирования» в сочетании с особой верой народа в авторитет правителя, а также стремление компенсировать экономическое и социальное отставание ссылкой на необычайную «духовность» (об этом сходстве правильно пишут авторы рецензируемой книги, с. 10). Правда, если за последние полвека Германия сумела все это преодолеть, то для России проблема сохраняется в полном объеме.

Вот почему в рецензируемой книге вполне справедливо делается акцент на сравнительном анализе России и Германии*. Примечательно, что авторами книги выступают историки, политологи и социологи, причем не только российские, но и немецкие. Все это имеет особую актуальность в свете идеологемы «Веймарской России», которая

* Книга была создана по результатам одноименной конференции, проведенной московским отделением Института Кеннана совместно с московским бюро Фонда им. Фридриха Науманна, Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы и Благотворительным фондом «Институт толерантности».

вот уже лет двадцать активно обсуждается в гуманитарном академическом сообществе.

Книга отличается большим разнообразием сюжетов, при этом половину объема занимает анализ идеи «особого пути» в исторической перспективе и на сравнительном материале двух стран. Правда, история дана пунктирно, а набор сюжетов определялся тем, кто именно вошел в авторский коллектив. Главный упор здесь сделан на сравнении почвеннических идеологий в СССР, Германии и в среде русских эмигрантов межвоенного периода. Более раннее время представлено лишь обсуждением консервативной позиции Русской православной церкви, которая страшилась рационального знания и тем самым тормозила развитие страны (см. главу Сергея Магарила), а также анализом карьеры графа Сергея Семёновича Уварова и обстоятельств, приведших его к известной формуле «Православие, Самодержавие и Народность» (см. главу Марии Майофис). Деятельность адмирала Александра Семёновича Шишкова, славянофилов, создателей «славянской школы» в историографии, а также Аполлона Григорьева, Николая Данилевского и Константина Леонтьева осталась за рамками сборника, равно как и влияние германского романтизма на становление самой идеи «особого пути».

Гораздо больше внимания уделяется 1920–1940-м годам, когда идея «особого пути» по совершенно разным причинам завладела умами огромной массы интеллектуалов как в Германии, так и в СССР. При этом если в Германии она фактически ограничивалась концепцией «консервативной революции» с ее ярким «расово-этническим» окрасом, то в СССР и среди русских эмигрантов (сменовеховцев, евразийцев, младороссов) она была представлена целой палитрой разнообразных взглядов. В то же время в условиях тоталитаризма и господства «идеократии» (термин «евразийцев») идея «особого пути» не ограничивалась политической демагогией и романтическими

рассуждениями отдельных писателей — на нее была обязана работать вся научная индустрия, в частности профессиональные историки. Мало того, как показывает один из авторов (Юрген Царуски), оказалась затронута даже область права. Все это ставит перед нами вопрос о конформизме интеллектуалов и о сотрудничестве многих из них с преступной властью (см., например, аргументы Владимира Тан-Богораза и Исаея Лежнева на с. 79–81), о чем, в частности, писали Ханна Арендт и Зигмунт Бауман.

Этот вопрос, сохраняющий актуальность и сегодня, затрагивается во второй части, посвященной идеологии «особого пути» в современной России. Здесь эта идеология рассматривается как стержень современного российского национализма, обсуждается ее инструментализация властной элитой, а также особенности ее проявления в общественном мнении. Говорится также о влиянии «оранжевой революции» на властную элиту и общественное мнение в России, а также о причинах роста мистических и конспирологических настроений.

В первой части читатель узнает о роли эмоций в политике и науке, об устойчивости понятийного аппарата и его влиянии на идеологические и научные построения, о многозначности трактовок одних и тех же политических и военных действий противоположными сторонами («привнесение демократии» одной стороной и «посягательство на культуру и традицию» другой), о выстраивании образа «чужака» и «восхитительного врага», о социально-политической роли государственных юбилеев (см. главу Александра Хрякова). Там же он познакомится с дискуссией об истоках российского изоляционизма, а также найдет интересные материалы об обстоятельствах перерождения либерала в консерватора (на примере Уварова) и о куда более редком случае перерождения изоляциониста-романтика в либерала (на примере Томаса Манна) (см. главы Майофис и Хрякова).

Еще один сюжет — это идеология «консервативной революции», которая давно забыта в Германии, но продолжает вдохновлять некоторых российских мыслителей. Важно, что автор этого экскурса Леонид Люкс выявляет не только сходства, но и различия между «консервативной революцией» и евразийством, которые не замечают российские приверженцы соответствующих подходов. Правда, Люкс недооценивает склонность и евразийцев, и сторонников «консервативной революции» к политическому тоталитаризму: ведь все они мечтали о едином национальном вожде и однопартийной системе, причем евразийцы даже выстроили сложную систему культурологических аргументов в пользу такого устройства. И неслучайно члены этих движений, за редким исключением, позитивно восприняли одни — сталинскую диктатуру, другие — нацизм. Прозрение пришло тогда, когда ничего изменить уже было нельзя.

Вторая часть книги открывается обсуждением роли евразийской концепции в выстраивании внешней политики постсоветской России (см. главу Александра Кубышкина и Александра Сергунина). Хотя оценка геополитики как устаревшей парадигмы представляется бесспорной, трудно согласиться с отождествлением почвеннического неоевразийства со славянофильством, поскольку они находились в постоянной вражде; столь же спорным является утверждение об «исчезновении неоевразийства с политико-интеллектуального горизонта России».

Стержнем второй части, безусловно, является статья Александра Верховского и Эмиля Паина, выделяющая в составе русского национализма его особую версию — «цивилизационный национализм». Последний понимает нацию не столько в гражданском, сколько в историко-культурном смысле и отождествляет Россию с отдельной уникальной цивилизацией, которая в силу культурной специфики развивается по особым законам и

имеет особый менталитет. Такое представление о «российской цивилизации» настолько понравилось власти, что в последние годы оно неоднократно звучало в выступлениях руководства страны. Авторы справедливо полагают, что эта идея служит легитимации «чрезмерно персонализированного характера системы политической власти» и одновременно является симптомом застоя (с. 175–176). К этому следовало бы добавить идею «культурного расизма», находящуюся в столь близком родстве с «цивилизационным подходом», что сегодня последний сплошь и рядом служит для псевдонаучного обоснования бушующей в России ксенофобии. Неслучайно авторы предупреждают о возможности роста этноксенофобии по мере укрепления цивилизационного национализма (с. 205). Или, как выразился другой автор (Борис Фирсов), «акцент на несхожести ведет к апологии “особого пути”» (с. 235). А ведь это вызывает мессианские настроения, пренебрежительное отношение к «Другому» и, как следствие, ксенофобию.

Между тем идеология «особого пути» с ее вечным спутником в виде «образа врага» не замыкается в элитарных кругах, а начиная с середины 1990-х годов оказывает сильное влияние на общественные настроения. Среди автостереотипов социологи отмечают представление о растворении индивида в коллективности, и это, безусловно, отсылает нас к ценностям традиционного общества, позволяя найти компромисс между двумя полярностями — ведь «особость», как отмечает Борис Дубин, оказывается возможным трактовать как «отсталость» или, мягче, как приверженность «традиционным устоям». Здесь обнаруживается картина, хорошо известная культурным антропологам (этнографам) и многократно ими описанная на материалах Азии, Африки и Океании. Но как такое оказалось возможным в России после советского опыта революционного отказа от «традиционности» и в особенности как такая «традиционность» сочетается с крайней ато-

мизацией жизни и поведения современных российских горожан, в частности, находит выражение в «безответственности», о которой пишет Дубин, и в разрыве социальных связей, о чем ниже сокрушается Паин? Как соотносится пресловутая «соборность» с противоречащей ей реальностью («режимом разобщения», по Дубину)? Как люди, еще вчера исповедовавшие марксизм с его представлением об общих закономерностях общественного развития, сегодня становятся рьяными сторонниками иррациональной идеи «особого пути» и приверженцами тесно связанной с ней теории заговоров? Объяснение, которое предлагает Дубин: идеология «особого пути» должна рассматриваться как «символический механизм социальной адаптации».

К тому же выводу приходит и Паин, говоря о связи идеологии «особого пути» с признаками «минимальной демократии» и попятного движения к авторитаризму. Он скрупулезно анализирует поворот вспять, начавшийся в середине 1990-х годов, как следствие неоправдавшихся надежд на демократические реформы и помощь Запада. Этот поворот, в частности, манифестировался возвращением старой символики — царской при Ельцине и советской при Путине, что само по себе может послужить материалом для интересного культурологического исследования. В любом случае такая апелляция к прошлому вряд ли могла поддержать становление демократии. Но стоит ли винить в этом атомизацию (с. 282)? Определенная атомизация как раз является следствием воплощения демократических принципов, тогда как клановость («этническая традиция») создает им очевидные препятствия. Дело не в атомизации самой по себе, а в том, что в России она развивается при отсутствии скрепляющих общество гражданских институтов. Но, как показывает Паин, патримониальная система не создает стимулов для развития последних.

Таким образом, по справедливому мнению авторов сборника, само сравнение России с Германией демонстрирует, что духовные искания российских интеллектуалов были отнюдь не уникальны. Ту же модель можно обнаружить в ряде других западных стран, в особенности в Германии. Совершенно правильно указывается на то, что образ «Запада» в разных странах выстраивался по-своему (с. 10). Если Германия видела себя в оппозиции к «романскому миру», то в России подчеркивали противостояние «романо-германскому миру». В любом случае за этим стояло неприятие демократического устройства, отражающее как позиции властной верхушки, так и инерционное массовое сознание. Между тем определенному числу ученых это казалось выражением «национального характера» или «этнопсихологии», что позволяет рассматривать идеологию «особого пути» как один из симптомов «научного расизма». Ведь этот подход этнизирует и расиализирует социальные и политические трансформации, объявляя их спецификой какого-то народа или отдельно взятого региона («Запада»), якобы «чуждой местной традицией». Преодоленный западной научной мыслью, такой подход, к сожалению, сегодня пользуется немалой популярностью в России.

В то же время вряд ли можно объяснить идеологию «особого пути» одной лишь незрелостью («юношеской формой») общественного сознания (с. 8). Ведь наряду с этим речь идет и о компенсаторном ответе на серьезную травму, для врачевания которой как раз и служит романтический национальный миф, в чем бы он ни выражался и какие бы последствия ни вызывал (на это справедливо обращает внимание Дубин, с. 212). По сути, исторический путь любой страны имеет свою специфику и в то же время отражает некоторые общие закономерности, присущие эволюции человечества в целом. Однако придерживаться ли определенного баланса специ-

фики и общих закономерностей или отдавать предпочтение чему-то одному — дело самого историка, хотя совершаемый им выбор и характер аргументов в известной мере также определяются состоянием данного общества. Например, если в советское время обосновывали «уникальность», ссылаясь на классовую парадигму, то в сегодняшней России сторонники такого взгляда опираются на «цивилизационный подход». Причем вчерашние «философы-истматчики» сегодня с неменьшим энтузиазмом отстаивают «цивилизационные ценности». Примечательно, что основы этому были заложены еще в начале 1920-х годов Лежневым, развивавшим идеи евразийца Николая Трубецкого и представлявшим «новую Россию» «нацией-классом», что и определяло особенности местного патриотизма (с. 84–85). То есть идея, возникшая во вненаучном контексте, отличалась большой устойчивостью; менялись лишь способы ее обоснования. Сегодня она воплощается в популярном «цивилизационном подходе», чья научная слабость компенсируется эмоциональным напором. Иными словами, идеология всемерно господствует над научной методологией — вывод, неутешительный для современной российской научной мысли. В то же время пример Германии убедительно показывает, что идеология «особого пути» вовсе не является врожденной особенностью общества — она может быть преодолена, хотя для этого и требуются определенные интеллектуальные усилия (что продемонстрировано в главе Хрякова).

Создается впечатление, что, как бы авторы ни критиковали идею «особого пути», их аргументы об «особой ментальности» часто приводят их в лагерь «либеральных пессимистов», о которых пишут Верховский и Паин (с. 177). Однако основания этой «ментальности» анализировались разными авторами весьма фрагментарно, и остается неясным, является ли она инерционной (плодом долгой

истории), а если так, то когда и как она складывалась? Или же речь идет об общественной реакции на травмы распада СССР и введения рыночной экономики? А может быть, следует говорить об искусственном привнесении этой идеологии в массы «властителями дум» (публицистами, писателями, журналистами, кинематографистами и пр.)? И если так, то можно ли обнаружить в этом участие власти; действительно ли она дистанцируется от идеологии, как уверяют нас некоторые эксперты? К сожалению, за рамками исследования осталось массивное воздействие на общество со стороны СМИ (в особенности телевидения), художественной литературы, киноиндустрии и, что немаловажно, школьного образования (прежде всего учебников). Ведь именно здесь на протяжении уже довольно долгого времени выковываются конспирологические идеологемы, опирающиеся на

цивилизационный подход и антизападничество. В этой связи было бы желательно уделить внимание и позиции Русской православной церкви, также настойчиво лоббирующей идею «особого пути».

В любом случае авторам удалось продемонстрировать неоднозначность идеологии «особого пути» — ведь она не только «врачает травму» и облегчает адаптацию, как не без оснований указывает писатель Александр Мелихов (с. 297–299), но и возбуждает мессианские настроения, укрепляет традицию имперскости, создает питательную почву для мистики и конспирологии, поддерживает антизападнические убеждения и провоцирует ксенофобию. Книга завершается дискуссией, утверждающей, что идеология «особого пути» усугубляет изоляционизм и тем самым препятствует успешной модернизации. ■

ВИКТОР ШНИРЕЛЬМАН

Russian Environmentalism: The Yanitsky Reader. Moscow: Taus, 2010. 367 p.

Девиз XVII Всемирного конгресса социологии (июль 2010, Гётеборг) — «Социология на марше» (*Sociology on the Move*) — определяет современное состояние социальной науки как *весьма динамичное*. Эта характеристика в полной мере приложима и к инвайроментализму — научному направлению, которое занимает все более значимое место в мировой социологии. На упомянутом конгрессе инвайроментальная социология привлекла к себе внимание 134 участников (2,7 проц.) из общего числа 4981, заметно опередив другие популярные темы: экономический кризис — 80 докладов (1,6 проц.); современное общество и модернити — 95 (1,9); демократия — 68 (1,5); политика — 95

(2); права человека — 33 (0,7); терроризм — 30 (0,6 процента представленных докладов).

Но даже на этом впечатляющем фоне выход в свет книги видного российского ученого-экоциолога Олега Яницкого, адресованной англоязычному читателю, — событие неординарное. Автор — активный член международного сообщества экоциологов, более десяти лет работал по межправительственной программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера», был советником Европейского банка реконструкции и развития, инициировал ряд международных компаративных исследований. Так, еще в середине 1980-х, когда наша страна только-только начинала открываться внешнему миру, ему удалось

организовать международное сравнительное исследование «Города Европы: участие обществственности в охране городской среды», в котором приняли участие российские ученые и их коллеги из 16 европейских государств.

Рецензируемая книга «Российский инвайроментализм в работах Яницкого» — итог почти 40-летних исследований автора по самым разным аспектам экосоциологии. Она представляет собой сборник основных работ ученого, опубликованных в ведущих международных и российских журналах. Некоторые из них сопровождаются комментариями, сделанными порой через много лет после их написания. Примечательно, что пятый раздел книги включает в себя новейшие разработки автора по проблематике высшего образования в современной России в контексте его столетней динамики, причем особое внимание уделено социальной экологии. Напомню, что в начале XX века Россия занимала лидирующие позиции в изучении природопользования. В частности, на уровне губерний и регионов предпринимались специальные исследования в области сохранения плодородия почв. Но позднее эти традиции были утрачены. Экосоциология долгое время оставалась золушкой среди политических и социальных наук в мире и особенно в СССР. К сожалению, положение мало изменилось и в постсоветской России. В какой-то момент в ходе научно-технической революции несомненные достижения естественных наук — физики, биологии, химии — породили несокрушимую веру во всемогущество человеческого разума, способного «покорить» природу ради «удовлетворения все возрастающих потребностей». С тех пор человечество стало жить за счет природы, игнорируя явные и латентные опасности подобного прямолинейно прогрессистского мышления. Именно оно сформировало всемогущую потребительскую идеологию и провоцирует геополитические войны. Но сегодня сопряженные с

таким взглядом на мир опасности становятся все более очевидными. Положение воистину критическое: вне экологического мышления наука и новейшие технологии превращаются во все более мощное орудие эксплуатации природы, а это угрожает самим основам человеческой цивилизации. Климатические изменения и экологические катастрофы по всему миру заставили наконец ученых подвергнуть критике, казалось бы, незыблемое потребительское отношение к природе, повернуться лицом к глобальным экологическим проблемам, а политиков — включить эту проблематику в повестку дня наиболее влиятельных мировых форумов. И теперь без экологического мышления и новой науки — экосоциологии — просто не обойтись.

Яницкий рассматривает экосоциологию как широкую дисциплину, имеющую дело как с глобальными проблемами, так и с конкретными гражданскими инициативами, экологическими движениями и их лидерами. Методологически он выступает в роли и аутсайдера, и инсайдера одновременно, то включаясь в экологическое движение в качестве эксперта или советника, то дистанцируясь от него в роли аналитика и критика. Автор убежден, что только на пути тщательного наблюдения и кропотливого анализа отношений общества и природы в их динамике можно получить надежные выводы и сделать убедительные прогнозы. Книга ценна еще и тем, что Яницкий, обращаясь к той или иной западной концепции, каждый раз стремится оценить, насколько она применима к российской действительности. Особого внимания заслуживают методологические предпочтения ученого. Автор убежден, что метод *case-study* является наиболее адекватным при анализе социально-экологической проблематики, так как ее главный предмет — социально-экологический конфликт, локальный, региональный или глобальный, в который вовлечены и разные группы интере-

сов, и разные научные дисциплины, и разные взгляды на природу и динамику конфликта. Отсюда и интерес автора к расстановке сил, выступающих за и против конкретных экологических решений, к формированию сетей поддержки экологических инициатив и, напротив, противостояния им. Яницкий — один из немногих исследователей, делающих упор на значимость взгляда «снизу» и «изнутри». Замечу, что «случай» в понимании автора, — это изучение не просто какого-то отдельного момента в жизни общества, а его сложной динамики. Поэтому он так тщательно выстраивает подробные хронологии изучаемых им конфликтов.

Книга состоит из предисловия, введения и пяти частей. В предисловии Яницкий объясняет, почему он, уже будучи живописцем и архитектором, предпочел стать экосоциологом с присущим этой профессии специфическим этико-гуманистическим мышлением. Во-первых, это особая атмосфера, в которой жила его семья и ближайшее окружение, состоявшее из медиков, ученых-естествоиспытателей и полярных исследователей. Особо сильно повлияла на него жизнь деда, военного хирурга, участника трех войн, человека незаурядной широты научных интересов. Во-вторых, сыграло свою роль то, что, став сотрудником Института международного рабочего движения АН СССР, он получил возможность работать в тесном контакте с молодыми лидерами мировой урбан-социологии (Мануэль Кастельс, Рей Пал, Иван Селеньи), что в конечном счете привело его к близкому знакомству с представителями мирового экологического движения. В-третьих, оставаясь в душе художником-пейзажистом, автор полагает, что инвайронментализм — это не только наука или политическая практика, но и прежде всего этическая позиция (с. 15–17).

Первая часть книги — «Российское общество и природа» — открывается докла-

дом Яницкого на Конгрессе всемирной социологической организации «Социально-информационные аспекты урбанизации» (1970), по поводу которой ученый размышляет, выясняя, в чем же спустя 40 лет он оказался прав, а в чем нет. Я бы отметил этот доклад как пример особого инновационно-критического мышления: автор стремится понять, что было верным, а что ошибочным в его работах на протяжении десятилетий. Такая же неординарность мышления проявилась и в комментариях к статье «Индустриализм и инвайронментализм: Россия на рубеже культур» (1995). К ней ученый возвращается спустя 12 лет в своей работе «Экологическая парадигма как элемент культуры» (2007).

Во второй части, озаглавленной «Инвайронментальное движение в России: история, теория и современные проблемы», последовательно рассматриваются концепция данного движения в разные периоды истории, влияние на него отчуждающего и даже враждебного контекста. Все это раскрывается на примере эволюции экологической мысли в дореволюционной России/СССР/современной России в XX — начале XXI века.

Третья часть представляет собой шесть эмпирических исследований социально-экологических конфликтов, от локальных до глокальных, методически построенных по единому принципу: суть конфликта, его хроника, анализ его основных фаз — подготовительной, мобилизационной, собственно конфликта и последующих действий сторон, в него вовлеченных. Хотя эти исследования, за исключением одного, были выполнены во второй половине 1990-х годов, они актуальны и по сей день. Например, глава 6 «Принятие Лесного кодекса» — это характеристика конфликтного процесса принятия версии, предшествующей варианту 2004-го. Однако зафиксированная в главе критика кодекса лидерами движения и независимыми экспер-

тами была воспринята законодателями только сейчас, спустя почти 15 лет.

Четвертая часть книги «Лидеры и активисты» содержит краткие, но емкие биографии двадцати лидеров российского экологического и смежных с ним социальных движений: краеведческого, жилищного и самоуправления. Все эти люди, экологически и граждански мотивированные, видят в своей работе дело всей жизни.

Наконец, в пятой части «Об обучении и тьюторстве» автор, опираясь на изучение опыта преподавания в российских университетах почти столетней давности, включая дневниковые записи и публикации отца Яницкого, члена кружка студентов-историков Киевского университета (интересовавшихся не только историей, но и политикой), а также на собственный опыт тьюторства, приходит к выводу, что необходим переход от предметного к проблемному принципу преподавания. Очевидно, что это соображение логически связано с методологическим приоритетом исследования социально-экологических проблем через динамику конфликта (то есть через изучение «случая»).

Каковы же ключевые идеи и выводы автора, суммированные во введении, которое написал Никита Покровский? Яницкий утверждает, что Россия сегодня находится в незавершенной фазе индустриализации с вкраплениями островков постиндустриализма. Одной из важных черт последнего является поворот к экологически ориентированному производству и потреблению. Для осмысления перехода от первой фазы ко второй автор предлагает две парадигмы: «системной исключительности», характеризующей советский период, и «системной адаптивности», описывающей ключевые моменты переходного общества (с. 41–47). При этом автор различает мировоззренческие и собственно функциональные характеристики каждой из этих парадигм: природа

общества данного типа, его взаимоотношения с внешним миром (известная в западной литературе проблема Другого), доминирующий тип отношений государства и общества, а также тип личности, сложившейся в данном обществе, и т. д. Вот, например, как раскрывается данная позиция в условиях тоталитаризма: мировоззрение — это господство идеологии над культурой; личность, сформированная в условиях феодализма и капитализма, должна быть перестроена в соответствии с коммунистической идеологией. Эта задача решается путем «положительной селекции», осуществляемой с применением насилия, когда никого не волнуют связанные с этим человеческие жертвы. Не имеют значения и потери, понесенные природными экосистемами (с. 41). У автора весьма критический взгляд на провозглашенный Михаилом Горбачёвым принцип «активизации человеческого фактора». В нем, по сути, выражен тот же ресурсный подход к человеку: он был нужен для реализации проекта перестройки (с. 44). В противовес ему автор выдвигает концепцию «первичной экоструктуры», которая представляет собой гибкую систему информационных и иных ресурсных связей индивида, позволяющих человеку накапливать и реализовывать свой социальный потенциал в условиях нарастающего экономического и социального давления (с. 55). Таких ячеек и связей между ними с каждым днем становится все больше. Но действительный сдвиг общества в сторону «про-эко» произойдет только тогда, когда экологические императивы станут элементами повседневной культуры россиян (с. 109–126).

Однако, полагает автор, названных выше теоретических инструментов недостаточно, потому что они не схватывают главного — нарастания рискогенности российского общества вследствие накопления рисков, унаследованных от прошлого, и появления новых вызовов, на которые рос-

сийский социум не дает адекватных ответов. Квинтэссенция выдвигаемой Яницким концепции России как общества всеобщего риска в том, что «производство “благ” и производство “бедствий” гносеологически и онтологически являются двумя сторонами одной реальности. Не производство и его отходы, а два взаимозависимых типа общественного производства» (с. 61). Основные признаки этого общества, по мнению автора, следующие: риск становится нормой жизни, причем общество не способно адекватно оценить сложившуюся ситуацию; несущая способность среды обитания (природной и технической) многократно превышена, поэтому она из поглотителя рисков превратилась в их производителя. Особую роль в превращении России в общество всеобщего риска играет *энергия распада*. Это — не отдельное проявление социальной патологии или девиантного поведения. Теоретически выделение этой энергии есть процесс, противоположный накоплению ресурсов, необходимых для дальнейшей социальной эволюции. Практически же выделение энергии распада и ее рассеивание в среде обитания есть результат продолжающейся дезинтеграции общества и его институтов. Любые технические сооружения, инфраструктура, социальные институты, культурные ландшафты и т. п., если они не подвергаются постоянному контролю, профилактике и обновлению, становятся источниками рисков распада (с. 68–73).

В конечном счете типологически такое общество, как считает автор, разделяется на риск-производителей и риск-потребителей. Это — новый аспект изучения социальной структуры общества и одновременно инвариант современной формы социального неравенства. В обществе риска возникают риск-солидарности. «Позитивные» — это солидарности борцов против рискогенного общества, за чистую и безопасную среду обитания, за экологизацию производства и куль-

туры. «Негативные» — это солидарности стяжателей, коррупционеров, лиц без корней, без ответственности за состояние природы и общества (с. 85–86).

Есть ли выход из сложившейся ситуации? Яницкий называет его необходимые предпосылки. В аналитическом аспекте российское общество должно быть изучено как производитель рисков и должен быть определен «коридор устойчивости» России как экосистемы. В нормативном плане требуется выяснить, совместимы ли модели потребительского и про-экологического обществ. В политическом аспекте экосистемный подход необходимо включить в политическую повестку дня, что означает, в частности, доступ гражданских экологических организаций к принятию политически значимых решений (с.75–46, 92).

Тривиальное утверждение, что мы имеем дело с социализированной природой и биологизированным обществом, имеет, как показывает автор, далеко не очевидные следствия:

- Экологическое знание сегодня политически и социально обусловлено, завися прежде всего от взаимодействия двух основных акторов этого знания: государства и гражданского общества.
- Это знание не может быть учтено политиками непосредственно — требуется политическая и/или социальная интерпретация этого знания.
- В реальности огромную роль играет локальное или контекстуальное (ситуативное) знание, почему автор и предпочитает метод изучения «случая»: там всегда имеет место столкновение закона (директивы) и реальной жизни.
- Сам механизм производства экологического знания есть всегда диалог между группами интереса и населением, в которых научное сообщество играет важную, но далеко не определяющую роль.

Экологическое знание — не комплекс научных фактов, а скорее процесс выработки значений и смыслов (с. 99).

- В России стал формироваться институт «адвокатов природы» и, более того, сообщество ученых-волонтеров, практикующих «хождение в народ» с целью его обучения тому, как мобилизовать ресурсы для защиты среды его непосредственного обитания. Автор эмпирически выделил 5 типов таких ученых-адвокатов: «отстраненный», то есть выступающий только как эксперт, «понимающий» (позицию и задачи движения), «участвующий» в деятельности движения, но остающийся научным работником, «партнер», то есть ученый-активист, имеющий двойную аффилиацию, и «полностью интегрированный», то есть работающий в одной из экологических организаций (с. 199–201).

Тема российского экологического движения проходит красной нитью через всю книгу. Это движение — главный носитель экомышления, коллективный актор экологизации сознания населения и борьбы за его конституционное право жить в чистой и безопасной среде. Его специфика в том, что это именно общественное движение, имеющее глубокие корни в профессиональной академической среде, то есть оно одновременно профессиональное и гражданское. Оно мировоззренчески и политически неоднородно, автор выделяет семь его основных групп: консервационисты, альтернативисты (эко-анархисты), традиционалисты, гражданские инициативы, экополитики, экопатриоты и

экотехнократы (с. 134–137). Отсюда разные стратегии и тактики, а также разное отношение к государству. Однако для большинства групп характерен дрейф в сторону защиты базовых прав и свобод человека. Наконец, его общей отличительной чертой является сетевая организация, сложившаяся еще в 1960–1970-е годы. Сетевая организация — это важнейший ресурс движения, позволяющий быстро мобилизовать силы для коллективных акций, обмениваться информацией, наращивать совокупный профессиональный и человеческий потенциал. За двадцать лет, пишет автор, движению удалось преодолеть свою обособленность от населения: лозунг «Мы, профессионалы, знаем лучше» сменился лозунгом «Вместе с народом против разрушения природы». Не менее интересен вывод о том, что параллельно изменялась роль социологии: от «директивной» (необразованные массы следует дисциплинировать и просвещать) к «интерактивной» (социальная интерпретация экологического знания, создание площадки для междисциплинарного диалога, введение локального знания в большую политику) (с. 187). Вообще, глава об эволюции экологической мысли в нашей стране за период 1920–2000 годов представляется мне наиболее интересной с точки зрения сочетания теоретических подходов и эмпирического материала (с. 184–205).

Наконец, рецензируемая книга, кроме всего прочего, — ценная хрестоматия, полезная как для студентов, так и для ученых разных социологических дисциплин. ■

СЕРГЕЙ КРАВЧЕНКО

ГАРАНЬ АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ — профессор кафедры политологии Национального университета «Киево-Могилянская академия» (Киев, Украина), доктор исторических наук.

ИОФФЕ ГРИГОРИЙ ВИКТОРОВИЧ — профессор Рэдфордского университета (США).

ИСКАНДАРЯН АЛЕКСАНДР — директор Института Кавказа (Ереван, Армения).

КРАВЧЕНКО СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — заведующий кафедрой социологии МГИМО (У) МИД России, доктор философских наук.

КРАСТЕВ ИВАН — председатель Совета Центра либеральных стратегий (София, Болгария).

ЛАКЁР УОЛТЕР — историк.

МАЛАШЕНКО АЛЕКСЕЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ — председатель программы «Религия, общество и безопасность» и член научного совета Московского Центра Карнеги, доктор исторических наук.

МАЛИНОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА — ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор МГИМО (У) МИД России, почетный президент Российской ассоциации политической науки, доктор философских наук.

ПОПЕСКУ НИКУ — старший научный сотрудник Европейского совета по международным отношениям.

РЯБОВ АНДРЕЙ ВИЛЕНОВИЧ — председатель программы «Восток — Восток: партнерство за пределами границ» и член научного совета Московского Центра Карнеги, кандидат исторических наук.

ФИНКЕЛЬ ЕВГЕНИЙ БОРИСОВИЧ — аспирант факультета политологии Университета Висконсина — Мэдисона (США), в 2011—2012 гг. — научный сотрудник программы *Order, Conflict, and Violence* Йельского университета (США).

ШНИРЕЛЬМАН ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ — главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, доктор исторических наук, член *Academia Europaea*.

ЯНОВСКИЙ МАЧЕЙ — приглашенный профессор Центральноевропейского университета (Будапешт, Венгрия).

Vol. 15, No 3–4 (52)

COVER STORY

POST-SOVIET POLITICAL SYSTEMS

An entropic or a cohesive region?

BY ANDREY RYABOV

The states that appeared on the territory of the former USSR inherited from their common ancestor a particular mode of authoritative dominance. The overriding goal of such a system of power is to maintain the permanence of the ruling elite and their absolute control over key national economic assets. When compared to the Soviet system, economic and political fields have shifted, but the mechanisms of social interaction and elite behavior remain unchanged.

Armenia between autocracy and polyarchy

BY ALEXANDER ISKANDARYAN

The country's poverty encouraged the tight intertwining of business and politics. Entering the upper echelons of Armenian business, integrated into the system of 'veteran' relations, a representative of the new Armenian economy finds himself in an extremely competitive environment, in which there are few resources, highly limited export and import channels, and a narrow market. Businessmen are forced into a constant search for consensus amongst themselves, the easiest mechanism for the achievement of which is the state.

Authoritarianism without oligarchy

BY GRIGORY IOFFE

The Belarusian political system under Lukashenko has maximized its benefit from the ongoing geopolitical standpoint between the West and Russia. The regime's stability is further bolstered by the incompleteness of the Belarusian nation-building project, which hampers the political crystallization of Belarusian society and, thus, the emergence of alternative leaders. Western policy has also done a great service to the Belarusian regime, actively applying double standards and ignoring the impact that the actions and rhetoric of Western governments and international organizations have in Belarus itself.

Fragile pluralism

BY NICU POPESCU

Moldova is something of a paradox. It is one of the poorest states in Europe, with a secessionist conflict on its territory, with a large rural population, and yet it is virtually the most democratic state in the post-Soviet space (except for the Baltics). In its short history, Moldova had avoided most of the extremes of other post-Soviet states. It has never had a consolidated authoritarian regime. Nor did it have 'color revolutions' as in Georgia and Ukraine.

Ukraine: pluralism 'by default', revolution, thermidor

BY OLEXIY HARAN

The surprising (to many) 'Orange' revolution, early elections, coalition collapses and scandalous standoffs have combined to create an image of Ukrainian politics as a zero-sum game, not a race to the finish, but a fight to the death. To date, however, even in moments of the greatest crisis Ukraine has always managed to back away from the abyss, avoid violent conflict and reach a compromise. Will this balance be maintained under President Yanukovich, or will the country drift towards the 'Russian model'?

Doomed to eternity and stagnation

BY ALEXEY MALASHENKO

The regimes of Central Asia – which, truth be told, are not plural, but rather modifications of a single authoritarian regime – have over their 20-year histories withstood the test of time. Central-Asian authoritarianism has been sorely tested by socio-political upheaval, Islamist radicalism and internal squabbling. But this authoritarianism in all cases proved its political worth: it survived and provided for relative stability in the states of the region. Nowhere in Central Asia has anyone been able to put forward a real and publicly understandable alternative.

ARTICLES

Paradoxes of the new authoritarianism

BY IVAN KRASTEV

Russia is an interesting case because it highlights the key features of the new competitive authoritarianism. Russia's regime is only moderately repressive. Putin's authoritarianism is a "vegetarian" one. While political repression exists, it is fair to say that most Russians today are freer than in any other period of their history. They can travel, they can freely surf the Web—unlike in China or Iran — and they can do business if they pay their "corruption tax." Unlike the Soviet Union, which was a self-contained society with closed borders, Russia is an open economy with open borders.

The past in Russian presidential rhetoric

BY OLGA MALINOVA

Criticism of the past, and comparing and contrasting it with the present and the future, is a more prominent and clear attribute of presidential addresses than the image of "our glorious past", meant to serve as a source of optimism and a fulcrum for gaining leverage on current issues. By emphasizing criticism of the recent past and refusing to expand its 'operational' repertoire through a reevaluation of problematic passages of older history, the ruling elite are reproducing the old cultural algorithm of 'breaking with tradition'. But, in contrast to the Petrine and Soviet upheavals, which brought major shifts in world-view, there is no basis for such a break at present.

In search of lost genocide

BY EVGENY FINKEL

Breaking walls, opening borders, and holding elections proved to be substantially easier than constructing identities, congruent with the unifying spirit of the first post-communist days. Faced with the challenges of independent statehood and haunted by legacies of the not so distant, but silenced past, many post-1989 elites view historical and political narratives of suffering and victimhood as an important component of the state building process. Taken to its extreme, the logic of victimhood led to the "search of lost genocide" throughout the region.

Jedwabne, July 10, 1941: A discussion of the events of a day of horror

BY MACIEJ JANOWSKI

The polarization that emerged during the discussion of Jedwabne ten years ago remains. Still today, some believe that recognizing the dark pages of national history is a reflection of social maturity and a moral obligation, while others are convinced that defending the good name of the people is a fundamental obligation of patriotism. Because both positions are founded not on empirical knowledge, but on principles of worldview, it would be a mistake to believe that they could be altered by historical study.

Book Reviews**Our Authors**

